

Б-91421/4

421/4

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
БАШКИРСКИЙ ФИЛИАЛ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

ВОПРОСЫ
ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
ЮЖНОГО УРАЛА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
БАШКИРСКИЙ ФИЛИАЛ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Б-91421/4

ВОПРОСЫ
ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
ЮЖНОГО УРАЛА

К

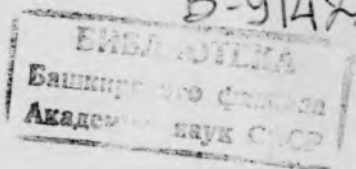
Уфа —1982

39/5943,43) (Башкир) + 39/5943,43)

Утверждено к печати РИСО БФАН СССР

Сборник включает статьи, в которых рассматриваются вопросы, связанные с происхождением и формированием башкирского народа, с этническими и историко-культурными связями народов Урало-Волжского региона с Западной Сибирью и Средней Азией. Публикуемые работы затрагивают этнографические, языковые и антропологические аспекты этнокультурных процессов с древнейшей эпохи до новых времен. Центральное место в сборнике занимает проблема формирования Волго-Уральской историко-этнографической области.

Под редакцией
Р. Г. КУЗЕЕВА и Н. В. БИКБУЛАТОВА

Р. Г. Кузеев, Т. М. Гарипов,
В. А. Иванов, Н. Н. Моисеева

ОБ ИСТОРИИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ, УРАЛЬСКИХ И АЛТАЙСКИХ НАРОДОВ В УРАЛО-ПОВОЛЖЬЕ

В советской этнографической литературе все чаще подчеркивается актуальность и перспективность изучения историко-этнографических областей, характеризующихся как локализованные в пространстве и во времени части ойкумены, у населения которых в процессе длительного взаимодействия и взаимовлияния разных народов (этносов) формируются многие общие особенности хозяйства, социального строя, культуры и быта¹. Действительно, всестороннее изучение историко-этнографических областей (ИЭО) открывает новые исследовательские перспективы, позволяет существенно повысить доказательность сравнительно-исторических сопоставлений при анализе различных сфер культуры, более глубоко понять развитие отдельного этноса в системе исторически связанных с ним народов. Комплексное (междисциплинарное) исследование истории формирования и современного состояния ИЭО позволяет иначе взглянуть на ставшие традиционными решения некоторых этногенетических и этнокультурных проблем.

Изучение в указанных аспектах Волго-Уральской ИЭО² представляет особый интерес, так как индоевропейские, тюркские и финно-угорские народы, расселившись на огромных лесостепных и степных пространствах Евразии, именно здесь, на территории Восточной Европы, от р. Оки и до Южного Урала, имели постоянные и тесные контакты. В свете вновь актуализируемых гипотез об урало-алтайском генетическом родстве или о древнейших контактах и взаимодействии уральских и алтайских народов, разработка истории этнокультурного сближения финно-угорских и тюркских народов в Волго-Уральском регионе может явиться существенным новым вкладом в проблему.

В настоящее время на смежной территории Среднего Поволжья и Приуралья, на территории примерно в 300 тыс. кв. км расположены шесть автономных республик, в том числе три республики (Марийская, Мордовская и Удмуртская) с финноязычным и три (Башкирская, Татарская, Чувашская) — с тюркоязычным коренным населением. В шести АССР в сложном территориальном сочетании проживает около 12 млн. человек, в том числе татар 2,5 млн., башкир около 1 млн., чувашей более 1 млн.,

мари 415 тыс., мордвы 455 тыс., удмуртов 532 тыс. человек. Всего в указанных республиках тюркского населения 4,5 млн., финно-угорского — 1 млн. 400 тыс. человек. В среднем около 43—45% населения в автономных республиках региона составляют русские. Значительные группы тюркоязычного и финноязычного населения имеются в соседних областях — Горьковской, Кировской, Куйбышевской, Оренбургской, Пензенской, Пермской, Ульяновской. В них в различных сочетаниях проживает татар 540 тыс., чувашей около 200 тыс., башкир 70 тыс., марийцев 60 тыс., мордвы 460 тыс., удмуртов 45 тыс. человек. Таким образом, с учетом указанных областей, Волго-Уральский регион населяют свыше 5 млн. татар, башкир, чувашей и около 2 млн. марийцев, мордвы, удмуртов ³.

Даже самая суммарная характеристика этнического состава населения региона показывает, что Волго-Уральская область являлась зоной активных, тесных и сложных этнокультурных контактов и взаимодействий. В прошлом здесь имели место частые сдвиги и даже смены населения. Поэтому восстановить поэтапно этнические процессы в прошлом, проследить миграционные потоки, установить причины и результаты крупных сдвигов населения — задача весьма трудоемкая. Только при последовательно историческом подходе к теме, с задачей изучения генезиса, формирования и развития, а также особенностей современного функционирования области в целом можно рассчитывать на положительные результаты, в том числе в разработке этнической истории отдельных этносов региона. Между тем недавняя традиция в изучении волго-уральских народов ограничивалась преимущественно рамками отдельных этносов. В последние два-три десятилетия опубликован ряд монографических исследований, содержащий богатейший материал и глубокие сравнительно-исторические и типологические экспертизы по этнической истории народов региона ⁴. Однако только недавно в печати четко сформулирована идея о необходимости осмысления Волго-Уральской общности как некой социокультурной динамической целостности и сделаны первые весьма интересные попытки исследовать конкретные аспекты темы ⁵.

Конечной целью этих работ является полная, комплексная характеристика Волго-Уральской историко-этнографической области. Эту задачу можно реализовать посредством многих разноаспектных исследований историков, археологов, этнографов, антропологов, лингвистов и других ученых с последующим общением полученных результатов. В данной статье дается реконструкция основных этапов истории формирования Волго-Уральской области и на этой базе выявляются наиболее существенные характеристики в хозяйственно-экономической, социально-политической и культурно-бытовой сферах возникшей общности, которые выступили в те или иные периоды ареалообразующими факторами.

В истории генезиса и развития Волго-Уральской ИЭО выделяется пять крупных этапов, каждый из которых характеризуется специфическим сочетанием хозяйственной и культурной деятельности населения соответствующей эпохи. Предлагаемая периодизация, как и любая периодизация, в какой-то мере условна; она главным образом является инструментом познания темы, хотя в определенной степени отражает и историческую реальность.

Основным содержанием **первого** этапа является распад древнеуральского единства, продвижение предков финно-пермских народов в IV—III тыс. до н. э. к западу от Урала на Каму и Среднюю Волгу и образование здесь финно-пермской неолитической общности. Среди множества взглядов и гипотез о расселении древних финно-угров ⁶ большинство исследователей наиболее аргументированной считают изложенную точку зрения образования финно-пермской неолитической общности с последующим продвижением финноязычных племен на запад в сторону Прибалтики ⁷. По мере продвижения на запад прафинны впитали в себя какие-то «палеоевропейские» аборигенные группы. Неолитические племена лесной полосы Восточной Европы — носители так называемой волосовской культуры ямочно-зубчатой керамики — в начале II тыс. до н. э. появляются в бассейне Оки, Верхнем Поволжье и достигают Прибалтики. Волосовские и родственные им племена, в которых О. Н. Бадер и А. Х. Халиков видят ранних финнов ⁸, входили, видимо, в одну обширную область древности, включавшую в начале II тыс. до н. э. территорию между Уралом и Балтийским морем. Волго-Уральская область была составной частью этой провинции и на нынешнем уровне наших знаний мы ничем не можем аргументировать хотя бы относительную ее обособленность.

Второй этап, датируемый нами II тыс. до н. э. и до середины I тыс. н. э., сам по себе чрезвычайно сложный, характеризуется дальнейшим развитием в регионе финно-угорской общности преимущественно по линии этнической дифференциации. Лишь в последних столетиях очерченной эпохи исследователи фиксируют этноконсолидационные процессы. На формирование этнокультурного облика населения Волго-Уральской области имели воздействие в характеризуемую эпоху угорское или угорско-самодийское проникновение из Западной Сибири и индоиранское продвижение с юга и юго-запада.

Западносибирско-угорское проникновение, по существу не прекращавшееся с момента разделения уральской общности, вылилось окончательно в широкий процесс великого переселения народов в I тыс. н. э.

В середине II тыс. до н. э. археологи отмечают проникновение из Западной Сибири орудий турбино-сейминского типа вплоть

до Финляндии. В последней четверти этого же тысячелетия по обеим сторонам Южного Урала расселяются племена черкаскульской культуры — угорские племена с сильным наслоением андроновидной культуры⁹. Ряд исследователей, например П. Вереш, относят черкаскульцев к протемадьярской группе угорской общности¹⁰. В X—IX вв. до н. э. к западу от Урала появляются потомки черкаскульцев — замараевские и межовско-березовские племена. В VIII—VI вв. до н. э. ананьицы в Прикамье, вероятно, контактировали с племенами гамаюнской культуры — также западносибирскими уграми. В V—III вв. до н. э. на Южный Урал и в Приуралье проникают убаларские группы, которые, по мнению исследователей этих памятников, были западносибирскими уграми¹¹, хотя их происхождение не вполне ясно. В пьяноборское время, со II в. до н. э. до III в. н. э., наблюдается проникновение в Прикамье элементов усть-полуйской культуры, принадлежавшей, очевидно, северным уграм. Около рубежа новой эры саргатские племена на юге Западной Сибири, имевшие к этому времени сильные кочевнические традиции, вошли в контакт с гунами и постепенно включились в их мощное движение в Восточную Европу, прежде всего на Южный Урал и Северный Кавказ¹². По мнению некоторых исследователей, саргатские племена явились непосредственными предками мадьярской группы угров перед их движением на запад¹³. Угорские, а также, по определению В. Ф. Генинга¹⁴, самодийские миграционные волны в Приуралье и Волго-Камскую область на протяжении многих столетий постоянно питали и поддерживали финно-угорскую основу этнокультурной характеристики Волго-Уральского населения. В то же время со второй половины II тыс. до н. э. активизируются внешние и внутренние этнолингвистические контакты населения Волго-Уральской области, усиливаются процессы дифференциации и распада финно-пермской общности.

Некоторые из сформировавшихся в описываемую эпоху хозяйственных и культурных навыков впоследствии становятся общим достоянием всех народов Волго-Уральской области.

В социальном отношении финно-угорские племена к середине I тыс. н. э. переживали эпоху расцвета патриархально-родового строя, растущего процесса имущественной дифференциации и заметно проявляющихся военно-демократических черт общественного быта¹⁵.

В целом можно заключить, что в диапазоне времени со II тысячелетия до н. э. и до середины I тысячелетия н. э., в результате обособления восточнофинской общности, последующего ее разделения на волжскую и пермскую ветви и формирования на основе их сложного взаимодействия основных компонентов современных финноугорских народов региона складывается первичный субстрат Волго-Уральской области со специфическими хозяйственно-культурными чертами. Характеризуя чрезвычай-

ную сложность этнокультурных связей финно-угров Волго-Уральской области с Западной Сибирью и со степным югом, невозможно не обратить внимание на возрастающее значение южных этнокультурных и торговых связей. Еще в I тыс. до н.э. среди ананьинского населения археологи прослеживают влияние культуры киммерийского мира, а также колхидской культуры Северо-Кавказа¹⁶. В последующее время, в савромато-сарматско-аланскую эпоху, связи с югом становятся постоянными; они, то возрастая, то несколько угасая, не прерывались по существу вплоть до конца рассматриваемой эпохи¹⁷. На основании этих и других фактов можно предположить, что изменение направления этнокультурных взаимодействий создавало предпосылки для формирования на огромной территории Среднего Поволжья, Приуралья, Нижнего Поволжья и Северного Кавказа единой области, единого этнокультурного региона финно-угорского и индоиранского взаимодействия. Проникновение тюрков во второй половине I тыс. н.э. в Волго-Камье по существу было продолжением уже установившихся миграционных традиций, этнокультурных и торговых связей.

Третий этап датируется со второй половины I тыс. н. э. до XIII в. (до начала монгольского нашествия). Этот период был узловым моментом в формировании Волго-Уральской ИЭО. Основным содержанием третьего этапа была миграция в Среднее Поволжье тюркоязычных групп населения с юга и активное их этнокультурное взаимодействие с местным финно-угорским населением. Экономическое и культурное влияние Волжской Булгарии распространилось на мордву, марийцев, буртасов, мурому, мерю, мещеру, позднее на удмуртов, пермь и другие племена края¹⁸. Пока едва ли есть возможность судить о численном соотношении финно-угорских аборигенов и тюркских мигрантов, однако демографические данные более позднего времени, кажется, не позволяют сомневаться в ассимиляции болгарским населением многих местных финских групп.

В хозяйственном отношении местные племена и тюркские мигранты в первое время заметно различались. Для волжских болгар переселение на Волгу было связано с перестройкой хозяйства, переходом от кочевого скотоводства к оседлому земледельческому хозяйству. В этом процессе большая роль принадлежала местному населению, издавна знакомому с навыками земледелия. Булгарская эпоха характеризуется подъемом в развитии плужного земледельческого хозяйства, которое у значительной части населения становится основным занятием¹⁹.

На основе общей характеристики третьего этапа в истории формирования Волго-Уральской ИЭО отметим некоторые конкретные особенности:

а. Основу Волго-Уральской культурной области составляла сравнительно плотно заселенная территория Среднего Поволжья²⁰, население которой характеризовалось более высокой культурой.

Именно здесь на относительно компактной площади протекал первоначально наиболее активный процесс финно-угорско-тюркского этнокультурного взаимодействия, расширяясь постепенно на периферию этой зоны. На этой же территории с выгодным географическим положением на крупных водных артериях, в благоприятных экологических условиях для земледельческого хозяйства сформировалось первое феодальное государство в регионе — Волжская Булгария, сыгравшая роль крупного ареалообразующего фактора для Волго-Уральской ИЭО.

б. В разработке истории формирования Волго-Уральской ИЭО принципиальное значение имеет определение времени и масштабов финно-угорско-тюркских взаимодействий. В литературе, особенно археологической последнего десятилетия, активно разрабатывается концепция неоднократной добулгарской массовой тюркизации Среднего Поволжья, о тюркоязычности носителей многих культур Приуралья с эпохи до новой эры и до начала II тыс. н.э.²¹

Между тем лингвистические факты, выявленные в границах исторической досягаемости и относящиеся к VI—VII вв. к древнетюркским языкам Центральной Азии, не дают достаточных оснований для доказательств гипотезы о массовой тюркизации населения Среднего Поволжья в первой половине I тыс. н.э. и, тем более, до н.э.²²

Следовательно, в давней дискуссии об этнической соотнесенности современных чувашей и татар с волжскими булгарами, в которой порой замечается изрядный налет эмоциональности, сама постановка проблемы сформулирована недостаточно корректно. Также не имеют достаточных оснований появляющиеся иногда попытки интерпретировать этногенез и этническую историю обоих народов вне прямой зависимости от волжско-булгарского этнического мира. Все тюркские народы Волго-Уральской ИЭО — чувашаи, татары и башкиры — историей своего этнического формирования тесно связаны с волжско-булгарским кругом племен²³. Этническая дифференциация этих этносов завершилась позднее в связи с историческими событиями XIII—XVI вв.²⁴

в. Сформулированное выше положение позволяет уточнить направление этнических процессов в булгарскую эпоху. Во второй половине и в конце I тыс. н.э. очертания финно-угорских народов и этнографических групп и их географическое размещение фиксируется достаточно четко. Мордва, черемисы, мари, мещера, удмурты археологическими материалами, а в ряде случаев и письменными источниками, локализируются достаточно отчетливо. Этого невозможно сказать о тюркских народах области, хотя в источниках начала X в. (Ибн-Фадлан) упоминаются на левобережье Волги булгары, башкиры, сувары и другие племена. Это объясняется слабой дифференцированностью этнического мира тюрко-булгарских племен*. Этническая консолидация предков современных тюркских народов Волго-Уральской об-

ласти протекала через посредство сильного смешения с местными финно-угорскими и, вероятно, угро-самодийскими группами. Во всяком случае, есть многочисленные свидетельства формирования чувашей, татар и башкир на восточнофинском субстрате, который у разных народов представлен, естественно, в разных пропорциях. Это смешение было настолько значительным, что дало основание некоторым исследователям говорить об общности происхождения финно-угорских и тюркских народов Поволжья и считать это этногенетическое единство** одним из важных ареалообразующих факторов.

г. Прогрессивное развитие производительных сил в болгарскую феодальную эпоху расширило к началу XIII в. этнополитическое и культурное влияние Волжской Булгарии, способствовало глубокой интеграции этнических образований региона в единый этнокультурный мир, в ИЗО. Эти прогрессивные изменения вызвали значительные передвижения населения как на северо-запад, так и на восток. Марийцы продвинулись в Вятко-Ветлужское междуречье, расширили свои территории мордовские племена, передвинулись на север удмурты²⁵. Булгарские племятники появились в низовьях рек Белой, Большой Ик и в Приуралье²⁶.

Рассеявшиеся по всем румбам племена уже испытали определенное воздействие болгарской культуры. По мере миграции племен из болгарского центра на периферию, в этнокультурный процесс включалось повсюду местное население, которое придавало культуре формирующейся ИЗО разнообразие при сохранении и дальнейшем развитии ареалообразующих черт культурного единства.

Таким образом, IX— начало XIII в. явились основным периодом в формировании Волго-Уральской ИЗО.

Необходимо добавить, что с падением Хазарского каганата и Великой Булгарии на Нижнем Поволжье и в Приазовье постепенно ослабляются связи Волго-Уральского региона с Северным Кавказом. Среднее Поволжье и Приуралье перестают быть периферией этих сильных средневековых политических образований. Волжская Булгария сама становится центром этнокультурного притяжения, и кочевая степь вместо связующего звена, как это было в эпоху ранних кочевников, становится южной границей новой Волго-Уральской историко-этнографической общности.

Четвертый этап охватывает XIII— XVI вв., с начала монгольской экспансии до присоединения Поволжья и Приуралья к Русскому государству. Главными политическими событиями эпохи были разгром монголами Булгарского государства и установление на длительное время господства Золотой Орды; позднее, в XV в., когда окончательно определился процесс распада Золотоордынского государства, образовалось Казанское ханство, распространившее свое владычество на значительную территорию Среднего Поволжья и Приуралья. По уровню социально-

экономического развития и Золотая Орда, и Казанское ханство были феодальными государствами.

В истории Волго-Уральской ИЗО в XIII—XVI вв. отметим следующие этноэволюционные процессы.

1. Монгольское нашествие и последующие события, в том числе образование Казанского ханства, вызвали значительные внутренние передвижения народов Волго-Уральской области. В XIII—XV вв. имел место дальнейший сдвиг финно-угорского населения — мордвы — в устье Оки, удмуртов и марийцев — в лесные районы севера²⁷. Булгарское население уходит из пострадавших от монгольского разгрома районов на север, в бассейн р. Казанки, на среднее течение Суры, а также на восток, достигнув р. Белой и юго-западного Приуралья²⁸. Расселение булгар в различных направлениях было по существу распадом этнополитической булгарской общности, ускорившим консолидацию и формирование этнических территорий чувашей, татар и башкир. По мере постепенного продвижения на современные места расселения, эти народы вновь смешались и ассимилировались в своем составе в различных масштабах финноязычные, угорские и угро-самодийские группы местного населения.

2. Существенное значение в этнокультурном формировании ИЗО, особенно ее юго-восточной части, сыграл мощный внешний приток преимущественно кыпчакского населения. Новая миграция коснулась этнического формирования татар и, особенно, башкир, усилив монголоидную примесь в антропологическом типе этих народов по сравнению с финнами²⁹, а также придав новый импульс развитию кочевого скотоводства и кочевнических традиций в культуре³⁰. Последние черты особенно отчетливо проявились в формировании башкирского этноса, так как до XIII — начала XIV в. на территории Приуралья, в низовьях Белой этнический состав населения был пестрым, многоязычным. Значительную территорию современной западной Башкирии занимали этнические группы с культурой, сходной с памятниками лесного Зауралья X—XIII вв., обладающими угорскими чертами. Севернее Белой, по бассейну Таныпа, обитали финноязычные племена. С юга, с верховьев Демы и Большого Ика, продвигались тюркские кочевники. По мере продвижения башкирских племен с запада на современные территории многоязычная ситуация в XIII — XV вв. исчезает, однако башкиры, ассимилировав финно-угорских аборигенов и испытав воздействие южных кочевников, несколько изменили направление своего этнического развития в сторону усиления степных, кочевнических традиций³¹.

Кыпчакский компонент обусловил общность не только значительных сфер культуры татар и башкир, но и их языков. Отличия татарского языка от башкирского некоторые исследователи объясняют давними связями еще «мусульманско-булгарского» языка с среднеазиатскими тюркскими языками, а также после-

дующим развитием казанско-татарского языка под воздействием Средней Азии ³².

3. В развитии всех сфер культуры усиливаются степные, кочевнические традиции. Некоторые элементы этой культуры (степные приемы охоты, отдельные типы одежды) распространялись на другие районы ИЭО. Диахроническая трансляция культуры не была нарушена и преемственность в восприятии предшествующего культурного опыта была достаточно стабильной. Но в XIII — XVI вв. в связи с вторжением в регион массы нового населения сильное воздействие оказывает пространственное распространение «кыпчакских» элементов культуры. В результате в XIII — XIV вв. иерархическая структура Волго-Уральской ИЭО еще более усложняется. Предварительно в этот период можно выделить три подобласти — кочевнический юго-восток с элементами примитивного земледелия; Среднее Поволжье с культурой пахотного земледелия; лесной север с земледельческо-скотоводческим хозяйством, но со значительным удельным весом лесных занятий — охоты, бортничества и т. д. Однако если иметь в виду в целом ИЭО, нарушенная в результате монгольского нашествия тенденция к распространению единого типа хозяйства с определенным комплексом культуры постепенно вновь восстанавливалась.

4. В XIII — XVI вв. в основном завершилось формирование современных очертаний основных этнических территорий волго-уральских этносов, в том числе тюркских народов. Это был период расширения этнических территорий татар и особенно башкир и сокращения этнической территории мордвы, марийцев и, возможно, удмуртов.

Основным содержанием пятого этапа, который датируется XVI — XIX вв., является вхождение всех этнических областей региона в Русское государство, восточнославянская колонизация, вызванные этими событиями политические, экономические и этнокультурные процессы.

Массовые переселения русского крестьянства на волго-уральские земли существенным образом изменили характер расселения финно-угорских и тюркских народов края. Во многих случаях были утрачены территориальная компактность, целостность расселения. Освоение русскими обширных пространств привело к формированию дисперсности в расселении местных групп, к нарушению установившихся этнических связей и формированию новых. Так, уже в XVI — XVII вв. в Волго-Окско-Сурском междуречье складывается сложный характер чересполосного расселения русских, мордвы и татар-мишарей, что придает этнокультурному развитию этих групп новые направления.

Подъем производительных сил в рамках Русского государства способствовал развитию процессов консолидации волго-уральских этносов, однако протекали они неравномерно. В литературе иногда появляются недостаточно аргументированные заключе-

ния о формировании наций буржуазного типа на основе тюркских или финно-угорских этносов области³³. В действительности промышленное развитие во второй половине XIX — начале XX в., которое захватило Среднее Поволжье и Приуралье, было более связано с общероссийским, а не с местным рынком³⁴. Пролетариизирующееся национальное крестьянство использовалось главным образом на подсобных работах и отхожих промыслах. По существу национальная промышленная буржуазия и национальный промышленный пролетариат не сложились³⁵. Поэтому большинство народов Волго-Уральской ИЭО не сформировалось в буржуазные нации. Исключение составляют татары, которые сложились в нацию капиталистического типа на рубеже веков или были близки к этому³⁶.

Освещая этот сложный вопрос, надо учитывать и уровень консолидации всех волго-уральских этносов в народности к моменту вхождения в состав Русского государства. Несмотря на широко бытующие утверждения о том, что к XV — XVI вв. все финно-угорские и тюркские этносы ИЭО окончательно консолидировались в народности, приходится сомневаться в аргументированности этого положения, по крайней мере, применительно к некоторым этносам. В ряде случаев (марийцы, мордва, башкиры ...) это были еще совокупности территориально-этнографических групп или племенных сообществ. Поэтому развитие производительных сил в XVII — XIX вв. для этих и других этносов был периодом реальной консолидации и развития в зрелые народности феодального общества. Пребывание в составе Русского государства, благотворное влияние русского крестьянства способствовали этому процессу, стимулировали развитие социальной активности национального крестьянства — в этом заключалось одно из прогрессивных последствий присоединения народов Поволжья и Приуралья к России.

В пореформенный период развитие буржуазных отношений в разной степени коснулось всех народов области, вызвав соответствующие изменения в социальной структуре этих народов³⁷. Эти изменения, а также другие факты социально-экономического и культурного порядка можно трактовать как свидетельство формирования в Волго-Уральском регионе целого ряда народностей с признаками социальной структуры, характерной для крестьянских обществ, вступивших на путь буржуазного развития.

Сформулируем некоторые выводы. Как показывает анализ, в различные периоды с той или иной силой в качестве ареалообразующих выступали неадекватные факторы. Применительно к Волго-Уральской ИЭО главными из них нам представляются:

1. Постоянно развивающаяся тенденция к формированию в сходных природно-географических условиях единого хозяйственно-культурного типа, хотя ИЭО может складываться на основе взаимодействия этносов с различными хозяйственными укладами. При этом, естественно, тенденцию ко всеобщему распро-

странению приобретает наиболее развитый тип хозяйства (в данном случае плужное земледелие) и соответствующий комплекс культуры.

2. Общий пласт в материальной и духовной культуре, частью сформировавшийся в результате исторического взаимодействия культур в различные эпохи, частью являющийся производным комплексом определенного типа хозяйства. В последнем случае общие культурные черты ИЭО имеют региональный, но не этнический характер.

3. Политическая организация в лице государства, которое становится при определенных исторических условиях центром этнополитического и этнокультурного воздействия на периферию и как бы «организует» интеграционные процессы в различных сферах хозяйственных занятий и культуры. При этом, если социально-экономическое развитие населения ИЭО находится примерно на одинаковом уровне в рамках единой формации, процессы этнической интеграции протекают относительно спокойно и стабильно, хотя и весьма постепенно.

4. Фактор языкового родства или языкового типологического сходства. На этом весьма важном моменте остановимся несколько подробнее.

Лингвистическое пространство Волго-Уральской ИЭО включает в себя не менее 10 компактно представленных языков и их крупных наречий: индоевропейские (главным образом русский), уральские (финно-угорских, волжской, пермской групп), соответственно два марийских (горное и восточно-луговое), два мордовских (мокши и эрзи), удмуртский, наконец, алтайские — собственно тюркские: башкирский, татарский (оба относятся к кыпчакской группе) и чувашский (булгарская группа).

Стратификация взаимодействия указанных языков по территориальным и хронологическим признакам чрезвычайно затруднена в силу неустановленности нижних (т. е. наиболее ранних) временных границ речевых явлений, локализуемых в Волго-Уральском регионе. Поэтому место абсолютных хронологизаций в исторической лингвистике чаще занимают относительные периодизации, согласно которым в названном ареале сосуществовали либо частично сменяли друг друга этнические общности, восходящие к трем большим семьям языков: индоевропейской, уральской и алтайской, а также к их более дробным подразделениям.

Теоретически исследователь взаимоотношений приведенных языковых комплексов вправе выбирать для характеристики последних одну из трех возможностей контактирования: общность генезиса, ареальная конвергенция и сопоставительное сходство.

Применительно к Урало-Поволжью в меньшей мере подходят принцип генетического родства и типологическое выделение структурных изоглосс.

Наиболее же реалистическим подходом для отражения многокомпонентной картины отдаленного прошлого и современного состояния волго-уральских языков является квалификация их совокупности в качестве языкового союза. В 1972 г. Б. С. Серебrenников опубликовал в Уфе свою известную статью «О некоторых отличительных признаках Волго-Камского языкового союза», открывшую тематический сборник «Языковые контакты в Башкирии». На материале в основном пяти языков — башкирского, марийского, татарского, удмуртского и чувашского — автор установил две фонетические (редукция и огубление гласных) и до десятка грамматических черт, имеющих «тотальное» распространение в сфере морфологии и синтаксиса. Принимая данный постулат как один из главных ареалообразующих факторов для интересующей нас ИЭО, мы со своей стороны предлагаем именовать его «Волго-Уральским языковым союзом» и дополняем фактологическим материалом, отражающим жизненно важные понятия и потому не могущим быть заимствованным. В этом нас убеждают многочисленные иллюстрации, призванные подтвердить финно-угорско-тюркское взаимодействие на протяжении последнего тысячелетия с лишним. Их анализ свидетельствует о том, что именно Волго-Уральская ИЭО стала ареной постоянных, интенсивных, длительных и прочных контактов между аборигенными финно-уграми и прикочевавшими тюрками (а до последних и с ираноязычными племенами)³⁸.

Современные этнолингвистические процессы среди народов Урало-Поволжья в целом вписываются в систему взаимодействия всех национально-языковых образований Советского Союза и, особенно, Российской Федерации, характеризующуюся решающим влиянием русского языка, который успешно выполняет функции инструмента межнационального общения. В силу этого на смену прежней культурно-языковой отчужденности и разобщенности, начиная с 1917 г., уверенно идет все более распространяющееся двуязычие (нередко через ступень предшествующего трехязычия), первым партнером которого выступает русский язык, а другим — один из местных национальных языков.

¹ Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. Н. Народы, расы, культуры. М., 1971, с. 215; Чебоксаров Н. Н. Этногенез и этническая история как предмет этнографической науки. — СЭ, 1980, № 2, с. 144—145.

² В литературе данная ИЭО обозначается по-разному: «Среднее Поволжье» (Козлова К. И. Этнография народов Поволжья. М., 1964, с. 51), «Среднее Поволжье или Волго-Камский край» (Токарев С. А. Этнография народов СССР. М., 1958, с. 147), «Область Прикамья» — «Der Kama-Bund» (Décsy Gy. Die Linguistische Structur Europ's. Wiesbaden, 1975, S. 123), «Урало-Поволжская ИЭО» (Пименов В. В. Урало-Поволжская историко-этнографическая область. — В кн.: Проблемы типологии в этнографии. М., 1979, с. 39) и др. По нашему мнению, наиболее адекватно отражает историю формирования историко-этнографической области и особенности расселения ее населения название «Волго-Уральская» или «Поволжско-Уральская».

³ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. В 7-ми т. Т. 4. Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов. М., 1973.

⁴ Чуваши: Этнографические исследования, ч. 1. Чебоксары, 1956; ч. 2. Чебоксары, 1970; Этногенез мордовского народа: Материалы научной сессии 8—10 декабря 1964 г. Саранск, 1965; *Бусыгин Е. П.* Русское сельское население Среднего Поволжья: Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX — начало XX в.). Казань, 1966; Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967; *Мухамедова Р. Г.* Татары-мишари: Историко-этнографическое исследование. М., 1972; *Мухаметшин Ю. Г.* Татары-кряшены: Историко-этнографическое исследование материальной культуры. Середина XIX — начало XX в. М., 1977; *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. М., 1974; *Козлова К. И.* Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978.

⁵ *Кузеев Р. Г.* Современное состояние и задачи этнографических исследований в Среднем Поволжье и Приуралье. — В кн.: Первое Поволжское археолого-этнографическое совещание. Казань, 1974; *он же.* Этнографическая наука в Поволжье и Приуралье и перспективы ее развития. — В кн.: Историко-этнографический атлас Урала и Поволжья. Уфа, 1976; *Пименов В. В.* Урало-Поволжская историко-этнографическая область: К проблеме изучения. — В кн.: Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.

⁶ См. обзор основной литературы по теме: *Козлова К. И.* Очерки этнической истории марийского народа, с. 9—16.

⁷ *Халиков А. Х.* Среднее Поволжье в эпоху камня и бронзы. Казань, 1966, с. 11; *Козлова К. И.* Очерки этнической истории марийского народа, с. 12—13; и др.

⁸ *Халиков А. Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, с. 379; *Бадер О. Н.* О древнейших финно-уграх на Урале и древнейших финнах между Уралом и Балтикой. — В кн.: Проблемы археологии и древней истории ургов. М., 1972, с. 29.

⁹ *Сальников К. В.* Древняя история Южного Урала. М., 1967, с. 371.

¹⁰ *Вереш П.* Этногенез и этническая история венгерского народа до 896 года. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979, с. 11.

¹¹ *Пишеничник А. Х.* Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. — III в. н.э.). — В кн.: Древности Южного Урала. Уфа, 1976, с. 126—127; *Генинг В. Ф.* Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение (по археологическим материалам I тыс. н.э.). — АЭБ, т. 4. Уфа, 1971, с. 45.

¹² *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962, с. 40; *Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа. IV—X вв. Л., 1979, с. 118.

¹³ *Чернецов В. Н.* Усть-полуйское время в Приобье. — МИА, № 35, 1953, с. 238; *Матвеев А. К.* О древнейших местах расселения угорских народов (по данным языка). — Ученые записки ПГУ. Пермь, 1968, № 191, с. 138—139; и др.

¹⁴ *Генинг В. Ф.* Южное Приуралье в III—VII вв. н.э.: Проблема этноса и его происхождения. — В кн.: Проблемы археологии и древней истории ургов. М., 1972, с. 274, 294.

¹⁵ См., например: *Козлова К. И.* Очерки этнической истории марийского народа, с. 78, 87; *Генинг В. Ф.* Мазунинская культура в Среднем Прикамье. — ВАУ, 7. Свердловск; Ижевск, 1967, с. 37—43.

¹⁶ *Збруева А. В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. — МИА, № 30, 1952, гл. IX; *Халиков А. Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа. М., 1977, с. 257; *Патрушев В. С.* Культурные связи ананьинцев с ираноязычным миром в VIII—VI вв. до н.э. — В кн.: Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа. Уфа, 1976, с. 6; *Кузьминых С. В.* Бронзовые орудия и оружие в Среднем Поволжье и Приуралье. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977, с. 18.

¹⁷ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, с. 388; Мухамедьяров Ш. Ф. К истории ранних этнических контактов Среднего Поволжья, Приуралья и Западной Сибири в связи с проблемой тюркизации. — В кн.: Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1979, с. 104.

¹⁸ Смирнов А. П. Волжские булгары. М., 1951, с. 47—48; Халиков А. Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1978, с. 60—61.

¹⁹ Смирнов А. П. Волжские булгары, с. 30—31; История Татарской АССР (с древнейших времен до наших дней). Казань, 1968, с. 39; История Чувашской АССР, т. 1. Чебоксары, 1966, с. 31; Архипов Г. А. Земледелие и животноводство древних марийцев. — В кн.: Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1978, с. 19.

²⁰ Фахрутдинов Р. Г. Территория Волжско-Камской Булгарии домонгольского и золотоордынского периодов. Казань, 1968.

²¹ Мажитов Н. А. Происхождение башкир: историко-археологический анализ. — АЭБ, т. 4. Уфа, 1971; Халиков А. Х. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья. — В кн.: Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971, с. 13; Закиев М. З. Татар халкы теленец барлыкка килеүе. Казань, 1977, с. 74—78; Старостин П. Н. Этнокультурные общности предбулгарского времени в Нижнем Прикамье. — В кн.: Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья, с. 53; Генинг В. Ф. Азелинская культура. — ВАУ, вып. 5. Свердловск; Ижевск, 1963, с. 17; он же. К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тысячелетии нашей эры. — АЭБ, т. 2. Уфа, 1964,

²² Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, с. 392, 395.

²³ Каховский В. Ф. Происхождение чувашского народа: Основные этапы этнической истории. Чебоксары, 1965, с. 329—338; Халиков А. Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья, с. 159.

²⁴ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, с. 420.

* В этом свете появляющиеся время от времени в научной и, особенно, в научно-популярной литературе утверждения о завершенности формирования финно-угорских и тюркских этносов Поволжья и Приуралья в самостоятельные народности уже в X—XIII вв. теоретически несостоятельны и источниками не подкреплены. Аналогичные выводы о сложении башкир в народность в X—XI вв. (см.: Валеев Д., Янгузин Р. Башкорт халкының формалашууы. — Совет Башкортостаны, 1971, 26, 28 сентября; они же. К вопросу о формировании башкирской народности. — В кн.: Сборник аспирантских работ Свердловского юридического института, вып. 14, Свердловск, 1972, с. 95—106) или даже в VIII—IX вв. (Мажитов Н. А. Происхождение башкир: Историко-археологический анализ. — В кн.: Научная сессия по этногенезу башкир. Уфа, 1969, с. 24—25) ориентируются на зафиксированный арабо-персидскими источниками VIII—X вв. этноним «башджард», «башгирд» и не учитывают того очевидного положения, что появление этнонима и формирование одноименной народности — процессы далеко не однозначные и, тем более, не синхронные.

** В новейшей литературе под понятием «этногенез» имеется в виду совокупность сложных процессов, завершающихся формированием этноса (древней, средневековой или современной народности) с достаточно устойчивыми и специфичными для данного этноса характеристиками языка, культуры, физического типа и т. д. Несмотря на расширение понятия «этногенез», во многих работах по традиции этногенетические изыскания ограничиваются лишь ранними этапами, установлением так называемой «этнической основы» или «этнического ядра» изучаемой народности. Такой подход, однако, не только не позволяет раскрыть этногенез того или иного этноса в полном объеме, но и может способствовать возникновению одностороннего, как правило, этноцентристского понимания истории происхождения народа. На примере интерпретации этногенеза народов Волго-Уральской ИЭО это положение просматривается особенно ясно. Общий взгляд на этническую историю региона показывает, что этногенез тюрк-

ских народов ИЭО может быть понят лишь с учетом субстратной роли финно-угорских компонентов и последующей инфильтрации в тюркскую среду аборигенного населения, так же как этногенез финно-угорских народов края — с учетом этнокультурного воздействия на них тюркского населения. В этом смысле историко-этнографические области являются зоной этногенетических процессов, затрагивающих в определенный период этногенез всего населения региона. Опираясь на антропологический материал, В. П. Алексеев называет эти зоны «этногенетическими пучками», имея в виду, обычно, историко-этнографические области СССР, в пределах которых проходил наиболее активный процесс контактов и взаимодействия групп с различными расовыми и антропологическими характеристиками (см.: Алексеев В. П. Историческая антропология. М., 1979, с. 203—204).

²⁵ Очерки истории Марийской АССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). Йошкар-Ола, 1965, с. 52; Владыкин В. Е. Удмурты. — Вопросы истории, 1969, № 11, с. 216; Очерки истории Мордовской АССР, т. 1. Саранск, 1955, с. 25; Смирнов А. П. Волжские булгары, с. 54—56, 61; и др.

²⁶ Фахрутдинов Р. Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975, с. 35.

²⁷ Очерки истории Мордовской АССР, т. 1, с. 38; Козлова К. И. Очерки этнической истории марийского народа, с. 108; Владыкин В. Е. Удмурты, с. 216.

²⁸ Фахрутдинов Р. Г. Территория Волго-Камской Булгарии домонгольского и золотоордынского периодов, с. 20; Казаков Е. П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М., 1978, с. 97—98.

²⁹ Алексеев В. П. Очерки происхождения тюркских народов Восточной Европы в свете данных краниологии. — В кн.: Археология и этнография Татарии, вып. 1. Казань, 1971, с. 146, 250, 252, 254—255.

³⁰ Кузеев Р. Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978, с. 169; Татары Среднего Поволжья и Приуралья, с. 10—11.

³¹ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, с. 46.

³² Pritsak O. Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Proto-bulgaren. Wiesbaden, 1955.

³³ Юлдашбаев Б. Х. История формирования башкирской нации (дооктябрьский период). Уфа, 1972, с. 146—147.

³⁴ Козлова К. И. Очерки этнической истории марийского народа, с. 190—192 и сл.; Юлдашбаев Б. Х. Указ. соч., с. 158; История Татарской АССР (с древнейших времен до наших дней), с. 207; Чуваши, с. 45; Очерки истории Мордовской АССР, т. 1, гл. XIX.

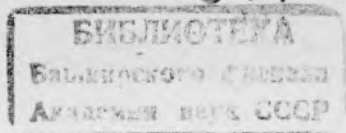
³⁵ Очерки истории Марийской АССР, с. 262; Чуваши, с. 50; Юлдашбаев Б. Х. Указ. соч., с. 158 и сл.; Очерки истории Мордовской АССР, т. 1, гл. XIX.

³⁶ История Татарской АССР. Казань, 1968, с. 217—218; Халиков А. Х. Происхождение татар Среднего Поволжья и Приуралья, с. 157.

³⁷ Юлдашбаев Б. Х. Указ. соч., с. 186; Халиков А. Х. Происхождение татар Среднего Поволжья и Приуралья, с. 156—158; Очерки истории Марийской АССР, с. 224—228, 234; Чуваши, ч. 1, с. 45—47; Селеев Г. А. Восточные марийцы, с. 57—61; Очерки истории Мордовской АССР, т. 1, с. 344—345.

³⁸ Подробно см.: Гарипов Т. М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья. М., 1979; он же. Структурно-семантический глоссарий урало-поволжских языков. Уфа, 1979.

Б-91424

БАШКИРО-САМОДИЙСКИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

(к проблеме этногенеза башкир)

Вопрос о культурных и этнических взаимодействиях башкир и народов самодийской группы (в частности, ненцев) впервые был поставлен в конце 60-х — начале 70-х годов в работах В. Ф. Генинга¹. В дальнейшем по этой проблеме были накоплены новые факты, научное осмысление которых дает возможность уточнить, а отчасти и пересмотреть выдвинутые В. Ф. Генингом предположения.

В процессе подготовки настоящей публикации авторы использовали источники, относящиеся к исторической этнографии, фольклористике, языкознанию, археологии; особое внимание было уделено историко-сопоставительному анализу традиционной культуры башкир и обширного круга сибирских народов*.

Ниже дается изложение этих материалов и их интерпретация.

1. Этнография. Историко-сопоставительный анализ элементов культуры

Выявление историко-сопоставительным методом идентичных явлений в культуре самодийцев и башкир — работа, требующая тщательного изучения архаических форм и элементов культуры. Основная трудность состоит в том, что культурный комплекс, присущий самодийцам, к настоящему времени известен исследователям лишь в самых общих чертах. В условиях севера прежние отрасли хозяйства (охота, скотоводство), как и материальная культура (особенно одежда), заметно трансформировались; с южными традициями синтезировались хозяйственные и бытовые навыки местного аборигенного населения. Но и южный пласт, выявляемый в культуре самодийцев, судя по всему, в период освоения северных просторов был довольно сложным: в нем запечатлелись этнокультурные контакты древних самодийцев с их прежними соседями — уграми и тюрками. К собственно самодийским (южносибирским) чертам исследователи относят небольшое число элементов культуры: вьючное оленеводство, переносное крытое берестой жилище с коническим жердевым каркасом (чум), распашную одежду без продольных боковых швов («обернутую» вокруг торса), некоторые особенности

духовного мира (запреты, связанные с журавлем и др.). Весьма древними являются, по-видимому, и многие родо-племенные этнонимы самодийцев, находящие аналогии у населения Южной Сибири.

В целом проблема тюрко-самодийских культур и этнических взаимодействий на ранних этапах истории разработана слабо. В настоящей работе в сопоставительном плане рассматривается один из частных вопросов этой большой проблемы — традиционная культура башкир и самого крупного из народов самодийской группы — ненцев. В ряде случаев привлекаются сравнительные материалы по этнографии других тюркоязычных и самодийскоязычных народов, а также угров и тунгусов.

Одежда. Сравнительное изучение одежды как этногенетического источника предполагает определение сходства или несходства частей костюма по наиболее существенным признакам: а) конструктивным особенностям (покрою) одежды; б) украшениям.

Сопоставление традиционного покроя одежды башкир и народов самодийской группы дает мало близких аналогий. Наиболее характерный для башкирской верхней одежды приталенный покрой (с неотрезной расклешенной спинкой, косо расположенными плечевыми швами и закругленной проймой) самодийцам известен не был. Типичным признаком старосамодийской одежды Н. Ф. Прыткова считает отсутствие боковых продольных швов² — принцип, в свою очередь, незнакомый башкирам. В плане нашей темы привлекает внимание лишь туникообразный покрой некоторых суконных или тканевых мужских наверхниц (маличных рубах) — широких одежд, надевавшихся поверх малиц для предохранения их от загрязнения и сырости, — прежде всего принятый в быту тундровых ненцев. Если не иметь в виду форму ворота (у ненцев при горизонтальном разрезе отсутствовал воротник), покрой западноненецких наверхниц повторял один из наиболее распространенных покровов холщовых рубах башкир и татар: к перегнутому на плечах среднему полотнищу пришивались прямые рукава и расширенные книзу боковые клинья; в месте их соединения вставлялись квадратные ластовицы. Холщовые рубахи такого покроя, по предположению В. Н. Белицер, восходят к глубокой старине. У башкир в 1930-е годы они сохранялись лишь у жителей некоторых горных аулов³.

В прошлом одежда туникообразного покроя была широко распространена в Восточной Европе, Западной Сибири и Средней Азии. Ее локальный вариант, условно названный нами башкиро-татарским, помимо этих народов, зафиксирован также у низовых чувашей и южных удмуртов. По мнению В. Н. Белицер, у удмуртов расширенная книзу туникообразная одежда появилась под влиянием более южных лесостепных тюркских народов⁴. Н. Гаген-Торн, исследовавшая одежду народов Поволжья в историческом плане, выделила башкирские и татар-

ские рубахи в особый тип туникообразной одежды, характерный для скотоводов-кочевников⁵. В Средней Азии этот покрой встречался в рубахах казахов⁶, а в Сибири, кроме ненцев, у северных хантов⁷, маличные рубахи которых представляют собою ненецкое заимствование.

Таким образом, с нашей точки зрения, вполне правомерно предположить, что ареал описываемой разновидности туникообразной одежды некогда располагался на Южном Урале. Любопытно, что между крайне западным регионом ее распространения (Малоземельская тундра) и Прикамьем вплоть до начала нашего века сохранялись островки подобной одежды — среди русского населения Вятской губернии и кое-где на территории Коми АССР⁸, что позволяет в общих границах очертить регион распространения данного покроя одежды в Восточной Европе и одновременно проследить путь движения скотоводов-самодийцев на Север.

Заметным своеобразием и у башкир, и у самодийских народов отличалось оформление праздничного костюма. Это своеобразие было обусловлено, прежде всего, использованием различного материала: меха и шкур — у ненцев, энцев и остальных самодийцев, конопляных, льняных, хлопчатобумажных и шелковых тканей у башкир. Тем не менее при тщательном изучении манеры украшения костюма обнаруживаются отдельные сходные черты. Прежде всего, это декоративная гамма отделки в праздничной одежде.

У ненцев европейской тундры (в частности, канинских) мальцы украшались полосками сукна; характерно было сочетание красного, желтого, зеленого цвета⁹. Как показал в своей работе Л. Костиков, такое сочетание цветов олицетворяло раду-гу, которая, по повериям ненцев, украшала подол владыки вселенной Нума¹⁰. Радужный узор сохраняла и некоторая обрядовая одежда, в частности, атрибут свадебного ритуала — халат, который дарила невеста будущему мужу.

В праздничной одежде башкир вместо желтой обшивки часто использовался золотой позумент. По низу и вдоль пол женских темных халатов он чередовался с красным и зеленым сукном. Те же цвета, при преобладании красного, встречались у башкир в украшении свадебного чекменя невесты, в аппликационном узоре на суконных голенищах праздничной обуви, в обшивке ворота свадебных мужских рубах, тканевого кушака жениха и в другой ритуальной одежде.

Следует обратить внимание еще на одну деталь праздничного костюма. У энцев и нганасан в верхней части спинки меховой одежды, отступая от ворота или вдоль верхнего шва (если имелся капюшон), пришивался плетеный шнурок или ремешок с кисточками. Это украшение появилось в связи с древним обычаем шивать в верхнюю часть спинки одежды лобную шкурку олененка с ушками. Лобной шкурке оленя приписывали особое

магическое значение. У селькупов, например, ею обтягивали шаманскую колотушку¹¹. У канинских ненцев такие шкурки шивались в одежду еще в прошлом столетии¹². В праздничных женских халатах юго-восточных и южных башкир на спинке пониже ворота пришивали полукругом позументную тесьму с бахромой. Нужно отметить, что манера расположения украшений в женской праздничной одежде описываемого типа у башкир была строго традиционной. У других тюркских, а также у угорских и финских народов подобный прием украшения одежды не зафиксирован. Ко всему сказанному можно добавить, что у некоторых башкир тоже прежде существовала одежда из оленьих шкур; она шилась распахной, мехом вовнутрь и наружу¹³.

Среди женских украшений в аспекте нашей темы можно выделить затылочные украшения в виде обтянутой красным материалом твердой (обычно кожаной) основы, зашитой бисером, бусами, мелкими монетками. Такие украшения носили девушки в южных и восточных районах Башкирии. Они могли быть полуовальной, треугольной или вытянутой подпрямоугольной формы; в далеком прошлом в формах украшений отражалась, видимо, этническая специфика костюма разных по родовой принадлежности групп. Девичьи украшения в виде прямоугольной полоски ткани (*елкәмес*), зашитой бисером, бусами, бренчащими подвесками и закрепленной на затылке между основанием кос, были наиболее распространенными на крайнем юге республики (ак-кыпчаки, некоторые бурзяне, усергане), а также среди табынцев центральной Башкирии и в челябинском Зауралье. Прямоугольные кожаные пластинки, обтянутые красным сукном, носили и ненецкие женщины западных тундр и Ямала¹⁴. К пластинке присоединялось украшение, известное в литературе под названием «ложные косы», — свитые из цветной шерсти жгуты, украшенные бусами и металлическими бляхами. Башкирки косы-жгуты не носили, но и у них на обратной стороне затылочного украшения имелись петли, в которые пропускались разноцветные шерстяные шнуры с бусами и кисточками (*каралык*); ими обвивали заплетенные волосы.

В одной из ранее опубликованных работ¹⁵ мы указывали, что затылочные украшения были известны также народам Западной и Южной Сибири; прямоугольные украшения носили северные ханты и хакасы¹⁶.

Н. Ф. Прыткова пишет о старинном ненецком головном уборе с о. Вайгач. Он представлял собой ободок, обшитый цветным сукном, удерживавшийся на голове с помощью поперечной лямки; около висков к краю ободка прикреплялась бахрома¹⁷. В старину такие уборы носили и девушки-ненки западных тундр и Ямала. Подобные «венцы» из цветного сукна, украшенные бисером и бусами, отмечены также у северных хантов и эвенков Обско-Енисейского водораздела. Над ушами к ним при-

креплялись подвески из бисерных нитей¹⁸. Головные повязки или ободки исследователи относят к числу наиболее архаичных головных уборов древнего населения Сибири¹⁹.

У башкир — карагай-кыпчаков и живущих с ними по соседству горных тангауров — девушки носили на голове ободки из цветного сукна, расшитые бисером и бусинами; встречались и длинные околушные подвески из бус в несколько нитей. Воспоминание о подобных девичьих уборах (*маңлайса*) сохранилось и у северных башкир (сызгинцев, балыкчинцев). Нужно заметить, что кораллы, принятые в башкирском женском наряде, на девичьи ободки не нашивались и, таким образом, эти уборы в ряду традиционных украшений стояли несколько обособленно. Манера закрепления ободков на голове в одних случаях была идентична ненецкой, в других — хантыйской и эвенкийской (две полосы, перекрещивающиеся па макушке).

Таким образом, в одежде башкир и самодийцев при тщательном рассмотрении обнаруживается определенное сходство. Сходные черты выявляются в украшении праздничного костюма, чаще — костюма девушек и молодых женщин. Общность же покроя, о которой упоминалось выше, в ряду аналогий не занимает ведущего места, поскольку касается у самодийцев и башкир одежды, второстепенных по значению.

Наибольший интерес в плане близости с башкирской одеждой представляет костюм западных ненцев. Среди башкир аналогии отыскиваются, главным образом, на юго-востоке и юге республики: у бурзян, усерган, небольшой части кыпчаков (ак- и карагай-), горных тангауров, табынцев; отдельные элементы зафиксированы на севере Башкирии (у сызгинцев, балыкчинцев). Впрочем, точная фиксация границ распространения выделенных элементов среди башкир может и не нести определяющей этнической нагрузки, поскольку, вследствие миграционных передвижений, а главное межплеменных брачных связей, территория распространения реликтовых женских украшений — в прошлом родо-племенных атрибутов — могла со временем диффузно расширяться.

Орнаментальное искусство. Исследователи башкирского декоративно-прикладного искусства, выделяя в орнаменте несколько разновременных пластов, отмечают, что комплекс узоров, наиболее ранний по происхождению (простейшие геометрические фигуры: треугольники, квадраты, прямоугольники со вписанными треугольниками и квадратами, ромбы, круги, вихревые розетки, зигзаги, полосы из параллельных линий, «ёлочки», шевроны и др.), характерен для многих народов Восточной Европы и Азии, но особенно он распространен в Южной Сибири у алтайцев, теленгитов, тувинцев, тофаларов, шорцев, хакасов. Севернее он выявляется в орнаментике хантов, манси, долган, ненцев²⁰. У всех перечисленных народов характерные гео-

метрические орнаменты были присущи определенному кругу предметов: ими украшали деревянную утварь, изделия из кости и кожи, встречались подобные узоры также в вышивке, особенно в аппликации. Некоторые традиции, связанные с этим комплексом, как полагают авторы, восходят к неолиту и остались в искусстве народов, сформировавшихся на базе культурного наследия древних обитателей Саяно-Алтайской горной области. С. В. Иванов перечисленные изобразительные элементы выделил в саяно-алтайский тип орнамента ²¹, самым названием определив территорию преимущественного его распространения, вместе с тем указывал на его присутствие в декоративном искусстве угров и народов самодийской группы. В этой связи отметим, что самый древний из выделенных авторами орнаментальных комплексов сходен с орнаментацией кушнаренковской и каракуповской керамики ²², которая по многим признакам может рассматриваться в генетической связи с самодийским этносом, о чем подробнее нам еще придется говорить.

В декоративно-прикладном искусстве башкир описываемый комплекс узоров к концу XIX в. представлен незначительно, лишь в отдаленных горно-лесных районах ²³; здесь техникой деревянной резьбы особенно искусно владели мастера из бурзян, карагай-кыпчаков, гэрэй-кыпчаков. Возможно, именно эти башкиры и были с самого начала хранителями древних традиций художественной деревообработки.

Несколько обособленной в башкирском народном творчестве кажется группа узоров, условно включенная в упомянутой книге в сложный по составу пятый орнаментальный комплекс (бордюры из вилообразных, когтевидных и У-образных фигур). По классификации С. В. Иванова, эти узоры составляют приобский тип сибирского орнамента. Кроме угров, он характерен для ненцев. У башкир подобные декоративные полосы использовались в украшении суконных голенищ обуви и были преимущественно распространены в горно-лесных районах юго-восточной Башкирии и в Зауралье ²⁴. Появление этих мотивов в народном творчестве башкир исследователи связали с сравнительно поздней инкорпорацией в состав башкир угорских или самодийских по происхождению племен, имевшей место в южных районах Уральского региона ²⁵.

Жилище. Жилой постройкой, привнесенной самодийцами на Север с юга Сибири, по всей вероятности, был чум — переносное коническое сооружение с каркасом из жердей, высотой от 5 до 7 м. Его покрытием в летнее время служили полосы бересты, зимой — шкуры. Конические жилища соседних оленеводов — коми, хантов и манси — обнаруживают сходство с самодийскими и, по всей вероятности, были заимствованы ими у последних ²⁶.

Конические жилища были распространены на юге Сибири в Хакасско-Минусинской котловине и сопредельном Ачинско-Минусинском степном районе в тагарское время (вторая половина I тыс. до н. э.). Материалами археологических раскопок выявлено около 30 конических жилищ этой эпохи²⁷. Аналогичный тип жилища был известен и населению таштыкской культуры, сменившей тагарскую на территории Хакасско-Минусинской котловины, расцвет которой приходится на первые века н. э.²⁸ Существует точка зрения, что по крайней мере часть таштыкского населения по этнической принадлежности являлась самодийцами²⁹.

В XIX в. в конических шалашах жило население таежной Сибири, в том числе оленеводы тувинцы-тоджинцы и тофалары, а также некоторые группы хакасов и алтайцев.

В долинах Ю. Урала и на восточных отрогах конические сооружения, достигающие в высоту 5 м, встречались на летовках башкир-кубачаков, телевцев, тангауров, прибельских бурзян, карагай-кыпчаков³⁰. В березовых лесах восточных склонов Уральских гор для покрытия шалашей использовали бересту (*тыр*), в остальных местах — кору, траву и другие материалы. Этот тип жилища был идентичен самодийскому чуму, но в способах крепления остова прослеживались южносибирские традиции (четыре основные жерди, одна с развилкой наверху), в некоторых вариантах — эвенкийские (три жерди, связанные вершинами). Очаг, как и в летних постройках народов Южной Сибири, выносился за пределы помещения.

У самих самодийцев в жилищах отдельных территориальных групп встречались детали, отличные от общезычных. В частности, у ненцев Гыданской тундры основа летних чумов конструировалась не из двух (как обычно), а из трех основных шестов³¹. По-видимому, локальные приемы крепления остова конических жилищ были выработаны предками самодийцев еще на юге Сибири, задолго до их ухода в Заполярье и Приполярье.

Традиционные хозяйственные занятия. В круг башкиро-самодийских хозяйственных параллелей включаются прежде всего объекты, связанные с охотничьим промыслом. Много общего обнаруживается в навыках как индивидуальной, так и коллективной охоты (преследование зверя на лыжах по насту и рыхлому снегу, охота с луком и копьем; настораживание самострелов, давящих ловушек; установка на звериных тропах петель). Одним из авторов³² в хозяйстве башкир был выделен комплекс признаков, связанный происхождением с таежной Сибирью. В составе этого комплекса оказались и вышеперечисленные способы охоты. История их уходит в глубокую древность, в быт пеших охотников и рыболовов сибирской тайги. Вместе с тем охотничий промысел, сохраняя традиционные черты, еще в конце прошлого века играл большую роль в хозяйстве многих современных народов: манси, селькупов, эвенков, кетов, тофала-

ров, тувинцев и др. Важной отраслью хозяйства оставалась охота и у ненцев Сибири и Европейского Севера.

Башкиры также считались искусными звероловами. Достаточно сказать, что башкирские племена, как и многие народы Сибири, вносили ясак пушниной. Организовывалась башкирами и охота на парнокопытных: лосей, коз, в прошлом — оленей. По территории расселения башкир отдельные приемы охоты были заметно локализованы. Так, гоньба животных на лыжах по рыхлому снегу и насту практиковалась в северной Башкирии (у гайнинцев, уранцев), в Предуралье (у табынцев, юрматынцев, кыпчаков), на восточных склонах Уральских гор (у катайцев). Установкой петьль, требующей большого искусства, занимались горные бурзяне и карагай-кыпчаки. Черкан для ловли мелких зверьков использовался у центральных табынцев³³.

На Европейском Севере и на территории Северной Сибири также имели широкое распространение многие аналогичные виды охотничьего инвентаря. Четкие локально-этнические особенности в устройстве охотничьего инвентаря свидетельствуют о былых контактах приуральских и западносибирских этнических групп. В этой связи обращает внимание и некоторое сходство орудий охотничьего промысла башкир и самодийцев.

Одна из форм охотничьих луков у башкир была скобовидная, склеенная из двух пород деревьев (обычно березы и ели) и обернутая берестой. Такой же формы луки из хвойной и лиственной пород были у ненцев, селькупов, хантов, манси, кетов и некоторых соседних с ними этнических групп. Из перечисленных народов только ненцы, как и башкиры, березу сочетали в луковище с елью.

Самострелы — сторожевые луки, весьма характерные для охотничьего промыслового хозяйства Восточной Сибири, применяли также селькупы, ханты, манси, ненцы, башкиры, отдельные группы хакасов, алтайцев; одним из распространенных орудий охоты самострелы были у тувинцев-тоджиинцев и тофаларов. В устройстве самострелов наблюдались существенные различия. Легкие стрелометательные самострелы, широко известные в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, западнее Енисея зафиксированы у ненцев, селькупов, хантов и манси, шорцев, тубаларов, тувинцев, некоторых групп хакасов. Подобные самострелы были, как видно, и у башкир. Один из них представлен в башкирской коллекции, приобретенной в начале нашего века венгерским ученым Месарошем Дьюлой, работавшим среди бурзян³⁴:

У башкир и ненцев, как и у большинства народов Сибири, в зависимости от объекта охоты, применялись сходные по конструкции наконечники стрел: тупые или расширенные к концу — на пушных зверей, вильчатые — на птицу, граненые — на крупных мясных зверей. В большинстве районов Башкирии лук как охотничье оружие исчез уже к началу XIX столетия. Одна-

ко еще в первом десятилетии нашего века в аулах гайнинцев, кара-табынцев, катайцев С. И. Руденко видел и приобретал для этнографического музея стрелы всех названных форм.

Меньше аналогий выявляется у башкир и самодийцев в способах рыбной ловли. В плане сравнения заслуживают внимания лишь отдельные приспособления заборного рыболовства, в частности, ловушки-лабиринты («котцы») из тонких жердей, деревянных планок или прутьев, устраиваемые в промежуточных загородки, перекрывающей реку. Такие ловушки были у ненцев, селькупов, хантов и манси, кетов, некоторых групп эвенков. У башкир таким способом ловили рыбу табынцы и юрматынцы по берегам средней Белой, карагай-кыпчаки и тангауры на перекатах горных рек; был он распространен и на зауральских озерах³⁵. В работе, посвященной происхождению орудий заборного рыболовства, было высказано предположение о появлении котцов еще в неолитическое время и существовании их позже на территории расселения угров и самодийцев³⁶.

* * *

Таким образом, в одежде, некоторых декоративных приемах, жилище, отдельных промысловых орудиях у башкир и самодийцев обнаруживается ряд аналогичных явлений. Анализ природы этих явлений, определение ареала их распространения позволяют найти объяснение присутствию их в культуре названных народов.

В большинстве своем это древние культурные элементы. Многие из них сложились, вероятно, на юге Сибири в ее лесостепной и таежной полосе; впоследствии они вошли в культуру народов, формирование которых связано с областью Саяно-Алтайского нагорья и прилегающего региона. Не случайно рассмотренные выше аналогии, кроме северных самодийцев и их непосредственных соседей — обских угров, отмечены у северных алтайцев (тубаларов и др.), тувинцев (особенно тоджинцев), тофаларов, шорцев, хакасов. Помимо того, они обнаруживаются у эвенков, кетов и ряда других народов.

По-видимому, в непосредственных контактах с самодийцами, еще в Сибири, формировался культурный облик и некоторых башкирских племен. В их числе могут быть названы бурзяне, карагай-кыпчаки, ак-кыпчаки, возможно, усергане, некоторые табынцы, катайцы (?) и отдельные племена, занявшие впоследствии прикамские земли (гайнинцы, уранцы, сызгинцы, балыкчинцы).

У самодийцев этот пласт проявляется прежде всего у ненцев, причем в наибольшей степени — у населения западных канинско-тиманских тундр.

Этнографические материалы не в силах восстановить всю канву башкиро-самодийских взаимодействий, они не могут опреде-

лить ни характера этих связей, ни доли участия в них каждого из компонентов. Выявляя общий древний культурный пласт, они дают основание для заключения о ранних этнических или культурных контактах башкир и самодийских народов. Даже аналогии в одежде, более четкие, чем в хозяйстве и жилище, связаны главным образом с общими представлениями (цветовая гамма, тип украшения или убора); конкретная же форма отличается, к примеру, у ненцев и башкир ярко выраженным своеобразием. По-видимому, с момента обособления исследуемых народов прошел довольно большой промежуток времени, достаточный для формирования этнических бытовых особенностей и самостоятельного художественного стиля. Лишь два небольшие обстоятельства — обнаружение у западных ненцев туникообразного «тюркского» покроя рубах и наличие в вышивке (аппликации) ненцев и башкир своеобразного самодийско-угорского комплекса узоров — могут свидетельствовать в пользу возможного столкновения и общения народов и в более поздний период.

Недостающие звенья вырисовывающейся схемы башкиро-самодийских взаимоотношений могут быть частично восстановлены с помощью других источников.

2. Этногонические предания. Легенды.

В аспекте нашей темы в башкирском фольклоре прежде всего привлекают внимание сюжеты, повествующие о приходе отдельных племен с Алтая, верховьев Иртыша и из других мест, расположенных на юге Сибири. Восприятие Алтая как прародины присутствует в сознании сказителей из целого ряда башкирских племен: такие сведения записаны у табынцев, тангауров, балыкчинцев, уранцев и др. «В очень древние времена табынцы жили на Алтае», — так обычно начинаются повествования о древней истории табынцев и приходе их на Урал³⁷. Башкиры рода тубеяс (тубалас) племени кувакан одним из своих предков считают Таймас-бия, землю которого якобы находились в «Алтайских горах»³⁸; куваканцы сознают себя родственниками табынцев. В преданиях табынцев и тангауров повествуется об уходе с прежней территории — Алтая — под предводительством Иртыша и Ныртыша³⁹.

Мы не станем останавливаться на всех аспектах исторической связи башкир с Южной Сибирью, тем более что эта проблема исследовалась в специальной литературе — в частности, в монографии Р. Г. Кузеева, посвященной происхождению башкирского народа (1974). Отметим только, что ранние этапы культурного и генетического развития башкирского этноса связываются с территорией Южной Сибири не только на основании преданий. Эта связь обнаруживается путем анализа этнонимов, а также в результате сопоставительного изучения различных

сторон культурного наследия башкир и народов Саян и Алтая. Последний вопрос освещался нами ранее ⁴⁰.

Весьма любопытным сюжетом фольклора юго-восточных башкир является рассказ о журавлях, беспокойными движениями (хлопаньем крыльями, кружением) и сливающимся в мелодию курлыканьем предупреждающих людей о предстоящих несчастьях. Среди бурзян жило предание о том, что в древности таким образом журавли спасли их народ, дав знать самому сильному батыру страны о готовящемся нападении врагов ⁴¹. Услышанные батыром журчащие звуки журавлей стали мелодией курая. Отголоском прежних суеверий является утвердившееся среди кураистов мнение, что подолгу и часто исполнять «Журавлиную песню» («*Сыңрау торна*») нельзя — это может привести к несчастью. «Журавлиный» сюжет имеет в башкирском фольклоре глубокие корни. Еще в X в. он привлек внимание арабского путешественника Ибн-Фадлана, проезжавшего через земли южных башкир в Волжскую Булгарию. Ибн-Фадлан повествует о некоей башкирской группе, поклонявшейся журавлям; последние будто бы напали на врагов с тыла и своими криками заставили их бежать. «Журавли — наш господь», — говорили эти башкиры ⁴². У башкир-усерган и кыр-канлинцев журавль являлся племенным онгоном. У гайнинцев убить журавля считалось большим грехом; птица, свившая гнездо в усадьбе, была предвестником счастья, приносила в дом благополучие ⁴³.

В этнографической литературе уже публиковались материалы о том, что в догуннское время на юге Сибири, от Саянских хребтов до Тобола, существовало по крайней мере три региона населения, объединявшегося самодийским тотемическим термином «кара» — «журавль» ⁴⁴. Следы былой причастности к «журавлиному роду» запечатлелись в этнонимических родовых обозначениях не только самодийцев, но и некоторых народов Саян, Алтая, кое-где у населения Западной Сибири, даже в Приуралье. На этой территории зафиксированы и передававшиеся от поколения к поколению запреты охотиться на журавлей ⁴⁵.

Из других сюжетов наше внимание привлекло башкирское предание о двух братьях-охотниках, прибывших на берега Тулвы (приток Камы) на двух оленях («У каждого брата по оленю, оба оленя белые», — повествует легенда). В этой истории рассказывается о том, как исчезли олени, отпущенные на ночь пастись. Выяснилось, что на них каталась по ночам старуха-убыр, хозяйка тех мест. В борьбе с ней один из братьев, Гайна, одержал победу. Он отхлестал ее нагайкой, после чего старуха обернулась прекрасной девушкой. Женившись на ней, богатырь основал гайнинский род ⁴⁶.

Согласно другому варианту, также записанному у гайнинцев, на Урал верхом на олене прибыл один Гайна. «В то время на земле было очень холодно, не было солнца, — говорится в легенде. — Солнце за рекой Тол, в руках аждахи, под землей

было». Олень помог Гайне найти и поднять солнце на небо («Гайна-батыр порубил аждаху, из-под земли достал солнце; подняв его на оленьи рога, из-за Тол-реки привез его. Солнце на небо вошло ...») ⁴⁷.

В приведенных преданиях башкиры представлены оленеводами, ездившими верхом на оленях. Есть мнение, что оленеводство у народов Сибири предшествовало скотоводству, олень был приручен и хозяйственно освоен раньше лошади ⁴⁸. В противовес этому выдвинута точка зрения, согласно которой самодийцы были знакомы со скотоводством до того, как они продвинулись в тайгу и domestичировали дикого оленя, приспособив его к транспортировке грузов посредством вьюка ⁴⁹. Под влиянием самодийцев впоследствии стали разводить оленей и некоторые тюркоязычные кочевники, продвинувшиеся из степей в горно-таежные районы Присаянья. При их участии было изобретено верховое оленье седло ⁵⁰. Сравнительно недавнее (не ранее XIV столетия) появление верховых оленьих седел не исключало, конечно, использования оленя с вьючным седлом для верховой езды. Такой способ верхового использования оленя сохранялся в бассейне реки Пур у лесных ненцев и у лесных энцев низовьев Енисея еще в начале нашего столетия ⁵¹.

В последней легенде явственно проступает отношение к оленю как к существу, помогающему человеку в борьбе с силами зла. В религиозных воззрениях населения Саяно-Алтайского нагорья олень занимал заметное место еще в эпоху бронзы ⁵². Почитание оленя, отношение к нему как к духу-покровителю, помощнику было свойственно и народам Алтая и Саян: алтайцам, шорцам, тувинцам, хакасам, тофаларам. Следы «олениного культа» зафиксированы у селькупов, ненцев, эвенков и некоторых других народов. Солнцу, появляющемуся после долгой полярной ночи, по древнему обычаю, ненцы приносили в жертву белого двухгодовалого оленя ⁵³. Следы старого оленевого культа, некогда зародившегося на юге Сибири и связанного в далеком прошлом с тотемистическими верованиями, проявляются и в башкирском фольклоре.

В одной из легенд башкир-гайнинцев повествуется о том, как герои, вызволив солнце из пещеры, «сделали из шкуры большого оленя мешок (*куржын*) и положили туда солнце, чтобы вернуться с ним на берега Тола» ⁵⁴. Мы обратили внимание на этот факт по той причине, что мешки из оленьих шкур уже давно исчезли из быта башкир, хотя телячьи или жеребьячьи меховые торбы в южных районах республики и в Зауралье еще несколько десятилетий назад не только существовали, но и выполняли определенную функцию в свадебном ритуале. Оленьи сумки и мешки до сих пор распространены в быту ненцев-оленеводов; они зафиксированы и у их соседей: коми, северных хантов, манси, саамов. Меховые сумки из оленьих шкур знали и не-

которые современные народы Алтая и Саян — тувинцы, тофалары и др.

Отраженное в башкирской легенде воспоминание об оленьих торбах могло отстаться с тех времен, когда продвинувшиеся из районов внутренней Азии на юг Сибири тюркские племена (в их числе могли быть и предки башкир) под влиянием самодийского населения стали разводить оленей.

Таким образом, фольклорный материал, как и этнографический, говорит об определенном взаимодействии тюрков и самодийцев; судя по тому, что самодийское влияние коснулось и духовного мира некоторых башкирских племен (остатки культа журавля, оленного культа), можно допустить ранние контакты этих этнических групп в пору нахождения их в Азии; не исключено их взаимодействие и в более позднее время. Вполне возможна и инкорпорация самодийских компонентов в состав башкир. Согласно данным фольклора, это касается прежде всего гайнинцев, бурзян, усерган, тангауров.

3. Ономастика

Из ономастических источников наибольший интерес для исследования этногенетических проблем представляют материалы этнонимии и топонимии.

Попытку этнической интерпретации некоторых башкирских родо-племенных названий через посредство самодийской этнонимии впервые предпринял В. Ф. Генинг, рассмотревший в этом аспекте термины еней, бугады, бай и др.⁵⁵ Некоторые из этнонимических сопоставлений В. Ф. Генинга поддержал, правда в весьма сдержанной форме, Р. Г. Кузеев. В монографии, посвященной вопросам башкирского этногенеза, он показал роль разноэтнических компонентов, принявших участие в сложении башкирского народа на отдельных этапах его истории. Р. Г. Кузеевым неоднократно подчеркивалась возможность включения в состав башкир небольших самодийских этнических групп еще на азиатской территории. Такое предположение было выдвинуто, в частности, относительно башкирского рода кальсер племени табын и племени кувакан, входившего в табынское племенное объединение, племен байлар (байдар) и таз⁵⁶.

По прошествии веков трудно с исчерпывающей полнотой воссоздать картину этнических процессов, происходивших на юге Сибири, в Приуралье и Прикамье в I тыс. н. э. Очевидно, взаимодействие тюрков и самодийцев в каждом отдельном случае различалось по характеру вошедших в соприкосновение сил, степени взаимопроникновения культур и, следовательно, конечному результату процесса.

Этнооснова родового названия **кальсер** (кал) обнаруживается в этнонимии многих сибирских народов — тюркских, самодийских, угорских. Истоки этнической истории кальсер-табынцев,

как полагает Р. Г. Кузеев, ссылаясь на исторические сказания, «теряются в древнетюркской среде Центральной Азии и Алтая», пришедшей на севере региона в начале I тыс. н. э. в соприкосновение с угорско-самодийским населением⁵⁷.

Принимая во внимание широкое распространение термина бай у самодийских, тунгусских, тюркских и монгольских народов, Р. Г. Кузеев высказался в пользу происхождения и этого этнонима в «сложной монголо-тюрко-самодийской смешанной этнической среде конца I тыс. до н.э.». Находя доказательства в пользу его тюрко-монгольских истоков, он допускал древнейшие связи предков байларцев с самодийцами Южной Сибири⁵⁸, но полагал, что на запад байларцы двинулись «будучи органической частью тюркских образований»⁵⁹. На Урал они пришли вместе с усерганами и долгое время находились в их составе, а затем передвинулись в долину западного Ика. Небольшая группа бай зафиксирована также у башкир-тангауров.

О былых этнических контактах башкир племени таз (*тазлар*) с самодийцами может косвенно свидетельствовать наличие сходного родового подразделения (сеок тас) в составе кумандинцев, сформировавшихся, как полагают исследователи, на основе самодийцев и угров⁶⁰, а также существование в XIX в. рода тазухарючи (тазу-карачя) у ненцев. В начальный период золотоордынской истории смешанное по составу, но, вероятно, уже тюркское по языку племя таз входило в состав табынского родоплеменного объединения, кочуя с телевцами. В Приуралье таз попали не ранее XIII в., причем не единым племенем, а небольшими группами, которые влились в состав различных местных племен⁶¹. Наиболее компактная группа тазларцев поселилась в среднем течении Быстрого Таныпа; в конце XIX в. здесь было семь тазларских деревень. Источники XVIII в. зафиксировали другую группу тазларцев (Тазларская вол. Сибирской дороги) рядом с каратавлинцами и дуван-айлинцами в верховьях Юрюзани. С постройкой заводов эта группа была оттеснена на север и ассимилировалась среди других родов⁶². Аймаки «таз» нередко встречались в деревнях, основанных башкирами-айлинцами, мурзаларами, а также юрматынцами, кузгун-катайцами, кара-кыпчаками, сураш-усерганами; особенно часты такие аймаки в табынских поселениях — как в центральной Башкирии, так и в восточном Зауралье.

Пристальное внимание к племени табын должно быть привлечено уже по той причине, что многие, до сих пор упомянутые родовые или племенные объединения башкир, сохранявшие следы этнических контактов с самодийским миром, так или иначе связаны в прошлом с табынским племенным объединением. Выше говорилось о кальсерах, кесе-табынцах, куваканцах, тазларах. При описании этнонимических преданий упоминались тубаласы. В этнографической части очерка приводились примеры из быта кубаляков и телевцев.

В литературе изложены различные точки зрения на происхождение табынцев. Р. Г. Кузеев решительно высказался за «тюркское происхождение этнической основы племени табын»⁶³, но был вынужден отметить ранее смешение их предков с монголами, оставившее некоторый след, особенно отчетливый в культуре восточных башкир. Мы хотели бы связать факт пребывания табынских племен на юге средней Сибири в I тыс. н.э. с некоей «Табынской землей», фигурирующей в русских документах XVII в., жители которой знали коневодство и оленеводство, поскольку ездили «и на оленях и на конях». По мнению С. И. Вайнштейна и Б. О. Долгих, речь здесь шла о небольшой группе табынцев, оставшейся в Сибири и вошедшей в состав хакасов⁶⁴. Однако несколько столетий назад других оленеводов, кроме самодийцев, на юге Средней Сибири не было. Нельзя пройти и мимо того обстоятельства, что предания, повествующие о происхождении табынцев в составе башкир, родиной их предков, как правило, называют Алтай, а среди мест их последующего пребывания фигурирует Иртыш («Кара-Иртыш»)⁶⁵.

В свете изложенного мы хотели высказать предположение, что название одного из самых крупных табынских родов **кара-табын**, если отойти от традиционной тюркской этимологии, может быть раскрыто, исходя из норм самодийских языков, как «журавли-табын». В северосамодийских языках (ненецком и энецком) «харё» («кара») означает «журавль»; род (фратрия) харючи (карачя) есть в составе сибирских тундровых ненцев. Тюркские тотемические названия «торна» — «журавль» выявляются у древних башкир; они отмечены у бурзян, айлинцев, юрматынцев и др. Для табынцев же тюркские тотемические обозначения родов и аймаков не характерны. Но вместе с тем большая часть (более 1/4) табынских этнонимов расшифровке пока не поддается⁶⁶. В присутствии у них иной этнонимии, частично самодийской по происхождению, возможно, и скрывается загадка формирования этого племенного союза, имевшего, без сомнения, сложную историю. Можно, кстати, вспомнить, что один из родов этого союза носил название тубалас, перекликающееся с названиями этнических групп туба, тува, вошедших в состав тофаларов, тувинцев, алтайцев и других южносибирских народов. По поводу происхождения этих групп имеется немалая литература. Некоторые из авторов отстаивали их самодийское, другие — тюрко-самодийское, третьи — тюркское происхождение; но и в последнем случае признавалась значительная роль самодийцев в формировании их культурного облика⁶⁷.

Выше мы упомянули, что на юге Западной Сибири на рубеже нашей эры, по-видимому, существовал этнический массив, самодийский по языку и культуре. Кочевнические миграционные волны эпохи Великого переселения народов, несомненно, вовлекали самодийцев в свою орбиту. Часть их, подобно другим покоренным этническим группам, вероятно, ушла вместе с гун-

нами на запад⁶⁸, часть была истреблена, остальные оттеснены в глубинные области таежной и горнотаежной Сибири. Отдельные группы самодийцев, оказавшиеся в соседстве с тюрками, позднее были вовлечены в тюркский миграционный поток. С волнами тюркских миграций были привнесены в Приуралье и Прикамье черты самодийской культуры, прослеживаемые у усерган, бурзян, части кыпчаков, но особенно отчетливо у пришедших позднее табынцев и связанных с ними этнических групп.

Растворение самодийцев в тюркской среде происходило, как видно, не бесследно. Об этом говорят, в частности, сохранившиеся среди башкир самодийские этнонимы и некоторые топонимы. На это обстоятельство обратил внимание В. Ф. Генинг, обнаружив на территории Башкирии и в соседних областях названия, легко объяснимые из самодийских языков⁶⁹: Сларте — урочище на юге Удмуртии и Салерта — родовое подразделение в составе лесных энцев; Масодэ — населенный пункт в низовьях р. Белой и Масодай — род тундровых энцев (у Генинга ошибочно сказано «селькупов»). Число подобных примеров можно было бы увеличить. Особенно много названий, которые можно рассматривать как сочетание слов «кара гула» («журавлиные люди»): в Салаватском районе БАССР д. Карагулово (объединение табын, племя кувакан, род тубалас); там же д. Каратавлы — первая часть названия произошла от одного из населяющих деревню аймаков «кара»; д. Каракаево (племя табын, род кара-табын в Зауралье); с. Каракулино на правом берегу Камы неподалеку от устья р. Белой и др. Того же происхождения, как видно, и название Карагалинской волости Тарского уезда, зафиксированное у барабинских татар в конце XVII в.

Анализ названий башкирских населенных пунктов может дать довольно убедительные результаты, поскольку в них во многих случаях отразились и надолго законсервировались исчезнувшие родовые и племенные имена — особенность, присущая оседающим кочевникам.

При рассмотрении приведенных выше топонимов-этнонимов можно обратить внимание на то, что по своей природе они неоднородны. Их можно разбить на три группы: а) топонимы-этнонимы (таз, бай), характерные для этнонимии башкир, самодийцев и некоторых других народов Сибири; встречаются на Алтае. На Южном Урале их территорию практически очертить трудно, так как этнические единицы с таким названием входили в состав ряда древних родов и племен, расселившихся затем на большом пространстве; б) топонимы, значение которых расшифровывается из имени самодийского племенного объединения **кара**. Пункты с подобными названиями встречаются на средней Каме и нижней Белой, в верховьях Юрюзани и Ая — т.е. главным образом на севере Башкирии, а также в Западной Сибири, перекликаются с этнонимией самодийцев; в) топонимы, идентичные некоторым этнонимам самодийцев (Сларте, Масодэ). Зафик-

сированы на правом берегу средней Камы в Удмуртии. У башкир не обнаружены. Среди самодийцев присутствуют в энецких родовых названиях.

Рассмотренный выше ономастический материал может быть сопоставлен с археологическими данными, представленными В. Ф. Генингом для доказательства пребывания самодийцев на территории Приуралья и Прикамья⁷⁰.

4. Археологические и антропологические источники

Из археологических памятников раннего средневековья на территории Башкирии в связи с интересующей нас проблемой должны быть рассмотрены памятники куштерьякского и каракуповского археолого-этнических типов (по В. Ф. Генингу). Большинство открытых памятников — и прежде всего каракуповских — дислоцируется в южной части Бельско-Икского междуречья. В то же время кушнаренокские сосуды встречаются на территории Башкирии довольно широко: по правому берегу нижней Белой и в Прикамье, на северо-востоке в бассейне Ая и Юрюзани, на юге в верховьях Демы и даже в юго-восточном Зауралье; они часто присутствуют и в памятниках разной культурно-этнической принадлежности⁷¹. Кушнаренокская керамика, тонкостенная отполированная, со сложным и изящным, по характеристике В. Ф. Генинга, орнаментом, и близкая к ней каракуповская не имеют местных корней и находят аналогии в западносибирском археологическом материале. Большинство специалистов по средневековой археологии Башкирии считают, что кушнаренокский тип керамики привнесен на Южный Урал населением, обитавшим ранее в степных районах юга Западной Сибири. В отношении этнической привязки кушнаренокской керамики в литературе высказывались различные суждения. Носителей ее считали тюрками⁷², тюркизированными уграми⁷³, уграми⁷⁴, протовенграми⁷⁵, угро-самодийцами⁷⁶.

Гипотеза о самодийском происхождении куштерьякского и каракуповского населения была сформулирована В. Ф. Генингом⁷⁷. На основании сходства формы и характера орнаментики кушнаренокских сосудов с сосудами, извлеченными из курганов и поселений послегуннского времени лесостепной полосы Западной Сибири: городища Подчеваш, Логиновское, Большой Лог, Бобровский и Перейминский могильники (самодийская принадлежность которых может предполагаться.— *авт.*), и более поздних по времени памятников Томского Приобья: могильники у с. Молчаново, датируемые XV—XVII вв., самодийская (селькупская) принадлежность которых может считаться установленной, он пришел к выводу о том, что создателями кушнаренокской керамики явились представители самодийского этноса. «Коль скоро,— писал В. Ф. Генинг,— нам

удалось установить родственность куштерьякского и кара-якуповского типов с западносибирскими культурами середины I тыс. н.э., то мы и приуральское население можем считать самодийским по своему происхождению»⁷⁸. Хотя за прошедшие годы эта точка зрения и не приобрела большого числа последователей, она не встретила и сколько-нибудь серьезных возражений со стороны специалистов, придерживающихся иной этнической интерпретации кушнаренковского населения.

В решении вопроса о времени пребывания самодийцев на территории Приуралья и Прикамья ведущее место должно, по всей видимости, принадлежать материалам археологии. Следует, однако, оговорить, что в датировке начальной и заключительной границ бытования кушнаренковских (куштерьякских и кара-якуповских) памятников на территории Башкирии среди исследователей долгое время не было единодушия. В настоящее время относительно устоялась точка зрения Г. И. Матвеевой и В. А. Могильникова, датировавших приход кушнаренковского населения с территории Сибири в Приуралье VI в.н.э.⁷⁹ К ним присоединился и В. Ф. Генинг⁸⁰. Крайние даты в работах названных исследователей существенно различаются. В. А. Могильников датирует поздние комплексы с кушнаренковской керамикой концом VII в., В. Ф. Генинг — началом VIII в., Г. И. Матвеева относит конец кара-якуповских поселений к IX в.

Многие археологические памятники Башкирии VIII—IX вв., представленные главным образом захоронениями (Хусаиновские, Каранаевские, Лагеревские курганы, Старо-Халиловский, Старо-Мусинский, Стерлитамакский могильники), хотя и содержат отдельные образцы керамики и обнаруживают некоторые элементы погребального обряда, присущие кушнаренковцам, в целом характеризуют уже иной культурный и этнический пласт⁸¹. Как свидетельствуют материалы палеоантропологии, черепа из Старо-Халиловского и Старо-Мусинского могильников, «несомненно, отличаются от черепов предшествующего времени» и принадлежат пришлому населению, а краниологические материалы Муракаевского и Каранаевского могильников свидетельствуют о смешении местного населения с пришлыми группами⁸². Эти новые памятники последних столетий конца I тыс. н.э. некоторые исследователи связывают со скотовами-тюрьками, а нередко и непосредственно с ранними башкирами⁸³.

Таким образом, хронологические рамки пребывания самодийцев на территории южного Приуралья, вероятнее всего, ограничиваются VI—VIII вв. (или, может быть, первой половиной IX в.).

Можно предположить, что под натиском новых пришельцев основная масса расселившихся здесь самодийцев отступила на север, в лесные массивы Приуралья, и в дальнейшем достигла пределов Большеземельской тундры. Оттуда самодийцы распространились на запад, достигнув бассейна Мезени и Канинского

полуострова. Этот процесс потребовал длительного времени и растянулся, по-видимому, на полтора-два столетия. Первое известие о самодийцах на севере Европы в исторических источниках датируется 1096 годом⁸⁴.

Оставшиеся в Приуралье и Прикамье самодийские группы, очевидно, были поглощены пришедшими сюда тюрками и приняли участие в формировании башкирского этноса.

5. Общая картина башкиро-самодийских взаимосвязей (краткие выводы)

Привлечение разносторонних источников дает возможность воссоздать сравнительно полную картину башкиро-самодийских этнических взаимодействий. Временной диапазон этих контактов был весьма широким: его верхняя граница приходится на конец I тысячелетия, нижняя уходит к рубежу нашей эры. В сложной схеме башкиро-самодийских территориальных взаимоотношений выделяются два ключевых момента, первый из которых связан с югом Сибири, второй с Приуральем. Применительно к истории формирования башкирской культуры ранний этап, без сомнения, был более активным. Те аналогии, которые устанавливаются в процессе этнографического анализа, в большинстве своем берут начало в южносибирском периоде. Об этом свидетельствуют как генетическая связь элементов башкирской культуры с таежной Азией, так и широкое распространение их у ряда башкирских племен, независимо от времени и обстоятельств прихода на Южный Урал. Многие явления башкирской культуры (характерные черты хозяйственной деятельности, материальной культуры, орнаментальное искусство) своими корнями уходят в неолит Южной Сибири и обнаруживаются, кроме самодийцев, у угров, кетов, тунгусов и других народов. Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что «самодийские» черты захватывают самые глубинные пласты башкирской культуры (они проникли в духовный мир, первобытную идеологию и эстетику башкир, нашли отражение в этнонимии).

По всей вероятности с самодийцами на юге Сибири столкнулись многие племена, вошедшие впоследствии в состав башкирской народности. Следы этих влияний прослеживаются у древних бурзян, усерган и тангауров, расселившихся по отрогам Южного Урала; у северных групп в Прикамье (уранцев, гайнищев, сызгинцев, балыкчинцев); в пределах табынского племенного объединения в центральной Башкирии и в Зауралье; у горных кыпчаков.

Как уже указывалось в литературе⁸⁵, самодийцы, обитавшие на юге Сибири, в культурном и этническом отношении не были однородны. Продвинувшиеся из центральноазиатских степей прабашкирские племена, вероятно, где-то в бассейне Иртыша (местопребывание предков башкир на Иртыше зафиксировано

народными преданиями) столкнулись с западносамодийскими группами и некоторое время являлись их непосредственными соседями; об этом говорят, в частности, общие черты в культуре башкир и ненцев.

Эпоха Великого переселения народов нарушила устоявшиеся связи. Дальнейшую историю башкиро-самодийских взаимоотношений можно восстановить, основываясь, главным образом, на археологических и топонимических источниках. Часть самодийцев (очевидно, ненецкие, возможно, частично и энецкие роды), будучи вовлечена в гуннский миграционный поток, продвинулась западнее и, обогнув Уральские отроги, в середине I тыс. н.э. осела в Приуралье. Об этом свидетельствуют обнаруженные здесь кара-якуповские памятники и находки кушнареновской керамики, а также самодийские топонимы, встречающиеся на юге Удмуртии, в северо-западной и северной Башкирии. Наибольшая концентрация нового населения зафиксирована в междуречье Белой и Ика. Культурное влияние пришельцев заметно и на остальной территории: характерная керамика обнаруживается в разнообразных памятниках иной культурной принадлежности, в том числе, возможно, и тюркских.

Собственно башкирские племена пришли в Приуралье позже, вместе с мощным тюркоязычным потоком последних веков первого тысячелетия⁸⁶. Причем, согласно генеалогическим преданиям, местом первоначального расселения наиболее крупных башкирских племен (бурзян, усерган и др.) были лесостепные юго-западные земли (Бугульмино-Белебеевская возвышенность) и только в начале II тыс. н.э. они углубились в горные долины Урала⁸⁷. Вместе с этими племенами некоторое время кочевали, прежде чем расселиться в бассейне Камы, и отдельные северные группы; гайнинская топонимия, в частности, обнаруживается в верховьях Демы по границе с Оренбургской областью.

С началом II тыс. н.э. связывается приход в Приуралье кыпчакских племен (среди них был неоднократно упоминавшийся род карагай-кыпчак). В эпоху монголо-татарского нашествия расселились по Уралу племена табынского объединения.

Можно предполагать, что в процессе освоения новых территорий башкиры поглотили и включили в свой состав и некоторые обосновавшиеся здесь ранее самодийские группы. Особенно вероятным это кажется для прикамской Башкирии, где до недавнего времени сохранялись воспоминания о былом занятии местных жителей оленеводством, а также для Восточного Зауралья.

Следует оговорить, что при неоспоримо установленном факте влияния самодийцев на культуру башкир, схема их взаимоотношений во многом предположительна. Очевидно, проблема тюрко-самодийских взаимодействий будет углубляться и совершенствоваться по мере дальнейшего накопления материалов.

¹ *Генинг В. Ф.* Мазунинская культура в Среднем Прикамье.— В кн.: Памятники мазунинской культуры. Ижевск, 1967 (Вопросы археологии Урала, вып. 7); *Генинг В. Ф.* Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение.— АЭБ, т. 4. Уфа, 1971; *Генинг В. Ф.* Южное Приуралье в III—VII вв. н.э.: Проблема этноса и его происхождение.— В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1971.

* Предварительные результаты работы были изложены в докладе В. И. Васильева «К вопросу об участии самодийского компонента в этногенезе башкир». См.: Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1978—1979 гг.: Тезисы докладов. Уфа, 1980, с. 60—61.

² *Прыткова Н. Ф.* Одежда народов самодийской группы как исторический источник.— В кн.: Одежда народов Сибири: Сб. Музея антропологии и этнографии. Л., 1970, с. 93.

³ *Белицер В. Н.* Народная одежда удмуртов.— Труды/Институт этнографии АН СССР, 1951, т. 10, с. 41.

⁴ *Белицер В. Н.* Указ. соч., с. 41.

⁵ *Гаген-Торн Н.* Женская одежда народов Поволжья: Материалы к этногенезу. Чебоксары, 1960, с. 10—11.

⁶ *Сухарева О. А.* Опыт анализа покровов традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции.— В кн.: Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. М., 1979, с. 83.

⁷ *Прыткова Н. Ф.* Одежда хантов.— Сб. Музея антропологии и этнографии, 1953, т. 15, с. 178.

⁸ Крестьянская одежда населения Европейской России XIX — начала XX в.: Определитель. М., 1971, с. 121; *Белицер В. Н.* Очерки по этнографии народов коми.— Труды/Институт этнографии АН СССР, 1958, т. 14, с. 242, 267.

⁹ *Прыткова Н. Ф.* Одежда народов самодийской группы как исторический источник, с. 10, 35.

¹⁰ *Костиков Л.* Боговы оленя в религиозных верованиях хасов.— Этнография, 1930, № 1—2, с. 118.

¹¹ *Прокофьев Г. Н.* Церемония оживления бубна у остяко-самоедов.— Изв. ЛГУ, т. 2, 1929, с. 366.

¹² *Прыткова Н. Ф.* Одежда народов самодийской группы как исторический источник, с. 32, 51—54, 74.

¹³ *Черемшанский В. М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859, с. 154.

¹⁴ *Прыткова Н. Ф.* Одежда народов самодийской группы как исторический источник, с. 48.

¹⁵ *Шитова С. Н.* Сибирские таежные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир.— В кн.: Этнография Башкирии. Уфа, 1976, с. 58.

¹⁶ *Прыткова Н. Ф.* Одежда хантов, с. 207; *Патачаков К. М.* Культура и быт хакасов. Абакан, 1958, с. 78.

¹⁷ *Прыткова Н. Ф.* Одежда народов самодийской группы как исторический источник, с. 45—46.

¹⁸ Историко-этнографический атлас Сибири (в сносках: ИЭАС). М.; Л., 1961, с. 330—331.

¹⁹ Там же, с. 36.

²⁰ *Авижанская С. А., Бикбулатов Н. В., Кузев Р. Г.* Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964, с. 236, 240, 241.

²¹ ИЭАС, с. 373.

²² *Мажитов Н. А.* Южный Урал в VII — XIV вв. М., 1977, с. 183.

²³ *Авижанская С. А., Бикбулатов Н. В., Кузев Р. Г.* Указ. соч., с. 245.

²⁴ Там же, с. 239.

²⁵ Там же, с. 244.

²⁶ Хомич Л. В. Ненцы: Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1966, с. 101; Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми, с. 219.

²⁷ Абсалямов М. Б. О типах жилищ на тагарских и тагарско-таштыкских поселениях.— В кн.: Археология Южной Сибири. Кемерово, 1977, с. 38—40 (Известия кафедры археологии, вып. 9).

²⁸ Вадецкая Э. Б. Этнографические параллели таштыкской культуры.— В кн.: Материалы конференции «Этногенез народов северной Азии». Новосибирск, 1969, вып. 1, с. 87.

²⁹ Могильников В. А. К вопросу о самоедской принадлежности культур эпохи железа Среднего Приобья.— В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969, с. 180; Могильников В. А. К этнокультурной характеристике Западной Сибири в эпоху раннего железа.— В кн.: Из истории Сибири. Томск, 1973, вып. 7, с. 184; Алексеев В. П. К происхождению таштыкского населения Южной Сибири.— В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973, с. 232.

³⁰ Руденко С. И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1955, с. 201.

³¹ Хомич Л. В. Указ. соч., с. 102.

³² Шитова С. Н. Сибирские таежные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир.

³³ Руденко С. И. Указ. соч., с. 67.

³⁴ Венгерский этнографический музей (Будапешт), колл. № 83283.

³⁵ Руденко С. И. Указ. соч., с. 89—90.

³⁶ Васильев В. И. Проблема происхождения орудий заповного рыболовства обских угров.— Труды/ Ин-т этнографии АН СССР, 1962, т. 78, с. 143, 147.

³⁷ Башкирское народное творчество (в сносах: БНТ): Предания и легенды. Уфа, 1980 (на башк. яз.), с. 65, 340.

³⁸ Научный архив (в сносах: НА) БФАН СССР, ф. 3, оп. 11, д. 6, лл. 76, 88, 92, 132—133.

³⁹ БНТ: Предания и легенды, с. 340; Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. М., 1974, с. 138.

⁴⁰ Шитова С. Н. Этнокультурные связи башкир по данным материальной культуры и декоративно-прикладного искусства.— АЭБ, т. 4. Уфа, 1971; Шитова С. Н. Сибирские таежные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир.

⁴¹ БНТ: Предания и легенды, с. 46—47.

⁴² (Ибн-Фадлан) Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.; Л., 1939, с. 66—67.

⁴³ Кузеев Р. Г. Указ. соч., с. 345.

⁴⁴ Васильев В. И. Проблемы формирования северо-самодийских народностей. М., 1979, с. 30—33.

⁴⁵ Еремин Г. И. Доисламские верования «заболотных татар» Западной Сибири.— В кн.: Вопросы истории СССР. М., 1972, с. 431.

⁴⁶ БНТ: Предания и легенды, с. 70—71.

⁴⁷ Там же, с. 70.

⁴⁸ Потапов Л. П. Следы тотемических представлений у алтайцев.— СЭ, 1935, № 4—5, с. 143.

⁴⁹ Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. М., 1972, с. 106—107.

⁵⁰ Вайнштейн С. И. Указ. соч., с. 104, 112.

⁵¹ Рычков К. М. Береговой род юраков.— В кн.: Записки Западно-сибирского отдела РГО, т. 3, с. 175—176; Вербов Г. Д. Лесные ненцы.— СЭ, 1936, № 2, с. 64; Васильев В. И. Проблемы формирования северо-самодийских народностей, с. 68.

⁵² Потапов Л. П. Указ. соч., с. 134—135.

⁵³ Костиков Л. Указ. соч., с. 118—119.

⁵⁴ БНТ: Предания и легенды, с. 71, 138.

- ⁵⁵ Генинг В. Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье, с. 70, 80 и др.
- ⁵⁶ Кузеев Р. Г. Указ. соч., с. 270, 273, 329, 355.
- ⁵⁷ Там же, с. 273.
- ⁵⁸ Там же, с. 328.
- ⁵⁹ Там же, с. 329.
- ⁶⁰ Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969, с. 186.
- ⁶¹ Кузеев Р. Г. Указ. соч., с. 356.
- ⁶² Там же, с. 356.
- ⁶³ Там же, с. 256.
- ⁶⁴ Вайнштейн С. И., Долгих Б. О. К этнической истории хакасов.— СЭ, 1963, № 2, с. 94—95.
- ⁶⁵ Кузеев Р. Г. Указ. соч., с. 254, 258.
- ⁶⁶ Там же, с. 250.
- ⁶⁷ См.: Потапов Л. П. Тубалары Горного Алтая.— В кн.: Этническая история народов Азии. М., 1972, с. 65; Вайнштейн С. И. Происхождение саянских оленеводов: Проблема этногенеза тувинцев — тоджинцев и тофаларов.— В кн.: Этногенез народов Севера. М., 1980, с. 83—87 и др.
- ⁶⁸ Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951.
- ⁶⁹ Генинг В. Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье, с. 69.
- ⁷⁰ Генинг В. Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье; он же. Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение.
- ⁷¹ Археологическая карта Башкирии (в сносках: АКБ). М., 1976, с. 31—32.
- ⁷² Мажитов Н. А. Новые материалы о ранней истории башкир.— АЭБ, т. 2. Уфа, 1964, с. 150; Халиков А. Х. Общие процессы в этногенезе башкир и татар Поволжья и Приуралья.— АЭБ, т. 4. Уфа, 1971, с. 32—34.
- ⁷³ Могильников В. А. К вопросу о связях населения Башкирии и Зауралья в конце I тысячелетия до н.э.— АЭБ, т. 4. Уфа, 1971, с. 155.
- ⁷⁴ Матвеева Г. И. Лесная и лесостепная Башкирия во второй половине I тысячелетия н.э.— АЭБ, т. 4. Уфа, 1971, с. 134.
- ⁷⁵ Халикова Е. А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья.— Сов. археология, 1976, № 3, с. 149—156.
- ⁷⁶ Васюткин С. М. О периодизации этнической истории населения Башкирии эпохи средневековья (III—XIII вв.).— АЭБ, т. 4, Уфа, 1971, с. 137.
- ⁷⁷ Генинг В. Ф. Мазунинская культура ..., с. 69; он же. Этнический субстрат в составе башкир ..., с. 53 и др.
- ⁷⁸ Генинг В. Ф. Южное Приуралье в III—VII вв. н.э., с. 274.
- ⁷⁹ Матвеева Г. И. Памятники кара-якуповского типа в Приуралье.— В кн.: История Среднего Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1975 (Научные труды Куйбышевский пединститут; т. 160, вып. 5, с. 19); Могильников В. А. К вопросу о связях населения Башкирии и Зауралья в конце I тысячелетия до н.э., с. 156.
- ⁸⁰ Генинг В. Ф. Южное Приуралье в III—VII вв. н.э., с. 268, 270.
- ⁸¹ АКБ, с. 33.
- ⁸² Акимова М. С. Этногенез башкир по данным антропологии.— АЭБ, т. 4. Уфа, 1971, с. 43.
- ⁸³ Васюткин С. М. Указ. соч., с. 138; АКБ, с. 32—33.
- ⁸⁴ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Л., 1926, с. 227.
- ⁸⁵ Васильев В. И. Проблемы формирования северо-самодийских народностей.
- ⁸⁶ Васюткин С. М. Указ. соч., с. 138; Могильников В. А. К вопросу о связях населения Башкирии и Зауралья ..., с. 157.
- ⁸⁷ Кузеев Р. Г. Указ. соч., с. 156—157 и др.

О ЧУВАШСКО-БАШКИРСКИХ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ

Этнические и этнокультурные связи чувашей и башкир в чувашской историографии почти не разработаны. Некоторые лексические и фонетические «башкиризмы» в говоре жителей с. Малое Карачкино (чув. Пошкарт) Ядринского района обнаружил Г. Е. Корнилов¹. Впервые в широком этногенетическом плане вопрос о башкиро-чувашских связях поставил Р. Г. Кузеев². В этом свете принципиальное значение имеет выдвинутый им тезис о том, что племена, этнонимы которых представлены как в составе венгров, так и башкир (юрмат, еней и др.), «принадлежали по происхождению булгаро-чувашскому миру»³. Эти выводы были созвучны с исследованиями венгерского ученого Д. Немета⁴. Заслуживают внимания исследования башкирских ученых о башкиро-чувашских параллелях в народном прикладном искусстве, а также в некоторых видах женских украшений и головных уборов⁵.

В настоящей статье сделана попытка осветить некоторые аспекты этнокультурных связей чувашей и башкир в период средневековья.

В этнической истории башкирского народа крупное значение принадлежало большой по численности родо-племенной группе юрматы, в составе которой Р. Г. Кузеевым зафиксировано более 100 этнонимов родовых подразделений, в т. ч. этноним «чуваш»⁶. Башкирскому этнониму юрматы соответствуют древние чувашские языческие имена Юрметь, Ирметь, Ермет и др.⁷ В чувашских антропонимах обнаруживаются параллели к юрматынским родовым названиям: кармыш — чувашские имена Кармыш, Курмуш, Куршашка; ногай — чув. Нагай, Негай, Ногей; мишар — чув. Мишер, Мишерей, Миширля и др.⁸ Юрматынские тамги как первого — Y, так и второго типов — N с теми же тюркскими названиями были широко распространены среди чувашского населения. В чувашских знаках представлены также тамги мишар-юрматынского типа в виде вертикальной черты и ее вариантов: I — прут, башк. сыбык, чув. сыпак⁹.

Этническая история племен юрматы и юрми подробно представлена у Р. Г. Кузеева. По свидетельствам башкирских

шежере, юрматинцы в XIII — XIV вв. кочевали в верховьях рек Зай и Шешма, в лесистом районе водораздела Бугульминской возвышенности¹⁰. Согласно историческим преданиям, «старинные» юрматынские земли лежали еще западнее — «в стороне Волги и Симбирска»¹¹, откуда они в конце XIV в. переселились в правобережье р. Камы. Миграция юрматынцев на северо-восток была вызвана событиями 1391 г., когда враждующие между собой войска Тимура и Тохтамыша столкнулись на р. Кундурча, рядом с юрматынскими кочевьями¹². Ибн-Фадлан в пределах р. Кондурча указывает страну «народа из (числа) тюрок, называемого башкиры»¹³. Ибн-Руста сообщает, что «между землею печенегов и землею болгарских эсегель лежит первый из краев мадыарских»¹⁴. Из приведенных данных можно заключить, что юрматынские кочевья были расположены там же, где обитали эсегели, т.е. в юго-восточной области Волжской Булгарии¹⁵.

Р. Г. Кузеев и Т. М. Гарипов считают, что племенное объединение юрматы генетически было связано с волжскими булгарами¹⁶. По мнению Д. Немета, этноним юрматы «происходит из того же тюркского языка с чувашским признаком, из которого происходят другие наши (т. е. венгерские.— В. К.) тюркские заимствования»¹⁷.

Булгарское происхождение племени юрматы подтверждается топонимическими сведениями с территории его обитания. Гидроним *Кундурча* имеет булгаро-чувашскую основу: чув. хантар; башк. кондоз, тат. кондыз, общетюркск. кундуз — «бобер». Гидроним *Кундурча* (бобровое место) можно часто встретить в Волго-Уральской области: р. Кондурча или Кондузча — правый приток р. Сок; в источниках XVIII в. зафиксированы в Башкирии гидронимы Кундуз-зелга, Кундузлю, Кундуруш, Кундурушму. Чуваша занимали земли «на диком поле за рекою за Тюрминским вороты по речке Кундурле»¹⁸. Правый приток р. Кубни (к западу от д. М. Кошелен Комсомольского района Чувашской АССР) и поныне носит название Хандарла — «бобровое место». Примечателен тот факт, что в венгерском языке сохранились тюркские слова *kondog* — «бобр», *kondogos* — «богатый бобрами» в названиях реки *Kundur* — правого притока Тиссы, и населенного пункта *villa Kundur*¹⁹.

Этнические контакты предков юрматынцев с волжскими булгарами подтверждаются, отмечает Р. Г. Кузеев, материалами по оронимии и гидронимии с юрматынской территории на Урале: названия гор Тура-тау (Бог-гора или Гора-святилище, от чув. тура — бог), Курман-тау (Укрепленная гора, ср. чув. карман-тау — «городище»), рек Эсем (сим — древний напиток чувашей), Уран (лощина, русло реки; на башк.-тат. — үзән) «прозрачно этимологизируются ... с позиций булгарского и чувашского языков»²⁰.

Некоторые имена из башкирских генеалогий восходят к болгарскому ономастикону²¹. Юрматынские имена Ильбарыс, Юлбарыс указывают на болгарское имя Барас или Барс²², являющееся прототипом чувашских языческих имен Барс, Илпарс, Парыска и др.²³

Приведенные данные позволяют говорить не только об этнических контактах юрматынцев с волжскими булгарами, но и об их генетическом родстве. Р. Г. Кузеев совершенно справедливо находит этническое родство племен юрматы и юрми (в форме *ерми*) с дунайскими булгарами («Гостун, бывший наместником, два года [правил], его род Ерми») ²⁴. Аналогии этим этнонимам встречаются также среди чувашских антропонимов: Ермай, Ермакей, Ермен, Ермук, Ирмей, Ирмендей, Ирметь и др. Имя Юрмакей упоминается в числе «тавраш» — чувашских родовых фамилий²⁵.

Племенное название юрматы встречается среди венгерских родовых названий: Het Magyar в форме Gyarmat **герматос** у Константина Багрянородного)²⁶.

Таким образом, образуется, по словам Р. Г. Кузеева, интересная цепь аналогий: великоболгарское и дунайскоболгарское племя *ерми*, чувашская родовая фамилия Юрмакей, башкирский племенной этноним Юрми²⁷ и, добавим от себя, венгерский род Gyarmot. Во всем этом клубке этнонимов и процессов этнической сегментации центральное место занимает имя болгарского племени, связывая разрозненные этнические группы чувашей, башкир, дунайских болгар и венгров генетическими узлами.

В составе юрматынской этнической общности, которую мы предлагаем рассматривать как «протонародность», находилось племя *еней*, которое, согласно преданию, в древности также расселялось на реках Шешма и Зай, откуда енейцы переселились в низовья р. Ик, Белой и к берегам Камы²⁸, т. е. в те же районы, куда ушли в конце XIV в. юрматынцы. Этноним еней получил широкое отражение в чувашских языческих именах: Еней, Енегей, Енек, Енекей, Енехпи, Енеш, Еникай, Енюк и др.²⁹ С этим племенным названием связаны некоторые чувашские топонимы типа Ене, Енешкасси и др. Этноним в форме *gevex* упоминается Константином Багрянородным в числе семи древневенгерских племен³⁰. Данный этноним возник, как полагают Д. Немет, в языковой среде, «близкой к болгаро-чувашской» и связывает его с тюркским термином «ынак», означающим должностное положение («министр», «доверенный») ³¹. В. Г. Егоров чувашское слово *ене* (корова) связывает с древнетюркским *ингак* «корова»³². Правомерно предположить, что этноним *ене* (корова) образовался от названия тотема племени.

В составе северных башкир наиболее крупным было родоплеменное объединение гайна (тархан). Гайнишцы считали себя

потомками «выходцев из булгар», «производят свой род» от «поколения тарханова, обитавшего в Булгарской области»³³. В родо-племенной системе древних венгров также упоминается род тархан (tarsan)³⁴, имя которого обозначало, по мнению Д. Немета, сан, должность³⁵. Термин тархан в значении этнонима встречается и в текстах болгарских надписей близ Абоба Плиска³⁶.

Этноним тархан имеет аналогии в чувашских именах Торган, Торхан, Торхандей, Тургеней и др.³⁷ На территории Чувашии встречаются населенные пункты Тархан, Турхан, Турханкасси. В прошлом термин тархан (таркан) обозначал у чувашей привилегированное положение человека, освобожденного от податей и повинностей за заслуги перед государством по тарханским грамотам или ярлыкам. По мнению Р. Г. Кузеева, «в составе булгар одна из родо-племенных организаций имела древнее название тархан (tyghan, torhan, tarsan) в соответствии, возможно, с социальным положением аристократической семейной верхушки»³⁸. Вошедшие в состав башкир гайнинцы «долгое время сохраняли некоторые признаки этнокультурной близости к волжским булгарам и чувашам»³⁹. Об этом свидетельствует, например, сходство названий дней недели у гайнинцев и чувашей: башк. туган-кун, чув. тунтикун (понедельник), атланган-кун — ытларикун (вторник, день, когда садятся верхом на коня); кан-кун — юнкун (среда, день крови); четне-кун — кеҫен эрне кун (четверг, «малая пятница») ⁴⁰.

Аналогичные связи устанавливаются между башкирами рода *кесе* в составе западнотабьинских родов и чувашскими этническими образованиями со сходным названием. Предки башкирских родов *кесе*, *кальсер* и *юмран* длительное время обитали на Бугульминской возвышенности в соседстве с юрматыно-юрмийскими племенами или на общей с ними территории. Название рода *кесе* в форме **каст** содержится в перечне племен венгерского объединения в области Леведии⁴¹. Это слово встречается в венгерской топонимии (около пятидесяти случаев) в формах *kesz*, *keszi*, *keszo*, *keszü*. Название *keszo* — тюркского происхождения (от *kesek* — «часть») и означает часть «одного какого-то крупного рода»⁴². Венгерское слово *kesz* совершенно прозрачно выступает в чувашском языке как *кас* «часть деревни, околоток, выселок»⁴³. Топонимы с окончанием *касы* в Чувашии насчитываются сотнями и являются специфическими для чувашей⁴⁴. Многие из них означают населенные пункты, появившиеся на вырубках (тоже «кас»), а значительная часть топонимов с этим корнем имеет этническую нагрузку: Мишеркаси, Турханкаси, Тутаркаси, Сармаскаси, Выраскаси и т. п.

В целом перечисленные ономастические сходства и тождества достаточно убедительно доказывают чувашско-башкирские этнокультурные связи (табл. 1). Еще более усиливается это по-

Родо-племенные названия башкир VIII—IX вв. (булгаро-мадьярский этнический слой) (по Р. Г. Кузееву)

Башкиры	Древние венгры	Дувайские болгары	Волжские болгары	Чуваши	Уйгуры	Монголы	Тувинцы	Киргизы	Узбеки	Туркмены
Юрматы (п) Юрми (п) (р. — в составе п. Айле)	Дьярмаг (Guarmat)	Ерми		Юрмет (яз. ан.) Юрмекей (яз. р. ф.)						
Еней (п)	Ене			Геней (яз. ан.)						
Гайна или Тархан (п) Тархан, Дархан (рп—Тангаур, Кайтай)	Тарьян, Таркан	Тархан (Тарканос)		Тархан, Торхан (яз. р. ф.)		Дархаты	Дархаты	Даркан		
Кесе (р. Табын)	Кеси (kesz keszo, keszi)			Кисак, Кося	Кэса		Кезек Куулар	Кесек	Кичи мертен	Кесе, кичи
Буляр, Биляр (п)	биялы — пришлая группа		Булгар Буляр Билер	Булгар						
Мишар (р.—Юрматы; рп.—Мин, Юрматы и др.)	Мадьяр			Мишер						
Юламан (рп—Мин)	Дьюла		Дуло	Тулат						
Имес (рп — Тангаур, Кыпчак и др.)	Емесу (др. антр.)			Ир-емес, Ирч-емес Арз-а-мас (яз. р. ф.)						

п — племя; р — род; рп — родовое подразделение; яз. ан. — языческий антропоним; яз. р. ф. — языческая родовая фамилия.

Сравнительная таблица родовых этапов
(по Р. Г. Кузееву)

Башкирские тамги	Волжско-булгарские знаки	Дунайско-болгарские знаки	Печенежские знаки	Чувашские тамги (по В. Ф. Каховскому)	
Юрматы, Кесе Юрми					
Кесе					
Юрматы, Биляр					
Биляр, Юрми					
Юрми, Юрматы					
Юрматы, Юмран					
Еней, Юрматы Кальсер					
Тархан					
Юрматы, Тархан Юмран					
Биляр, Тархан					

ложение при сравнении башкирских тамг с чувашскими родовыми знаками (табл. 2).

В X в. племенной союз Эсегель, в состав которого входили, по-видимому, некоторые родо-племенные группы юрматынцев, осел в водоразделе Волги и Свияги. В верховьях р. Кильны возник летописный г. Ошель, ставший центром западных районов Волжской Булгарии⁴⁶, включая территорию современной Чувашии.

Заселение территории Чувашии булгарскими племенами происходило в несколько этапов. Как показывают археологические исследования последних лет, ряд булгарских поселений появился здесь в домонгольский период⁴⁶. Монгольское нашествие вызвало вторую волну миграции булгарского населения на запад. По сообщению В. Н. Татищева, в 1236 г. «от пленения татарского многие болгары, избегши, пришли в Русь и просили, чтоб им дать место. Князь же великий Юрий вельми сему был и повелел их развести по городам около Волги и в другие»⁴⁷. В это время часть булгарского населения, естественно, осела в Чувашии.

Массовое переселение булгарского (чувашского) населения из центральных областей Булгарии на север, в Закамье, и на запад, в правобережье Волги, произошло во второй половине XIV в., когда многие булгарские города и селения были уничтожены в результате кочевнического натиска, а также междоусобиц и набегов русских ушкуйников и князей.

Последней волной миграции была охвачена, по-видимому, какая-то группа башкирских родов, осевших в северо-западной части Чувашского Поволжья, где встречаются топонимы Пошкарт. С событиями тех времен можно связать появление населенного пункта Пошкарт (с. Малое Карачкино в современном Ядринском районе). Г. Е. Корнилов по материалам Н. И. Ашмарина в говоре чувашского населения с. Пошкарт выявил характерные «башкиризмы» в лексике — таппи (башк. тәпәй) «ножка», сарлан (башк. сарлак) «чайка», кырмыҫак (башк. курпысык) «вальдшнеп» и др., а также в фонетике⁴⁸. Примечательны топонимические «башкиризмы»: мужское имя Акпарас «белый парус» (в чувашском языке слово ак «белый» отсутствует), название поля около с. Пошкарт — Атмат (из Акмат); название рода в с. Большое Карачкино — Айбалат, мужское имя Айбулат; название берега йарлан вместо общечувашского ҫырлан и т. д. Топонимы «Пушкарт» встречаются и в других местах Чувашии: Пушкарт варе — название оврага, Пушкарт пусси — название поля, Пушкарт ҫере — название части поля в Козловском районе⁴⁹. Н. И. Ашмарин к топониму «Пушкарт вармане» (Башкирский лес) дает пояснение: «Там раньше жили башкиры, поэтому так называют»⁵⁰.

В результате башкирского влияния в чувашском языке появился термин пушкарт лаша (башкирская лошадь): пушкарт лашисем еҫре пите хисепле (башкирские лошади в труде очень выносливы); отсюда поговорка: «ҫене хирен варринче вылять пушкарт тихисем» (в середине нового луга резвятся башкирские жеребята)⁵¹. Особенно чуваша ценили качак лаша (степная лошадь, от качак, каҫҫак — степная); они подчеркивали декоративное убранство коня у башкир: вуна сасар тиренчен пушкарт кутлах яврамар, пушкарт кутлах камалне ҫут тур лаша култемер (из десяти кунных шкур изготовили витую башкирскую шлею, под стать башкирской шлее запрягли белую лошадь)⁵².

В результате тесных межэтнических контактов у башкир и чувашей возникли многочисленные общие элементы в материальной и духовной культуре. Этническая специфика наиболее ярко отражается, как известно, в народной одежде. Известно, что из деталей женской одежды у народов Поволжья и Приуралья наибольшую близость обнаруживают головные уборы и украшения⁵³. Старинный девичий головной убор чуваш тухья в виде полусферической шапочки из холста, сплошь покрытой украшениями из бисера и монет, имеет аналогию с девичьей шапочкой у башкир такья, покрытой серебряными монетами и с шишечкой на макушке⁵⁴. У чувашей тухья бытовала двух типов⁵⁵: у верховых (вирьял) тухья представляла собой полусферическую шапочку из холста; плотно облегающая голову и прикрепленная под подбородком холщовыми лентами, украшенная монетами и бисером, она не имела вверху шишечки. Тухья у низовых чувашей (анатри) обычно имела вверху обшитый бисером конус с металлической шишечкой, как у башкир. У саратовских чувашей тухья изготовлялись не из холста, а из кожи и сплошь покрывались монетами⁵⁶. Подобный девичий головной убор почти под тем же названием «такья» имел широкое распространение у тюркских народов Средней Азии, Казахстана, Приуралья и Поволжья. Многие этнографы связывают происхождение такьи с боевыми шлемовидными головными уборами. Н. И. Золотницкий писал, что «тюркское такье значит шлем»⁵⁷.

Близкое сходство имеют головные уборы замужних женщин — у чувашей хушпу, у башкир кашмау. Чувашские хушпу имеют разновидности: у вирьял они были в виде цилиндра без дна, обшитого бисером и монетами, с длинным узким полотнищем сзади. Хушпу низовых чувашей напоминает девичью тухью с бисерным очельем, боковыми подвесками из монет и более коротким полотнищем: наверху хушпу этого типа прикреплялось твердое прямоугольное украшение из бисера. Хушпу низовых чувашей имеет некоторые признаки башкирского

кашмау ⁵⁸. Аналогичные головные уборы (такья и кашпу) бытовали среди бесермян — этнографической группы удмуртов ⁵⁹.

По устройству и функциям можно сопоставить и некоторые другие элементы народной одежды башкир и чувашей: головное покрывало сурпан у низовых чувашек в виде длинной полосы ткани было сходно с башкирским тастар ⁶⁰; по форме, орнаменту и способу ношения чувашский начельник (масмак) напоминает башкирский хараус ⁶¹; башкирская нагрудная перевязь хэситэ в виде полосы ткани, зашитой монетами и серебряными подвесками, сравнима с чувашским шулкеме из прямоугольного куска кожи, зашитой мелкими монетами и окаймленной двумя-тремя рядами бисера по краю ⁶²; чувашское женское нагрудное украшение (сурпан җакки) из куска кожи, обшитой бисером и монетами, напоминает башкирское нагрудное украшение селтэр и т. д. ⁶³

Чувашские вышивальщицы, как и башкирские мастерицы, применяли около двух десятков приемов узорного шитья, из которых наибольшее распространение имели тамбур (чув. йеп уй, башк. элмэ, йүрмән, сигеу, кайыу), счетные швы (косой стежок, роспись, крест), роспись или контурный шов (чув. йепкен), гладевая прямая (чармалла), косой гладевой шов (шулам) и др. Для старинного костюма башкир была характерна счетная вышивка на белом фоне, что является «одним из признаков, сближающих башкирскую счетную вышивку с вышивкой чувашей и угро-финских народов края» ⁶⁴. Счетными вышивками украшались хараусы, у чувашей — масмаки. Мотивы орнамента, оконтуренного росписью, составляют композиции из двух противостоящих птиц, между которыми изображена фигура дерева или человека. С этим узором перекликается узор с изображениями двух животных — лошадей или оленей. В орнаментике хараусов большое место занимают узоры в виде звезды, снежинок, пересекающихся крестов, ромбов, треугольников и зигзагов ⁶⁵. Аналогичные вышивки имеются у чувашей и других народов Поволжья.

По особенностям вышивки близки к хараусам узоры на головных повязках (тастар): геометрические узоры выполнены счетной гладью, росписью, крестом. Узоры башкирских тастаров по мотивам орнамента, композиционно по манере исполнения об-
наруживают родство с нагрудными вышивками кеске на платьях чувашских женщин ⁶⁶. Аналогичные узоры встречаются в марийской и отчасти удмуртской вышивке. Подобные вышивки известны и дунайским болгарам. Можно заключить, что данный тип вышивки на башкирских головных уборах и чувашских женских платьях был «связан с культурой волжских булгар» ⁶⁷. В орнаментации вышивок чувашей, башкир и других народов региона общими элементами являлись узоры в виде парных ро-

гов барана, геометрических фигур, стилизованных растительных мотивов и т. д.⁶⁸

Излюбленным приемом украшения головных уборов (тухья, хушпу) у чувашек, как и у башкирок, являлось шитье бисером⁶⁹. У башкирок в отделке головных уборов основную роль играл коралл, который у них особенно ценился. Чувашские женщины украшали твердые головные уборы бисером (вет шарҫа) зеленого, красного, белого и желтого тонов, преобладали зеленый и красный цвета. Невозможно упустить из виду и сходство в художественной резьбе по дереву (солярный орнамент, веревочная рельефная резьба, скульптурное оформление ковшей, черпаков и другой деревянной посуды).

При сравнительном изучении культуры народов Поволжья и Приуралья обращают внимание сходства в одежде чувашей, особенно низовых и бесермян. В. Н. Белицер, изучая национальный костюм бесермян, обнаружила в нем немало архаичных элементов (головные уборы, такья и кушпу, нарукавные и нагрудные вышивки и др.), которые свидетельствуют о древнем слое в их культуре, уходящем корнями в болгарскую эпоху⁷⁰. Элементы этого древнего слоя культуры встречаются в одежде и других народов — чувашей, башкир, мордвы-терюхан, расселявшихся когда-то смежно и входивших в состав Болгарского государства или находившихся в сфере болгарского влияния. «Близость к чувашам в покрое одежды, вышивках, головных уборах,— заключает В. Н. Белицер,— подтверждает предположение о том, что бесермяне — потомки какого-то древнего населения, по всей вероятности, болгарского, жившего небольшими группами в бассейне р. Чепцы. Живя столь продолжительное время на данной территории, бесермяне подвергались на протяжении ряда столетий культурному воздействию со стороны татар и удмуртов, восприняли удмуртский язык, некоторые элементы удмуртской и татарской культуры и в настоящее время представляют этнографическую группу, входящую в состав удмуртского народа, но сохранившую в одежде следы своего болгарского происхождения»⁷¹.

В прошлом среди бесермян были распространены личные имена Чувашко, Чувашев. Письменные источники XVI—XVII вв. часто смешивали термины: *чуваши* и *бесермяне*. «Нам представляется,— пишет Т. И. Тепляшина,— что смешение терминов чуваш и бесермяне действительно не случайно, поскольку какие-то определенные племена, имевшие в своем составе древнетюркские элементы, назывались чувашами...»⁷². Для изучения роли болгарского компонента в формировании чувашского этноса большое значение имеет такой исторический факт: переселившееся в XIV — начале XV в. в северные районы левобережья Волги, в Приказанье, болгарское население носило имя «чуваши». Об этом свидетельствуют материалы писцовых книг Казан-

ского уезда 1556—1558 и 1602—1603 гг., в которых зафиксировано более сотни селений с чувашским населением. «Чуваши проживали во всех пяти «даругах» (дорогах) Казанского уезда: в Арской, Алацкой, Зюрейской, Галицкой и Ногайской,— отмечает В. Д. Дмитриев.— Нельзя думать, что чувашки Казанского уезда были переселенцами с правобережья»⁷³. Впоследствии большая часть чувашского населения левобережья Волги, приняв ислам, отатарилась.

Таким образом, болгарский компонент сыграл большую роль в формировании чувашского народа и его культуры. Р. Г. Кузеев объективно отмечает: «Аналогии в древних пластах культуры башкир и чувашей также указывают на роль болгар в этнической истории башкирского народа, так как чувашки в большей степени, чем другие поволжские народы, сохранили болгарскую архаику»⁷⁴.

В области духовной культуры у чувашей и башкир также прослеживаются сходные и общие явления. «В отличие от материальной культуры, где все же преобладают тенденции к унификации,— пишет академик Ю. В. Бромлей,— духовная культура народов нашей страны в значительной степени сохраняет свой этнический колорит»⁷⁵.

В доисламском мировоззрении башкир и языческих чувашей господствовало представление о вселенной как трехчленной сфере: небо — земля — подземелье. Небесные светила, солнце и луну, они изображали антропоморфными существами. По представлению чувашей, у солнца есть мать (хевел амаше), отец (хевел ашше) и дети (хевел ачисем). Следовательно, солнце олицетворяло существо женского пола, а луна — мужского. В башкирских мифах месяц изображается джигитом-красавцем, который взял к себе земную девушку; она «и поныне стоит там с коромыслом и ведрами»⁷⁶. В других мифах девушка оказалась на луне в поисках избавления от нужды и страданий (сказки о девушке-сиротке, о девушке Зухре). В чувашских сказках несчастную девушку-сиротку взяла к себе луна, избавив ее от притеснений мачехи⁷⁷.

Для дохристианской религии чувашей и домусульманских верований башкир был характерен политеизм. У башкир почиталась, по свидетельству Ибн-Фадлана, окружающая природа «У зимы господь, у лета господь, у дождя господь, у ветра господь, у деревьев господь, у людей господь, у лошадей господь, у воды господь, у ночи господь, у дня господь, у смерти господь, у земли господь, а господь, который на небе, самый большой из них»⁷⁸. В чувашском пантеоне среди множества богов, олицетворявших природные стихии, выделялся султи тура — верховный бог, символизировавший вселенную. Мир наполнен добрыми и злыми духами, от которых зависит жизнь и благопо-

лучше людей. Лесные духи (чув. арçури, башк. шүрәле) пугали людей, до изнеможения загоняли коней.

Не наблюдается больших различий в веровании в существование души и ее бессмертие. Душа человека, по представлениям башкир, имеет образ утки или мухи, у чувашей — птицы или пчелы. Спящих людей не следует будить сразу: душа его не успеет вернуться в тело, что может повлечь смерть⁷⁹. Смерть человека может произойти также под действием злых сил, колдунов, духов покойников, если им своевременно не приносили жертву.

Среди башкир в прошлом широкое распространение имел, как известно, культ волка, который почитался как прародитель и покровитель предков⁸⁰. С культом волка были связаны многие суеверия и магические обряды. Так, при пропаже вещей или скота сжигали на огне сухожилие волка, что должно было вызвать у вора судороги рук и ног; будто бывали даже случаи, когда наказуемый умирал⁸¹. Так же поступали с грабителем чуваша: если на нем растягивали волчье сухожилие, то виновный мог умереть от судороги⁸². Для предохранения семьи от болезней, наговоров и клеветы башкиры в прошлом закапывали волчью голову под порог дома, а также под помещение для скота с целью предохранения их от хищных зверей⁸³. Обычай закапывания черепа волка, собаки или лошади под различные строения был характерен для волжских булгар⁸⁴. Черепа собаки-обереги обнаружены также в сооружениях на булгарских селищах на территории Чувашии⁸⁵.

«Волчьи» магические обряды совершались при тяжелых родах. Если затягивались роды, то для облегчения родов роженицу пропускали сквозь волчью губу, т. е. через кольцо из сильно растянутой кожицы, окаймляющей пасть волка⁸⁶. Подобный обряд бытовал, по-видимому, и у чувашей, на что косвенно указывает специфический женский головной убор из полотна под названием кашкар çаваре (волчья пасть)⁸⁷. С культом волка был связан обычай давать новорожденным имя Кашкар (Волк), Анчак (Собака).

Следы культа волка имели, как известно, широкое распространение среди тюркских и монгольских народов⁸⁸. Культ волка у башкир и чувашей восходит к древнетюркским воззрениям о волке.

В религиозных обрядах чувашей, как и у башкир, большое место занимало также почитание других животных — коровы, лошади, медведя и т. д. По случаю новотела чуваша совершали особое моление ене ырри (коровье молозиво) и ене турри (в честь бога-коровы)⁸⁹. Роль оберега играли черепа лошади, коровы, вывешиваемые на заборах, бортовых деревьях. Изображения коня составляют важный элемент в вышивках. На весенних праздниках акатуй и сабантуй непременно совершались скачки

на конях. Конь как священное животное играл роль во взаимоотношениях людей. У чувашей бытовал обычай приношения клятвы при участии лошади: свою верность друг другу подтверждали, подавая руки через спинку лошади; подозреваемого в воровстве человека заставляли взяться за топориче, протянутое поверх лошади и т. д.⁹⁰ Культ коня получил яркое отражение в чувашском и башкирском сказочном эпосе (сказки о крылатых конях — верных помощниках героев, вызывание волшебного коня магическими средствами и др.)⁹¹.

В устном творчестве башкир и чувашей содержится много общих сюжетов, художественно-образительных средств, приемов и образов. В героических сказках о батырах (чув. паттар) герои наделены сверхъестественной силой. В чувашских сказаниях паттар Улап изображается, как и Алпамыш, героем исполинского роста; его один шаг был равен семи верстам, он с корнем вырывал дубы, как траву⁹². В башкирской легенде «Алла комо айыра тау» батыр, возвращаясь на родную башкирскую землю, остановился у слияния р. Ак-Идели с р. Сулманом, чтобы высыпать землю из обуви. Из этой земли образовались два холма, которые в народе зовутся Алла таузары (горы Алла)⁹³. В чувашской легенде Улап-великан также вытряхивает набившуюся в лапти землю, из которой образовались холмы. До сих пор бытует название курганов Улап тапри (холмы Улапа)⁹⁴. Сюжеты эпических памятников о великанах-богатырях корнями восходят к общетюркским традициям (алтайские сказания «Алып-Маныш», казахские Алпамыс и т. д.). В некоторых районах Башкирии большие курганы считаются погребениями великанов. По одной из версий чувашского сказания, Улап после смерти был захоронен под высоким курганом на берегу Волги, куда ежегодно прилетал его крылатый белый конь⁹⁵.

В мифических сказаниях помощниками людей являются волшебные крылатые кони и птицы (у башкир обычно журавли, у чувашей орлы), олицетворяющие добрые силы, а против них выступают чудовища, драконы, многоглавые змеи (чув. астаха), карлики с длинной бородой (чув. чике сухал, башк. иргэйэл) и т. д. Герои спускаются в подземное и подводное царство, чтобы вызволить из неволи своих невест или жён и с помощью волшебной птицы чудом выходят на землю. Огромная птица выносит героя из подземелья за спасение ее птенцов. Чтобы прокормить волшебную птицу в полете, герой готовит много мяса и воды. Когда перед самым выходом из подземелья, мясо кончается, герой отрезает его со своего бедра, и птица выносит его на землю⁹⁶.

Во время странствования герою оказывают помощь седой старик-благородец, три сестры-старушки, живущие в глухомани на огромном расстоянии друг от друга⁹⁷. В подземном царстве герой видит в волшебном зеркале свою родную землю⁹⁸.

Итак, в материальной и духовной культуре чувашей и башкир прослеживаются многочисленные параллели, сходства и тождественные элементы. Эта тема нуждается в специальном и глубоком исследовании. Однако даже приведенные этнографические материалы позволяют утверждать, что древние чувашки и башкиры продолжительное время жили в тесном хозяйственном и культурном контакте.

«Изучение этногенеза — задача очень трудоемкая ..., — заявил Ю. В. Бромлей на научной конференции по вопросам этногенеза башкир в Уфе в 1969 г., — ее решение обычно не ограничивается анализом этнической истории на современной территории изучаемого народа. Неизбежно приходится обращаться к истории всех этнических компонентов изучаемого этноса, к его этническим взаимосвязям с другими народами. А это нередко влечет за собой существенное расширение географических и этнических рамок исследования»⁹⁹. Убедительной иллюстрацией теоретической и практической значимости этого положения служат этнокультурные связи народов, в частности чувашей и башкир.

¹ Корнилов Г. Е. К вопросу об участии отдельных башкирских родов в этногенезе смешанных с ними народов. — АЭБ, т. 4. Уфа, 1971, с. 298—301.

² Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974.

³ Кузеев Р. Г. Урало-аральские этнические связи в конце I тысячелетия н. э. и история формирования башкирской народности. — АЭБ, т. 4. Уфа, 1971, с. 26.

⁴ Nemeth I. Ungarische Stammensnamen bei den Baschkiren. — «Acta Linguistica Asademiae scientiarum Hungaricae». Т. 16, f. 122. Budapest, 1966, с. 1—21.

⁵ Авижанская С. А., Бикбулатов Н. В., Кузеев Р. Г. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964, с. 242—243.

⁶ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, с. 108.

⁷ Магницкий В. К. Чувашские языческие имена. Казань, 1905, с. 39, 46, 96.

⁸ Там же, с. 50, 54, 57, 58, 60.

⁹ Соловьев Е. Т. Знаки собственности в России. Казань, 1885, табл. 42, 44; Земельные меры и родовые знаки (тамги) чуваш. — Научный архив ЧНИИЯЛИЭ, отд. II, ед. хр. 59, с. 81.

¹⁰ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, с. 118.

¹¹ Там же, с. 119.

¹² Там же.

¹³ Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, с. 130.

¹⁴ Заходер Б. П. Каспийский свод сведений о Восточной Европе, т. 2. М., 1967, с. 48.

¹⁵ Смирнов А. П. Волжские булгары. М., 1951, с. 5.

¹⁶ Гарипов Т. М., Кузеев Р. Г. Башкиро-мадьярская проблема: Краткий обзор основных источников. — АЭБ, т. 2. Уфа, 1962, с. 341.

¹⁷ Nemeth I. Op. cit., с. 14.

¹⁸ Димитриев В. Д. К вопросу о заселении юго-восточной Чувашии. — Ученые записки ЧНИИЯЛИЭ, вып. 14. Чебоксары, 1956, с. 178.

¹⁹ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, с. 426.

²⁰ Там же, с. 125.

- ²¹ Назаров П. С. К этнографии башкир.— Этнографическое обозрение, 1890, № 1, с. 7.
- ²² Ковалевский А. П. Чуваши и болгары по данным Ахмеда ибн-Фадлана. Чебоксары, 1954, с. 16.
- ²³ Магницкий В. К. Чувашские языческие имена, с. 33, 44, 65, 86.
- ²⁴ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, с. 124; См.: Куник А. О родстве хагано-болгар с чувашами по славяно-болгарскому «Именинику». — Записки Российской академии наук, т. 32, кн. 2. СПб., 1878, с. 128.
- ²⁵ Магницкий В. К. Указ. раб., с. 10, 39, 46.
- ²⁶ Константин Багрянородный. Об управлении государством.— ИГАИМК, вып. 91. М., 1934, с. 18.
- ²⁷ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, с. 125.
- ²⁸ Там же, с. 340.
- ²⁹ Магницкий В. К. Чувашские языческие имена, с. 38, 39,
- ³⁰ Константин Багрянородный. Указ. соч. с. 18.
- ³¹ Nemeth I. Op. cit., с. 14.
- ³² Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, с. 64.
- ³³ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, с. 341.
- ³⁴ Константин Багрянородный. Указ. соч. с. 18.
- ³⁵ Nemeth I. Op. cit., с. 14.
- ³⁶ Успенский Ф. И. Надписи староболгарские. Материалы для Болгарских древностей Абоба-Плиски.— Изв. Русского археологического института в Константинополе, т. 10. София, 1905, с. 201.
- ³⁷ Магницкий В. К. Указ. раб., с. 86, 87.
- ³⁸ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, с. 342.
- ³⁹ Там же, с. 343.
- ⁴⁰ Там же, с. 344.
- ⁴¹ Константин Багрянородный. Указ. соч., с. 18.
- ⁴² Nemeth I. Op. cit., с. 11, 19.
- ⁴³ Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка, с. 92.
- ⁴⁴ Чувашская АССР. Административно-территориальное деление. Чебоксары, 1968.
- ⁴⁵ Смирнов А. П. Волжские болгары, с. 265.
- ⁴⁶ Каховский В. Ф. О западных пределах Волжской Болгарии.— Вопросы древней и средневековой истории Чувашии. (Труды ЧНИИЯЛИЭ, вып. 105). Чебоксары, 1980, с. 35—50.
- ⁴⁷ Татищев В. Н. История Российская, т. 3. М.; Л., 1964, с. 230.
- ⁴⁸ Корнилов Г. Е. К вопросу об участии отдельных башкирских родов в этногенезе смежных с ними народов.— АЭБ, т. 4. Уфа, 1971, с. 298—300.
- ⁴⁹ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка, вып. 10. Чебоксары, 1936, с. 67—68.
- ⁵⁰ Там же, с. 67.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же, с. 68.
- ⁵³ Гаген-Торн Н. И. Женская одежда народов Поволжья (Материалы к этногенезу). Чебоксары, 1960.
- ⁵⁴ Руденко С. И. Башкиры: Историко-этнографический очерк. М.; Л., 1955, с. 193, 194.
- ⁵⁵ Гаген-Торн Н. И. Указ. раб., с. 152, 153, 154, 155.
- ⁵⁶ Акимова Т. И. Женские головные уборы саратовских чуваш.— Труды Нижне-Волжский краеведческий музей, вып. 1. Саратов, 1929 (отд. оттиск), с. 3.
- ⁵⁷ Золотницкий Н. И. Корневой чувашско-русский словарь. Казань, 1875, с. 238.
- ⁵⁸ Руденко С. И. Указ. раб., с. 190.
- ⁵⁹ Белицер В. Н. Народная одежда удмуртов.— Материалы по этногенезу. М., 1951, с. 103.

- ⁶⁰ Руденко С. И. Указ. раб., с. 195; Гаген-Торн Н. И. Указ. раб., с. 164, 165, 166; Чувашское народное изобразительное искусство. Чебоксары, 1960, табл. 30.
- ⁶¹ Руденко С. И. Указ. раб., с. 191; Гаген-Торн Н. И. Указ. раб., с. 168, 169; Чувашское народное изобразительное искусство, табл. 18.
- ⁶² Руденко С. И. Указ. раб., с. 187; Гаген-Торн Н. И. Указ. раб., с. 82.
- ⁶³ Руденко С. И. Указ. раб., с. 182—183; Гаген-Торн Н. И. Указ. раб., с. 83.
- ⁶⁴ Авижанская С. А. Бикбулатов Н. В., Кузеев Р. Г. Декоративно-прикладное искусство башкир, с. 101.
- ⁶⁵ Кузеев Р. Г., Бикбулатов Н. В., Шитова С. Н. Декоративное творчество башкирского народа. Уфа, 1979, с. 133; Чувашское народное изобразительное искусство, с. 43.
- ⁶⁶ Кузеев Р. Г., Бикбулатов Н. В., Шитова С. Н. Декоративное творчество башкирского народа, с. 134.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Кузеев Р. Г., Бикбулатов Н. В., Шитова С. Н. Декоративное творчество башкирского народа, с. 127, 129; Гаген-Торн Н. И. Указ. раб., с. 214, 215; 216; Чувашское изобразительное искусство, табл. 4, 5.
- ⁶⁹ Кузеев Р. Г., Бикбулатов Н. В., Шитова С. Н. Декоративное творчество башкирского народа, с. 135; Чувашское народное изобразительное искусство, с. 55—62.
- ⁷⁰ Белицер В. Н. Народная одежда удмуртов, с. 105.
- ⁷¹ Там же, с. 106.
- ⁷² Тепляшина Т. И. О смещении терминов «чуваши» и «бесермяне» в письменных источниках.— Ученые записки ЧНИИЯЛИЭ, вып. 40, с. 156—157; она же. Удмуртские личные имена, связанные с этнонимом.— В кн.: Этнография имен. М., 1971, с. 81.
- ⁷³ Димитриев В. Д. Некоторые исторические данные к вопросу об этногенезе чувашского народа.— В кн.: О происхождении чувашского народа. Чебоксары, 1957, с. 104—105.
- ⁷⁴ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, с. 422.
- ⁷⁵ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981, с. 335.
- ⁷⁶ Киреев А. Н. Башкирский народный героический эпос. Уфа, 1970, с. 27.
- ⁷⁷ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка, вып. 3. Чебоксары, 1929, с. 117.
- ⁷⁸ Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг., с. 131.
- ⁷⁹ Руденко С. И. Башкирские сказки и поверья.— АЭБ, т. 5. Уфа, 1973, с. 18.
- ⁸⁰ Илимбетов Ф. Ф. Культ волка у башкир.— АЭБ, т. 4. Уфа, 1971, с. 224.
- ⁸¹ Там же, с. 225.
- ⁸² Ашмарин Н. И. Словарь..., вып. 6. Чебоксары, 1934, с. 183.
- ⁸³ Илимбетов Ф. Ф. Указ. раб., с. 227.
- ⁸⁴ Смирнов А. П. Волжские булгары, с. 204; Смирнов К. А. Раннебулгарская землянка в урочище Ага-Базар.— МИА, № 80, 1960, с. 157.
- ⁸⁵ Смирнов А. П., Каховский В. Ф. Булгарское селище близ д. Б. Янгидино в Чувашской АССР.— Ученые записки ЧНИИЯЛИЭ, вып. 25. Чебоксары, 1964, с. 229.
- ⁸⁶ Руденко С. И. Башкиры, с. 269.
- ⁸⁷ Ашмарин Н. И. Словарь..., вып. 4, с. 182.
- ⁸⁸ Потапов Л. П. Волк в старинных народных поверьях и приметах узбеков.— КСИЭ, вып. 30, 1958.
- ⁸⁹ Ашмарин Н. И. Словарь..., вып. 4, с. 115—116.
- ⁹⁰ Ашмарин Н. И. Словарь..., вып. 8, с. 64.
- ⁹¹ Сагитов М. М. Отражение культа коня в башкирском народном творчестве.— В кн.: Вопросы башкирской фольклористики. Уфа, 1978, с. 20.

⁹² Сказание об Улыпe (на чувашском языке). — Научный архив ЧНИИЯЛИЭ, вр. хр., ед. хр. 573.

⁹³ *Киреев А. Н.* Башкирский народный героический эпос. Уфа, 1970, с. 141.

⁹⁴ *Ашмарин Н. И.* Словарь..., вып. 3, с. 214.

⁹⁵ Сказание об Улыпe, с. 54.

⁹⁶ *Зарипов Н. Т.* Герой башкирских богатырских сказок, его враги и помощники. — Вопросы башкирской фольклористики, с. 17.

⁹⁷ Там же, с. 15.

⁹⁸ Чувашский фольклор (на чувашском языке). Чебоксары, 1949.

⁹⁹ *Бромлей Ю. В.* Вступительное слово на научной сессии по этногенезу башкир. — АЭБ, т. 4, с. 4.

ЧИСЛЕННОСТЬ И РАССЕЛЕНИЕ ЗАУРАЛЬСКИХ БАШКИР в XIX — начале XX в.

Зауральские башкиры — локальная группа, расселенная на территории Челябинской и Курганской областей. В Челябинской области зауральские башкиры проживают главным образом в Аргаяшском и Кунашакском районах. Небольшими группами они живут также в Сосновском, Чебаркульском, Красноармейском, Кусинском, Нязепетровском, Уйском районах и в городах области. Компактно расселяются зауральские башкиры в Курганской области. Здесь они живут в Альменевском и Сафакулевском районах, граничащих с Челябинской областью. К началу 1979 г. в Челябинской области проживало 133,7 тыс. башкир (3,9% населения области и 9,7% башкир СССР). В Курганской области переписью было охвачено 17,7 тыс. башкир, что составляло 1,6% населения области и 1,3% башкир, живущих в СССР¹.

Родо-племенной состав зауральских башкир чрезвычайно сложен. В относительно небольшом регионе проживают представители около полутора десятков родов, входящих в основном в три родо-племенных объединения: Катай, Айле, Табын. Племя Катай в Зауралье представлено тремя родами: Улу-Катай (*Оло-Катай*), Бала-Катай (*Бала-Катай*) и Ялан-Катай (*Ялан-Катай*)*. Улу-катайцы в начале XIX в. расселились в Екатеринбургском и Шадринском уездах Пермской губернии. По сведениям Данилова, составителя «Описания Пермской губернии», в 1800 г. в улу-катайских деревнях Кулужбаево, Забирово, Манатау, Ямантаево, Азнабаево, Аликаево, Абушахманово, Мансурово, Сапогово, Теляково, Иркабаево, Бакеево, Ильтунды, Кanzaфарово, Казанбаево насчитывалось около 300 дворов и 980 ревизских душ мужского пола². По данным Н. С. Попова, изучавшего Пермскую губернию в начале XIX в., в Улу-Катайской волости Екатеринбургского уезда проживало 988 человек обоего пола в 9 деревнях, «кои суть Каинкуль при оз. того же имени, Апакова, Аликаева при оз. Курмыскалы (Кырмыскалы.— М. М.), Кулужбаева, Ибрагимова при оз. Сартаныш, Ямантаева, Юлдашева и Манатова при р. Караболке, Теренкулска и Пороховая при озерах, от коиx получили название». В Шадринском уезде в двух юртах, объединявших деревни Ирка-

баева, Тюлякова, Канзафарова, Илтуды, Кулакова, Бакиева около р. Караболки, Сигирле, Мансурова и Сапогова, насчитывалось 535 башкир-улу-катайцев³. Следовательно, в названных зауральских уездах Пермской губернии, по подсчетам Н. С. Попова, башкир-улу-катайцев было 1523 человека. В последующие годы численность их возросла. В конце 60-х годов XIX в. статистический комитет министерства внутренних дел учел в Екатеринбургском и Шадринском уездах 3,5 тыс. улу-катайцев⁴. Эти сведения, по-видимому, близки к истине, так как подтверждаются и другими источниками⁵.

В начале текущего столетия в зауральских уездах Пермской губернии проживало около 5 тыс. башкир улу-катайского рода⁶.

Улу-катайцы несколько раньше, чем бала-катайцы и ялан-катайцы Зауралья, оставили полукочевой образ жизни и перешли к оседлости. Поселения их в XIX — начале XX в. были сравнительно небольшими. В улу-катайских деревнях Кулужбаево, Суртаньш, Каинкуль, Карагайкуль, Сарыкулмяково, Шарыпкулово насчитывалось от 27 до 73 дворов⁷. Относительное укрупнение башкирских деревень за счет сокращения их количества происходило в начале текущего столетия. Современные улу-катайские деревни сравнительно крупные и входят в основном в состав Кунашакского и Аргаяшского районов Челябинской области.

Крупным подразделением объединения Катай был род Бала-Катай. Р. Г. Кузеев полагает, что улу-и бала-катайцы ранее составляли единую родовую организацию⁸. Об этом свидетельствуют также и такие факты, как запреты браков между улу-и бала-катайцами, смежность территории их расселения, народные предания об общности их происхождения и т. д. Впрочем, браки между улу- и бала-катайцами были нередкими, однако старшее поколение считало их нежелательными.

Родство зауральских улу-и бала-катайцев нашло отражение в их преданиях. Одно из них повествует, что деревню Ибрагимово основал человек по имени Улу-Катай. Потомки Улу-Катая, согласно преданию, основали деревни, которые известны теперь как бала-катайские⁹. В начале XIX в. бала-катайцы проживали, по сведениям Н. С. Попова, в следующих деревнях Екатеринбургского уезда: Сарыкулмяково, Кырмыскалы, Сарино, Сулейманово, Таскино, Жулаево, Асаново, Итбаево, Булатово и Шарыпкулово; в них числилось 859 мужчин и 919 женщин¹⁰. Эти цифры согласуются с данными V ревизии (1794—1795 гг.) и с другими источниками¹¹. В Шадринском уезде — в Балдыкатайской и Балакатайской волостях — насчитывалось 642 башкира. Всего в начале XIX в. в зауральских уездах Пермской губернии башкир-бала-катайцев было более 2,4 тыс. В последующее время численность бала-катайцев несколько возросла. Если в начале 40-х годов XIX в. в четырех деревнях (Аминево, Акчувашево, Ятиково, Ибрагимово) Балакатайской волости про-

живало около 600 башкир¹², то в конце 60-х годов их стало 792 человека¹³. Прирост населения продолжался и в 70—80-х годах XIX в. В 1885 г. численность башкир Саринской волости, включавшей деревни Акчувашево, Аминево, Ибрагимово, возросла до 812 человек¹⁴. Отсутствие сведений не позволяет точно определить численность башкир-бала-катайцев в конце XIX — начале XX в. В 1908 г. лишь в одной Саринской волости Екатеринбургского уезда проживало около 3 тыс. бала-катайцев¹⁵. В настоящее время потомки башкир этого рода живут в Кунашакском и Аргаяшском районах Челябинской области, в деревнях Асаново, Саринно, Сулейманово, Таскино, Чебаркуль, Булатово, Суртаныш и др.

Башкир-ялан-катайцев Р. Г. Кузеев считает потомками улуи бала-катайцев, переселившихся в XVIII в. в притобольские и приуйские степи в поисках свободных земель¹⁶. Это подтверждается также общностью родовых тамг бала- и ялан-катайцев и народными преданиями об их переселениях. До выхода в Зауралье, согласно устным преданиям, катайцы жили на Южном Урале, в районе нынешнего г. Златоуста¹⁷. В Зауралье они прикочевывали ради охоты, перегоняли на лето скот; позднее они остались здесь навсегда.

Сведений о численности ялан-катайцев в начале XIX в. нет. По ревизским сказкам башкирских старшин, в 1834 г. в Катайской волости Челябинского уезда Оренбургской губернии насчитывалось 1335 душ обоего пола¹⁸. В это число вошла лишь часть ялан-катайцев, так как учетом были охвачены только 9 деревень и две заимки 14 и 15 юртов Катайской волости. Начальник 5-го башкирского кантона докладывал в 1841 г., что в 21 ялан-катайской деревне проживает 3065 человек. Правда, в это число вошло население трех айлинских деревень (429 душ обоего пола), расположенных «на вотчинной Катайской волости земле». Но и с вычетом айлинцев ялан-катайцев было более 2,6 тыс. человек¹⁹. Примерно такие же сведения о численности ялан-катайцев содержат и другие источники²⁰. Накануне Октябрьской революции численность башкир-ялан-катайцев составила около 6,5 тыс. человек²¹. Жили они в деревнях Подьясово (*Будияз*), Искандарово (*Ишэк*), Сулейманово (*Балсыкты*, *Малсыкты*), Гантово (*Гәйткөл*, *Шәкереш*, *Аракай*), Куйбаково (*Куйбак*), Ильясово (*Ильяс*, *Күбелтә*), Монатово (*Монатау*), Таргулово (*Кормаш* или *Тәңрекүл*), Казаккулово (*Латыкай*), Зайнагабдиново (*Зайнелгәбит*, *Зәйнекәй*), Аминево (*Бүре төшкән*), Кулсарино (*Колһары*, *Яңауыл*), Байганино (*Бәйгәнә*, *Бәйгинә*, *Әфисәр*), Убалино (*Убалы*), Шарипово (*Шәрип*, *Кушкул*), Темяково (*Тәмәк*), Килейтамаково (*Купы киләй*), Ново-Юламаново и Старо-Юламаново (*Юламан*), Туйгуново (*Тойгон*), Бухарово (*Айыу*, *Мортаза*), Аскарново (*Аскар*), Штаново (*Каракулмәк*).

Исторически и этнически близки к катаяцам башкиры племени Салъют (*Салъюут, Салъюгут, Галъют*). Башкиры-салъюты пришли в Зауралье вместе с катаяцами. До этой миграции территория их расселения находилась по среднему течению р. Уфы, а также севернее — по верховьям рек Чусовой и Сылва²². В XIX — начале XX в. салъюты жили в деревнях Бурино (*Бүре*), Соркино или Серкова (*Сәркә*), Большое и Малое Кызылово (*Оло Кызыл һәм Кескәй Кызыл*), Кунакбаево (*Кунакбай*), Баязитово (*Баязит*), Мусебаево, Тахталым (*Тәхәлем*), Халитово (*Хәлит*), Мурино (*Маян*), Жакатаево, Бараково (*Карасүр*), Султанаева (*Султанай, Ажкайды*), Байбускарово (*Байбускар*), Ихсаново (*Ихсан*), Ганькино (*Кобағош*)²³.

О численности башкир-салъютов в начале XIX в. известно из данных двух источников. В первом, датированном 1800 г., значится, что в «Салзатской» волости Шадринского уезда проживало более 2,5 тыс. человек (обоего пола)²⁴. Во втором источнике, в упомянутом сочинении Н. С. Попова, приводится другая цифра — 1385²⁵. Видимо, более достоверными являются сведения Н. С. Попова, которые отражали численность лишь башкир-салъютов без населения соседних родовых групп. По итогам УП ревизии (1815—1817 гг.) башкир-салъютов было около 1300 человек²⁶.

В 40-х годах XIX в. в салъютских деревнях Шадринского уезда проживало 2610 человек²⁷. В конце 60-х годов, по данным статистического комитета МВД, в них было 3400 душ обоего пола. Эта цифра подтверждается сведениями, собранными в начале 1870-х годов по Казанскому учебному округу²⁸. В конце XIX — начале XX в. численность салъютов выросла. В материалах статистического комитета МВД, изданных в 1885 г., значится, что в салъютских деревнях проживало около 3,5 тыс. человек²⁹. В начале XX в. в Буринской волости Шадринского уезда насчитывалось более 4,7 тыс. башкир-салъютов³⁰.

В процессе изучения численности башкир-салъютов выясняется, что в их состав нередко включались башкиры-сырчане, терсяки и бекатишцы. Башкиры этих родовых групп расселялись на смежных территориях, поддерживали постоянные хозяйственно-культурные связи, поэтому их учет в общей группе был естественным.

Башкир-сырчанцев было немного. В Сынгрянской волости Екатеринбургского уезда V ревизией было учтено 92 ревизских души³¹. Материалы этой переписи, очевидно, использованы и Н. С. Поповым, который пишет, что в начале XIX в. «в Сыгранской волости Екатеринбургского уезда под командою старшинского помощника было 92 мужеска и 110 женеска полу в деревнях Иткульской при оз. тогож имени и Бектемировой при болоте Биктемере»³². Во второй половине XIX в. башкиры-сырчане населяли в основном деревни Биктемирово (*Һеңрән, Айыу һеңрәнә, Биктимер*), Иткуль (*Уртауыл, Ит күл*), Ключики (*Шии-*

ма) Екатеринбургского и Юмагулово (*Комгүл һеңрәне*), Корино или Чокурово (*Сокор һеңрәне*) Шадринского уездов ³³.

Определить точную численность сырян в конце XIX — начале XX в. невозможно. Как указывалось, они жили смежно с башкирами других родов и поэтому учитывались вместе с ними. В д. Иткуль, например, половину жителей составляли сыряне, половину — терсяки. Деревня Ключики была в основном сырянской, но там жили и терсяки. Общую численность сырян можно определить приблизительно, опираясь на всю совокупность имеющихся источников.

В конце 60-х годов XIX в. в сырянских деревнях Биктимирово, Корино, Юмагулово насчитывалось 435 человек. В д. Иткуль проживало около 150 сырянцев. Всего в этих наиболее крупных сырянских деревнях проживало около 600 человек ³⁴. В начале XX в. население этих же деревень составляло около 650 человек ³⁵.

Примерно в одно время с сырянами на салютских землях поселились башкиры небольшого рода Терсяк (*Терһәк*) ³⁶. Они расселились в деревнях Ибраево (*Масәй*), Аширово (*Ғашер*), Аливкулово (*Табанай*), Махмутово (*Махмүт, Терһәк*), Большое и Малое Ильчигулово (*Әләмә Терһәк*), Кушуево, Арсланбеково (*Морат*), Иткуль, Анжалы. Данные о численности терсяков в начале прошлого столетия весьма противоречивы. По одним документам только в Терсякской волости Шадринского уезда проживало около 700 ревизских душ ³⁷. По сведениям же Н. С. Попова, в двух уездах — Екатеринбургском и Шадринском — было лишь 506 башкир-терсяков ³⁸. Эти цифры, по-видимому, неточные. Переписью населения 1815—1817 гг. (VII ревизия) в 7 деревнях Терсякской волости было учтено 844 человека ³⁹. В это число не вошло население Иткулевской дачи Терсякской волости Екатеринбургского уезда ⁴⁰. Следовательно, можно предполагать, что в начале XIX в. башкир-терсяков было около тысячи человек. Сведений о численности терсяков в последующие десятилетия XIX в. пока нет. В начале текущего столетия в деревнях Ильчигулово, Аширово, Махмутово, Аливкулово, Мосеево насчитывалось более тысячи человек обоего пола ⁴¹.

На землях восточнее озер Иртяш и Касли жили башкиры рода Бекатин (*Бәкәтин*), переселившиеся в Зауралье из верховьев р. Уфы ⁴². По имеющимся сведениям, в начале XIX в. их было более 900 человек; они населяли деревни Аликаево (при колодцах), Алабуга (при оз. Алабуга), Малое Аликаево и Урускуль (при оз. Урускуль), Талузаково (при оз. Бердениш), Кумгуль (при оз. Кумгуль), Чюваево (на р. Синара) ⁴³. В 40-х годах XIX в. в третьем юрте второго кантона, состоявшем в основном из бекатинских деревень, было 1343 человека ⁴⁴. В начале текущего столетия башкиры этого рода численностью более 2 тыс. человек составляли «Мякотинское» общество Карабольской волости ⁴⁵.

Одно из древних и некогда могущественных башкирских племен Табын (*Табын*) было представлено в Зауралье родами Табын (*Табын*), Кара-Табын (*Кара-Табын*), Барын (*Барын*). Кара-барын-табынцы занимали в исследуемое нами время довольно компактную территорию в междуречье Течи и Миасса⁴⁶. Пятой ревизией было учтено более 4,3 тыс. кара-барын-табынцев, населявших 29 деревень⁴⁷. Башкиры рода Барын-Табын были малочисленнее, чем кара-табынцы. По сведениям 1776 г., в «Барантабынской» волости Исетской провинции было 162 двора, в «Каратабынской» (того же ведомства) башкирских хозяйств было 259⁴⁸. В конце XIX — начале XX в. башкиры рода Барын-Табын жили в основном в деревнях Яраткулово (*Яраткол*), Большое Кулсарино (*Оло Куйһары*), Тухтубаево (*Туктыбай*), Уразбаево (*Уразбай*), Нижние Караси (*Караһыу*). Часть населения деревень Кулуево (*Колой, Мәхәмәтколой*) и Байрамгулово (*Байрамғол, Аргужа*), Куйсаново (*Куйсан*), Бурыл-Айгирово (*Бурылайғыр*), Бакаево (*Бакай*) также была барынской. Кара-табынцы составляли основное население деревень Сатлыково (*Һаттык*), Алгазин, Бигарди (*Бигәрзе*), Султаево (*Һултай*), Аблаево (*Аблай*), Каракаево (*Каракай*), Узункулево (*Озонкул*) и др. Табынцы жили в деревнях Мавлютово (*Мәүлет*), Акбашево (*Акбаш*), Мамаево (*Мамай*), Мидияково (*Мизийәк*), Сагитово (*Сәғит*), Карасево (*Караһыу*), Кулуево, Байрамгулово.

В состав восточных табынских родов входило также подразделение Кукьюргек (Кукйүргәк). Р. Г. Кузеев считает его дочерним по отношению к кара-табынскому роду образованием⁴⁹. В 30-х годах XVIII в. аймак (или тюба) «Кун-Юрган-Табын» значился в составе Кара-Табынской волости⁵⁰. В 70-х годах Кукзюрряктабынский аймак был в «Барантабынской» волости Исетской провинции⁵¹. В начале XIX в. население «Кук-Юрганской волости» Екатеринбургского уезда составляло 180 ревизских душ⁵². Основными населенными пунктами кукьюргекских башкир являлись Норкино (*Нуркин*), Сатлыково (*Һаттык*), Абдырово (*Абдыр*), Сурашево (*Сураш*), Бажикаево (*Бәжсекәй, Кыуандык*), Новое и Старое Соболево (*Яңы һәм Тик торзо*), Кусюково, Сагитово.

Родственными табынцам были башкиры родов Сырзы и Кувакан. Род Сырзы некогда входил в родо-племенной союз табынцев⁵³. До переселения в Зауралье сырзинцы, так же как куваканцы, кочевали на Южном Урале в верховьях р. Юрюзань. В начале XIX в. в двух сырзинских волостях Екатеринбургского уезда — Шуралинской и Чирлинской — насчитывалось более 1200 жителей⁵⁴. В сырзинских деревнях Яманово, Курманово (*Жорман*), Мосеево (*Мәсәй*), Яунбаево (*Яуымбай*), Шамгуново (*Шәмгүн*), Абылкаево, Изяшево (*Изәш*), Кужебаево, Старое Аязгулово (*Аязғол, Иске ауыл*) и других проживало по VIII ревизии (1833—1836 гг.) около 1,5 тыс. ревизских душ.

В 1840 г., по сведениям управляющего третьим башкирским кантоном, башкир-сырзинцев было 1580 человек ⁵⁵.

Башкиры рода Кувакан (*Кыуакан*) расселились в Зауралье в XIX в. дисперсно. Часть куваканского населения проживала в Троицком уезде, часть — в Челябинском. В двух куваканских деревнях Троицкого уезда — Сулейманово и Суюндуково — в начале XIX в. было 37 дворов ⁵⁶.

В Челябинском уезде куваканской была д. Бикбердино (другое название Кувакан) с населением в 1917 г. 768 человек ⁵⁷.

Башкирское население Зауралья включало в свой состав также айлинцев (*айзе*), сызгинцев (*һызгы*), сартов (*һарт*). Башкиры-айлинцы — древние зауральские поселенцы. В Зауралье они расселены вперемешку с табынцами, катаяцами. В 40-х годах XIX в. «на вотчинной Айлинской волости земле» было 16 деревень с населением 2563 человека. А на землях, принадлежащих табынцам, находилось более 40 айлинских деревень. Около 430 айлинцев, проживавших в деревнях Юламаново, Бухарово и Аскароро, были припущенниками восточных катаяцев ⁵⁸. В настоящее время айлинские деревни группами расположены в Аргаяшском районе Челябинской и Сафакулевском районе Курганской областей.

Башкиры-сарты, переселившиеся в Зауралье не позже начала XVII в., владели в прошлом большими земельными просторами. На их вотчинных землях находились табынские — Мухаметово, Сибишево (*Сыбыш*), Уртеево (*Ерэн ат*), Кутлубаево и одна калмакская — Абылтаево деревни. На рубеже XIX и XX вв. сарты населяли в основном деревни Большое Султаново (*Имангол, Оло Солтан*), Малое Султаново (*Бәләкәй Солтан*), Баязитово (*Баязит*), Сарт-Абдряшитово (*һарт-Әбдрәше*), Мышкаево (*Мишәкәй*), Азналино (*Азналы*), входящие ныне в состав Сафакулевского района Курганской области.

Род Сызгы, очевидно, некогда входил в состав родо-племенного объединения Айле. Сызгинцы пришли в Зауралье в XVI — XVII вв. ⁵⁹ и осели по р. Миасс и по озерам ⁶⁰. В конце XIX — начале XX в. башкиры-сызгинцы составляли основное население деревень Сантово или Ажибаево (*Сәит* или *Этколак*), Уразбаево (*Тукыс*), Мухаметово или Мухамбетово (*Мәхәммәт*), Сактаево (*Һактай*), Карабашево (*Карабаш*), Селянкино (*Сәлән*). В архивных документах содержатся указания на то, что эти деревни, находящиеся ныне в составе Аргаяшского и Карабашского районов Челябинской области, основаны в 30-х годах XVIII в. ⁶¹.

По соседству с ялан-катаяцами обитали башкиры-калмаки (*калмак*). Калмакский род сложился из отколовшихся от своего этноса калмыкских семей. В процессе взаимных набегов и этнокультурного взаимодействия калмыки сильно смешались с башкирами ⁶². В Челябинском уезде пятой ревизией было учтено 1576 башкир-калмаков, населявших 17 деревень и 4 выселка ⁶³.

Основными калмакскими населенными пунктами считаются Калмак-Абдрашитово (*Калмактар, Эбдрэш*), Мурзабаево (*Мырзабай*), Аптикаево (*Эптекай*), Абултаево (*Абылтай*), Арысланово (*Арыслан*). Калмаки живут также в деревнях Шафиево (*Шафей*), Абдульменево (*Эбделман*).

Как видно, этнический состав зауральских башкир чрезвычайно сложный. Этноисторическое развитие зауральских башкир происходило в специфических условиях; в роли слагающих компонентов в Зауралье выступали разные родо-племенные и этнические группы. Одни из них, как сальюты, бекатинцы, терсяки, сызгинцы, сырряне, по крайней мере с конца XVII или начала XVIII в. живут в подавляющем большинстве в Зауралье в значительном отдалении от основной этнической территории народа; другие (табынцы, катайцы, айлинцы, сарты) довольно большими группами представлены на землях к западу от Урала.

Заселение Зауралья башкирами, по-видимому, происходило в разное время и разными путями. Нет сомнения, что основные переселения имели место из Приуралья и с гор. В то же время не исключено, что некоторая часть зауральских башкир является потомками тех тюркских групп, которые еще на ранних этапах освоения кочевниками Южного Урала мигрировали сюда с юга и востока. Во всяком случае, Р. Г. Кузеев, посвятивший происхождению башкир ряд исследований, полагает, что заселение средневековыми айлинцами современной территории их обитания (северо-восток Башкирской АССР, Зауралье) шло с юга через Зауралье⁶⁴.

Уральский хребет представлял естественный барьер на пути движения кочевников. Однако преувеличивать значение этого фактора нельзя, так как история знает немало свидетельств того, что горы не только разделяли, но и объединяли народы. С аналогичным явлением мы сталкиваемся и в северо-восточной и зауральской Башкирии: многие родо-племенные образования долгое время имели кочевья по обе стороны гор и окончательно осели в Зауралье лишь в связи со строительством горных заводов. С этого момента территориальная отдаленность и обособленность башкир Челябинского и Курганского Зауралья от основной массы народа, имевшая место и раньше, стала одним из решающих факторов в их этническом и социально-политическом развитии.

¹ Вестник статистики, 1980, № 7, с. 59, 63.

* Улу-Катай — Старший (или Большой) Катай, Бала-Катай — Малый Катай, Ялан-Катай — Степной Катай.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18928, лл. 237 об.—238, 253 об.—254. Названия населенных пунктов даны по источникам.

³ Попов Н. С. Хозяйственное описание Пермской губернии, ч. 3. СПб., 1813, с. 6, 8.

⁴ ХХХІ. Пермская губерния. Список населенных мест по сведениям 1869 года. СПб., 1875, с. ССХХІІІ—ССХХІV, ССХХVІ—ССХХVІІ. Подсчеты автора.

⁵ Волости и важнейшие селения Европейской России. По данным обследования, произведенного статистическими учреждениями МВД, по поручению статистического Совета. Вып. 6. Губернии Приуральской группы и Крайнего Севера. СПб., 1885, с. 179.

⁶ Список населенных мест Пермской губернии. Пермь, 1905, с. 27, 33, 395; Список населенных мест Пермской губернии. Пермь, 1908, с. 27—28, 44—45.

⁷ Волости и важнейшие селения Европейской России, вып. 6, с. 179.

⁸ Кузеев Р. Г., Бикбулатов Н. В., Шитова С. Н. Зауральские башкиры: Этнографический очерк быта и культуры конца XIX — начала XX в.— АЭБ, т. 1. Уфа, 1962, с. 182.

⁹ Полевые записи автора 1974 г., тетр. 1, с. 47—48.

¹⁰ Попов Н. С. Указ. соч., с. 6.

¹¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18925, л. 122.

¹² ЦГА БАССР, ф. 2, оп. 1, д. 4873, лл. 141—143. Подсчеты автора.

¹³ ХХХІ. Пермская губерния. Список населенных мест., с. ССХХVІ—ССХХVІІ.

¹⁴ Волости и важнейшие селения Европейской России., с. 179.

¹⁵ Список населенных мест Пермской губернии, 1908, с. 43—44.

¹⁶ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. М., 1974, с. 238; Кузеев Р. Г., Бикбулатов Н. В., Шитова С. Н. Указ. соч., с. 183.

¹⁷ Полевые записи 1974 г., тетр. 2, с. 13—16.

¹⁸ ГАОО, ф. 6, оп. 11, дл. 276, 277, 282, 284, 286, 291, 298.

¹⁹ ЦГВИА, ф. 414, д. 338, лл. 22 об.— 25. Подсчеты автора.

²⁰ Материалы по статистике, истории и этнографии Оренбургской губернии, вып. 1. Оренбург, 1877, с. 85—104; Волости и важнейшие селения Европейской России., с. 133; ЦГА БАССР, ф. 2, оп. 1, д. 4873, лл. 141—143, 145 об.— 148 об.

²¹ Алфавитный список населенных мест Оренбургской губернии. По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г. Издание Оренбургского губернского статистического бюро. Б. Г., с. 33.

²² Кузеев Р. Г., Бикбулатов Н. В., Шитова С. Н. Указ. соч., с. 186—189.

²³ Полевые записи автора 1973 г., тетр. 4, с. 118—119.

²⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18928, лл. 252 об.— 253.

²⁵ Попов Н. С. Указ. соч., с. 7.

²⁶ ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1136, л. 213 об.

²⁷ ЦГА БАССР, ф. 2, оп. 1, д. 4873, лл. 141—143, 145 об.— 148 об.

²⁸ ХХХІ. Пермская губерния. Список населенных мест., с. ССХХVІ—ССХХVІІ.

²⁹ Волости и важнейшие селения Европейской России., с. 154—155.

³⁰ Список населенных мест Пермской губернии, 1905, с. 377—378.

³¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18925, л. 122.

³² Попов Н. С. Указ. соч., с. 6.

³³ Полевые записи автора 1973 г., тетр. 4, с. 117—118.

³⁴ ХХХІ. Пермская губерния. Список населенных мест., с. ССХХІІІ—ССХХІV, ССХХVІ—ССХХVІІ.

³⁵ Список населенных мест Пермской губернии, 1905, с. 26—27, 33.

³⁶ Кузеев Р. Г. Указ. соч., с. 241.

³⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18928, лл. 251 об.—253.

³⁸ Попов Н. С. Указ. соч., с. 5, 7—8.

³⁹ ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1136, л. 213 об.

⁴⁰ Там же, д. 1094, л. 107.

⁴¹ Список населенных мест Пермской губернии, 1905, с. 377—378.

⁴² Кузеев Р. Г. Указ. соч., с. 242.

- 43 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18928, лл. 238 об.—240, 251 об.—253, 253 об.—254.
- 44 ЦГА БССР, ф. 2, оп. 1, д. 4873, лл. 145 об.—148 об.
- 45 Список населенных мест Пермской губернии, 1905, с. 26—27.
- 46 *Кузеев Р. Г., Бикбулатов Н. В., Шитова С. Н.* Указ. соч., см.
- «Карту расселения зауральских башкир в конце XIX — начале XX в.».
- 47 ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1886, лл. 49 об.—50 об.
- 48 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18894, лл. 81—22 об.
- 49 *Кузеев Р. Г.* Указ. соч., с. 248.
- 50 Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 3. Экономические и социальные отношения в первой половине XVIII в. М.; Л., 1949, с. 496.
- 51 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18894, лл. 21—22 об.
- 52 Там же, д. 18928, лл. 238 об.—239.
- 53 *Кузеев Р. Г., Бикбулатов Н. В., Шитова С. Н.* Указ. соч., с. 193.
- 54 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18928, лл. 238 об.—239; *Попов Н. С.* Указ. соч., с. 5—6.
- 55 ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1094, лл. 16—19 об.
- 56 Там же, д. 940, лл. 13, 111 об.
- 57 Алфавитный список населенных мест Оренбургской губернии по данным сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года. Б. м. и б. г., с. 38.
- 58 ЦГВИА, ф. 414, д. 338, лл. 10 об.—25.
- 59 *Кузеев Р. Г.* Указ. соч., с. 217.
- 60 Материалы по истории Башкирской АССР. Т. I: Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII в. М.; Л., 1936, с. 135—138.
- 61 ЦГВИА, ф. 414, д. 316, лл. 65 об.—66.
- 62 *Кузеев Р. Г.* Указ. соч., с. 246.
- 63 ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1887.
- 64 *Кузеев Р. Г.* Указ. соч., с. 197.

ОБ ЭТНОИСТОРИЧЕСКОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ АНОМАЛЬНЫХ КОНСОНАНТНЫХ СОЧЕТАНИЙ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

При решении проблемы этногенеза башкирского народа особое значение приобретают данные языка, которые содержат ценный материал для освещения отдельных вопросов этой проблемы.

Своеобразие башкирского языка и его диалектов наиболее четко выражено в фонетике, прежде всего в системе согласных. Своей консонантной системой башкирский язык, особенно его диалекты, резко отличается от тюркских языков западного региона, обнаруживая большее сходство с восточными тюркскими языками.

К числу таких особенностей относится употребление специфических консонантных сочетаний типа «сонант + глухой смычный». С точки зрения общетюркских правил сочетаемости и последовательности звуков такие сочетания вполне допустимы в неразложимых основах. Например: *алтын* (турк., тур., ктат., кар., кум., кбал., кир., каз., ног., ккал., тат., баш., алт., хак.); *алтун* (уйгур., лоб.); *алтин* (узб.), *алтан* (як.); *ылтан* (чув.) 'золото'; *ортак* (турк., ктат., кар.к., каз., ног.; ккал., уйг., тур., гаг., аз., уз.); *орток* (кир., алт.); *уртак* (баш., тат.) 'друг, товарищ, общий, середина'; *енкей* (тур., кар., кум., кир., каз., ног., ккал.); *енкай* (енкэй) (уз.); *енчей* (алт.), *инкай* (бар.), *инкэй* (баш.) 'гнутья, сгибаться, наклоняться, падать, кланяться, преклоняться' *.

Однако в двух башкирских говорах — в среднем и карaidельском — отмечается систематическое употребление сочетаний сонорных и глухих смычных не только в неразложимых основах, как в других говорах и в большинстве тюркских языков, но и на стыке основы и аффиксов, а также на стыке двух слов. Например: на стыке основы и аффиксов: *бороңко//пороңко* (лит. *боронго*) 'древний', *анта* (лит. *унда*) 'там', *үлте* (лит. *үлде*) 'умер'. На стыке двух слов: *ал та юк*, *ял та юк* (лит. *ал да, ял да юк*) 'нет ни сна, ни покоя', *йыр та*, *моң та юк анта* (лит. *йыр за, моң да юк унда*) 'ни песни, ни мелодии (слуха) нет у него' и т. д.

Сочетания сонорных и глухих смычных спорадически встречаются в указанных позициях в таныпском, гайнинском гово-

рах, в говоре среднеуральских башкир. Зафиксированы также в верхнебельском подговоре миасского, карагай-кыпчакском подговоре кызылского, ялан-катайском подговоре аргяшского говоров¹, т. е. представляют собой изоглосное явление. Изоглосса «сонант + глухой смычный» образует два ареала, с двумя центрами радиации. Первый ареал, условно называемый южный, образуют средний и прилегающие к нему верхнебельский подговор миасского и карагай-кыпчакский подговор кызылского говоров, т. е. говоры, распространенные в основном по рекам Инзер, Зилим, Зиган, а также в верхнем и среднем течении Белой. Центром радиации является средний говор. Второй ареал — северный — охватывает караидельский, таныпский и гайнинский говоры, носители которых живут по Быстрому Ташпу, Тюю и Нижней Белой. Центром радиации является караидельский говор. Следует подчеркнуть, что в лингвотехническом плане сочетания сонорных и глухих смычных согласных менее удобны, поэтому во многих языках и диалектах существует тенденция озвончения постсонантного смычного. Исходя из этого, можем предположить, что причиной появления консонантных сочетаний в прилегающих говорах, очевидно, является частичное этническое и языковое смешение или принадлежность к одной языковой общности. Фактор взаимовлияния «по соседству» или процесс интерференции исключается, так как обычно язык или диалект чаще всего воспринимает от другого языка или диалекта такое явление, которое в лингвотехническом плане удобно и коммуникативно выгодно².

Итак, два ареала, два центра радиации. Однако, как свидетельствует языковой материал, представлено одно и то же фонетическое явление³.

Из тюркских языков аналогичные сочетания в тех же позициях и формах слов регулярно употребляются в барабинском и тоболо-иртышском диалектах языка сибирских татар, в туба-диалекте алтайского, сарыг-югурском, саларском языках, а также отмечаются они в языке рунических, древнеуйгурских и части древнебулгарских памятников⁴: диал. яз. сиб. тат. *kimka* 'кому', *pirka* 'вместе', *пульты* 'было', *куфынты* 'изгнанник'; туба-диал. алт. *алтылар* 'они взяли', *антан* 'затем', *барты* 'поехали'; сарыг-югур. *jylta* 'в году', *avultan* 'со двора', *tamtyr* 'зажигай'; салар. *jolta* 'в пути', *anta* 'там', *pularta* 'у этих'; рунич. пам. *iltä* 'в государстве' (КТ м³), *kälti* 'он пришел' (КТ б 28, Тон. 8); древнеуйг. *iltä* 'в народе' (suv., 397₁₆), *körtüm* 'я увидел' (suv., 633₂₀); булг. пам. *bolti* 'было', *zalta* 'в году' и т. д.

Как видно из примеров, сочетания «сонант + глухой смычный» в перечисленных языках встречаются на стыке основы и аффиксов падежей, в прошедшем «категорическом» времени, поудительном залоге, в именном и глагольном словообразовании, т. е. почти в тех же позициях и формах, что и в башкир-

ском языке. Это дает основание думать, что мы имеем дело не с единичными и случайными звуковыми совпадениями и не с фактами конвергенции, а скорее всего с явлением генетического порядка. Об этом свидетельствуют и некоторые другие особенности языков, в которых в той или иной степени представлены сочетания «сонант + глухой или полувзвонкий смычный». Во всех вышеназванных языках (за исключением языка рунических памятников, о котором нельзя сказать пока что-либо определенно) употребляются преимущественно анлаутные глухие или полувзвонкие смычные согласные: сред. и караид. гов. баш. яз. *пала* 'дитя', *тицкез* 'море', *кел/гел* 'всегда', 'Канита/Ғәнидә (антропоним); диал. яз. сиб. тат. *паламты* 'моего ребенка', *түрт* 'четыре', *пулты* 'было'; туба-диал.-алт. *төрт* 'четыре', *палта* (топор); сарыг-югур. *pirte* 'дал', *talaj* море; салар. *pularta* 'у этих'; *timog* 'железо' и т. д.

Помимо названных языков, глухое или полувзвонкое начало слова характерно языкам Южной Сибири (шорский, хакасский, тувинский и др.) и чувашскому⁵ и т. д. Кстати, и в этих языках исследователи отмечают спорадическое употребление аналогичных сочетаний. Следовательно, сочетания сонорных и глухих смычных употребляются в тех языках, в которых отмечается слабая дифференциация глухих и звонких и, вероятно, в более отдаленном прошлом корреляция в системе согласных проводилась не по звонкости и глухости, а по силе и слабости или по напряженности и ненапряженности артикуляции.

О наличии в былой системе согласных противопоставления по силе и слабости артикуляции говорит и тот факт, что смычные согласные в среднем и караидельском говорах башкирского языка имеют слабую аспирацию: *каты* 'жесткий', *пулты* 'было', *турта* 'толокно'. В сарыг-югурском и саларском аспирация имеет даже фонематическое значение и вместе с системой сильных и слабых согласных составляет дифференцирующий признак указанных языков⁶. В диалектах языка сибирских татар придыхательность менее заметна. Имеется она в тувинском языке. Если учесть, что смычные *п*, *т*, отчасти и *к* имеют заметную аспирацию в азербайджанском, турецком и слабую — в узбекском⁷, то, вероятно, можно ставить вопрос об аспирации в пратюркском. Тогда возникнет вопрос о наличии или отсутствии аспирированности в языке памятников древних тюрков.

Связанное с явлением аспирации другое фонетическое явление — фарингальность — по-видимому, тоже свидетельствует о наличии в предшествующей системе согласных сильных и слабых смычных, а также о связи консонантных сочетаний сонорных и глухих с названной системой, так как фарингальность — это напряженность. Гласные с гортанным отступом, т. е. фарингализованные, имеются в саларском, сарыг-югурском, тувинском и тофаларском языках⁸.

А в среднем и ряде близлежащих говоров башкирского языка* имеется фарингализованный гласный *a*, который преимущественно употребляется в анлауте или в первом слоге вообще, и, очевидно, является реликтом былой, т. е. предшествующей, системы гласных.

Вполне возможно, что фарингализованные гласные были характерны и для языка рунических памятников. Если древнетюркскому языку, как доказывает Г. Дёрфер, был характерен начальный *h*⁹, т.е. фарингальный звук, вполне возможно, что под его влиянием появились фарингализованные гласные, можно предположить и обратный процесс.

Таким образом, действительно, мы имеем дело не с единичными случайными совпадениями, а с целым комплексом фонетических параллелей. Обнаруженные аналогии образуют целую систему, поэтому наличие сходных языковых явлений следует объяснить или принадлежностью их носителей к одним и тем же этнолингвистическим общностям или участием в их этногенезе общих этнических компонентов. Следовательно, нужно остановиться на этнической истории и этнических и исторических связях башкир, носителей среднего и караидельского говоров башкирского языка, с западносибирскими татарами, тюрками Центральной Азии и Южной Сибири.

Но прежде чем перейти к рассмотрению этнических связей, необходимо выяснить этнический состав носителей среднего и караидельского и других говоров и подговоров башкирского языка, в которых в той или иной степени представлены консонантные сочетания типа «сонант + глухой смычный».

Южный ареал распространения сочетаний *лт*, *нт* ... совпадает с территорией расселения катаякских и табынских родоплеменных групп башкир. Примечательно, что и в соседних областях и республиках аномальные сочетания фиксируются в тех районах и селах, где компактно живут, жили или мигрировали племена катаяков и табынцев.

В деревнях Акбулатово, Иментатак Оренбургской области, жителями которых являются катаяки, зафиксированы следующие слова с аномальными сочетаниями: *кәлтәксә* (лит. яз., кыз., миас. гов. *кәлдәксә*) 'шесток печи', *ошонта* (лит. яз. *ошонда*) 'здесь', *шунта* (лит. яз. *шунда*) 'там', *сәнкәр* (лит. яз. *сәнгәр*) 'теленек, родившийся летом, в возрасте двух лет'¹⁰.

В этническом отношении территория Оренбургской области очень пестра. Сюда перекочевали представители разных племен и родов. Здесь происходили сложные этнолингвистические процессы. Но несмотря на это в катаякских деревнях сохранились специфические сочетания согласных в составе отдельных слов и форм.

Т. Г. Баишев сообщает, что жители д. Кинзягулово (другое название Бишул) Куйбышевской области являются носителями «П — Т» наречия. Примеры: *партым*, *килте*, *палык*. Они же

употребляют глагольные формы *-ыуга/еуга*, *-мага/-мага*, как и носители среднего говора¹¹. Жители деревни — табынцы. Несмотря на этническую пестроту куйбышевских башкир, особенность языка табынцев сохранилась. Как показывают примеры Баишева Т. Г., сочетание *рт*, которое сейчас характерно только караидельскому говору, было свойственно и языку табынцев. Тогда, очевидно, названное сочетание из среднего говора исчезло совсем недавно.

В д. Кочумбетово, неофициальное название Катай, Саратовской области С. Ф. Миржановой также отмечено употребление звукосочетаний *лт*, *нт*, *нк*, *нк*¹².

На бывшей территории расселения башкир-табынцев и катаяйцев* (по рекам Ик, Мензеля, нижнее течение Камы) татарскими диалектологами также зафиксированы, наряду с другими особенностями, во-первых, интервокальные глухие смычные, во-вторых, консонантные сочетания типа «сопорный + глухой смычный»: *Маматыш/Мамадыш/ойконим/*, *катырка/катырғы* 'картон', *тэлкәш/тэлгәш* 'кисть, гроздь'¹³ и т. д.

Таким образом, аномальные сочетания *лт*, *нт*, *лт*, *рт*, *нк*, *нк* и т. д. в той или иной степени фиксируются там, где живут, жили, мигрировали катаяйская и табынская родо-племенные группы башкир. Причем регулярное употребление сочетаний отмечается в тех говорах, носители которых живут более изолированно, без существенных контактов с другими племенами.

Наиболее четко выделяются аномальные консонантные сочетания, наряду с другими древними особенностями, в языке низер-, кузгун-катаяйцев, кумрук-, кесе-, бишул-, юмран-табынцев, в силу естественно-географических и общественно-исторических причин контактирующих больше друг с другом, чем с другими башкирскими племенами.

В языке тех катаяйцев и табынцев, которые интенсивно взаимодействовали с другими племенами башкир, данное явление сохранилось в рудиментарных формах, и сочетания *лт*, *нт*, *нк*, *нк* и другие употребляются параллельно со звукосочетаниями *лк*, *нд*, *нг*, *нг*.

Так, восточные табынцы, в силу исторических причин, оказались по языку ближе к своим соседям — тамьянцам и другим зауральским башкирам, однако реликты древних особенностей сохранились в отдельных словах и формах и у них: *акай-* (лит., кыз. агай) 'родной брат', *боронко* (лит. боронго) 'старинный', *мантымау* (лит. мандымау) 'не поправляться'¹⁴.

Аналогичной оказалась судьба бала- и улу-катаяйцев. Восточные и зауральские катаяйцы, во-первых, сильно смешались с бикатинцами, сальютами, сынрянами и т. д., во-вторых, оказались отделенными от своих сородичей. Вследствие локального разобщения на разных территориях и смешения, катаяйцы стали говорить на разных диалектах и говорах. Восточные катаяйцы потеряли многие первоначальные, сугубо катаяйские черты, при-

обрели особенности языка соседних племен; в языке носителей иргаяшского говора, т. е. у улу- и бала-катайцев, бикатинцев, это проявляется в следующих примерах: *ыуылтык* (лит. ыуылдык) 'икра', *кайынтык* (лит. кайынлык) 'березняк', *анта* (лит. унда) 'там' ¹⁵.

Северный ареал консонантных сочетаний сонорных и глухих смычных совпадает с территорией расселения башкир племен балыксы и ун. По этнографическим данным, племя балыксы обнаруживает в прошлом этническую и территориальную близость и даже родство с катаяцами ¹⁶. Интересно, что древняя форма *на-мак/-мак*, характерная для среднего говора, отмечается в отдельных словосочетаниях караидельского говора: *пелмак йук*, *курмак йук* (лит. белеу юк, күреу юк) 'как следует не узнав и не видев' ¹⁷.

Этноним *сыскан*, связанный с тотемистическими воззрениями, отмечен в катаяских Габдюково (Гэбдук или Сыскан), Зуяково (Зэйэк ~ Йёйэк), Арипкулово (Эрепкол), Гадельшино (Гэзелшнэ) и балыкчинских Кашка (Кашка), Сеиш (Сейеш) деревнях.

Другой носитель караидельского говора племя ун до передвижения на север расселялось в долине р. Белой. Унларцы были соседями западных табынцев ¹⁸. По всей вероятности, территориальная близость была обусловлена генетической общностью.

Исходя из этого, можно предположить, что языковая особенность табынцев и унларов имеет единые истоки.

Сочетания «сонант + глухой смычный» регулярно встречаются в языке кирей-кыпчаков, рефлексивно — их соплеменников — карагай-кыпчаков. Следует подчеркнуть, что в языке остальных кыпчакских родов башкир данное явление не наблюдается, поэтому можем говорить о докыпчакском происхождении сочетаний *лт*, *нт* и т. д. Докыпчакская история киреев, очевидно, связана с найманами и катаяцами, отчасти и с табынцами. Обнаружены у них общие этнонимы: этноним *карагай* зафиксирован у кирей- и карагай-кыпчаков, восточных табынцев, а также у инзер-катайцев (д. Бриштамак Белорецкого района); *хуна/хун* — у кирей-, карагай-кыпчаков, козгон-катайцев, тубалысцев.

Этноним *төкөн* в различных фонетических вариантах зафиксирован, как уже говорилось, у табынцев (д. Верхний-, Нижний-Тюкунь Кармаскалинского района), карагай-кыпчаков (д. Байназарово Бурзянского района), в виде топонима *Тукан* на территории расселения кирей-кыпчаков (Белорецкий район), в форме *Түкән* (Кумертауский район).

Таким образом, изложенные факты говорят о том, что интересующие нас звуко сочетания связаны с языком отдельных башкирских племен*, которые тесно взаимосвязаны друг с другом или генетически или исторически. Все рассмотренные нами

башкирские племена, по мнению Р. Г. Кузеева, генетически тяготеют к Центральной Азии и Южной Сибири¹⁹.

Действительно, если обратиться к этнонимии табынцев, кайтайцев, унларов и других указанных племен, обнаружим параллели с этнонимией восточных тюрков.

Общий для табынцев и унларов этноним *ун/он* зафиксирован у древних он-уйгуров, а также у тувинцев в форме *он-дар* и связывается с он-уйгурами²⁰. Рашид-ад-дин пишет, что он-уйгуры — это уйгуры, которые обитали по течением десяти рек: Ишлик, Утингер/ Утигер, Бурыз/Букур, Узкундур, Тулар, Тардар, Адар, Уч-Табин, Камланджу и Утикан²¹ (речь идет о притоках Орхона).

Как отмечает В. В. Радлов, у древних уйгуров было племя уч-табын²², это часть он-уйгуров, которая обитала по р. Уч-Табин. Заманчиво провести параллели с уч-табынским племенем он-уйгуров, табынцами желтых уйгуров и с табынцами-башкирами, тем более, что еще в прошлом веке кесе-табынцев долины р. Белой называли уйгурами²³.

Таким образом, башкиры табынцы и унлары обнаруживают параллели в этнонимии с древними он-уйгурами.

В. В. Радлов он-уйгуров связывает с оногурами 4 века, которые вместе с сарагурами (сарыуйгурами) под влиянием гуннов проникли в Европу и создали свое государство в Приаралье²⁴.

М. И. Артамонов, вслед за К. Европеусом, указанные племена считает угорскими, истолковывая сарагуров как 'белые угры, а оногуров как 'великие угры'²⁵. Однако М. И. Артамонов, видимо, себе же противоречит, когда пишет, что «оногуры состояли, как показывает само название, из десяти племен (т. е. объясняет на основе лексики тюркских языков) и занимали степи Приаралья и Каспия²⁶.

Таким образом, включение в состав башкир унларов и табынцев древнеуйгурского элемента, с которым и связана своеобразная система согласных, а отсюда и сочетания сонантов и глухих смычных, восходит к более ранним этапам этногенеза тюрков.

Такие же сочетания имеются в языке древнеуйгурских памятников, в языке сарыг-югуров, прямых наследников древних уйгуров, а также в языках восточнохуннской ветви тюркских языков (в диалектах алтайского, шорском, хакасском, тувинском, якутском, языке сибирских татар), носители которых также включили в свой состав древнеуйгурский элемент²⁷. Древние уйгуры были частью телеской группы тюркских племен²⁸. Летописные источники сообщают о происхождении племен теле и называют их прямыми наследниками хуннов. «Предки теле были потомками хуннов», — сказано в Суйской династийной хронике. Расселены были теле на обширном пространстве от Большого Хингана на востоке до Каспийского моря на западе. По Суйской летописи, различные племена теле жили между Араль

ским и Каспийскими морями²⁹, т. е. по летописным данным, племена теле расселились далеко на западе, и вполне возможно, что он-уйгуры, которые назывались просто онлар/ондар, есть те самые оногуры с государством Оногория в 7 в. на Приаралье³⁰. О государстве Оногория потом, т. е. после 7 в., ничего не известно. Вероятно, оногуры вошли в состав более поздних государств и народов, в том числе и башкир, тем более, что сложение древнебашкирского этноса происходит в Приаральских степях где-то в 7—8 вв.³¹ Этноним теле в разных его вариантах сохранился, очевидно, в табынском этнониме тиләү, в топониме Төйәләс, который, кстати, входит в систему наиболее древней топонимии и имеет параллель в названии Телецкого (Төблөс) озера на Алтае. Сюда же, возможно, примыкают названия *Тиләү үзәге* (урочище), *Тилегәзе* (речка). Топонимы *Төйәләс*, *Тиләү үзәге*, *Тилегәзе* примыкают территориально к топониму Тубинский (Туба/Тоба), который, вероятно, с многочисленными названиями Туба, Тубаляс на Урале и в Западной и Южной Сибири связан с названием одного из поколений гаогюйце-теле «дубо/туба». Сам этноним табын (возможно, тубеялс и дуван), если отделить древний аффикс собирательной множественности -н и учесть фонетические соответствия тюркских языков, хорошо увязывается с самоназванием тувинцев-*тыва*, тофаларов — *тофа*, северных алтайцев — *туба-кижи* или *тубалары*, казахов-*тама*, рода качинцев — *туба**/*тума*, которые, вероятно, также восходят к древнему племенному названию-дубо, одного из племен теле.

Этническое происхождение древнего племени дубо связывается с южными самодийцами³². Однако, исходя из самодийских языков, данный этноним никак нельзя объяснить, тогда как в тюркских языках *tüpā//tūbā/ tub (a)*, наряду с другими, имеет значение «род, племенное объединение». Следует отметить, что и модель слова табын// дуван имеет аналогии в тюркской этнонимике: аргын, найман, куман. Имя древнетюркского хана Табо³³ (573—581 в. н.э.), вероятно, тоже говорит в пользу тюркского происхождения этнонима. Самодийские этнонимы *тэмя*, *тохэ*, *тавы* (с), вероятно, следует связывать с тюркским *туба* и объяснять включением в состав тех и других общего древнего этнического компонента. Что касается мнения историков, что предки тофаларов карагасы и хакасы-качинцы были еще в 18—19 в. самодоязычными, В. И. Рассадин, опираясь на высказывания Б. О. Долгих, объясняет это смешанностью карагасов-тофаларов, носителей разных языков. Язык самих карагасов был самодийским, остальных — тюркским³⁴.

Действительно, языки тюрков Южной Сибири, включающих этнический компонент *туба*, относятся к древним тюркским языкам, т. е. языкам «д/т»-группы. Но в то же время они все образуют самостоятельные тюркские языки, обнаруживающие сугубо свои параллели в языке древних тюркских памятников. Если бы племена с этнонимом *туба* были тюркизированы лишь

в 18—19 вв., то древние компоненты у них были бы одинаковые. Все это позволяет говорить о том, что эти языки существовали давно, т. е. со времен орхонских тюрков, а носители их уже тогда были тюркоязычными. Исходя из этого, можем предположить, что башкиры-табынцы являются потомками тюркоязычных дубо/тубо, одного из племен теле, и что специфические общие сочетания имеют единый источник — язык племен теле, от которого через уйгурский этнический компонент сочетания оказались в языке унларов, а через дубо/туба — в языке табынцев.

К особенностям языка теле, очевидно, восходят *лт*, *лт*, *нт*, *нк*, *мк*, *лк* языка кирей-кыпчаков, так как по обнаруженным аналогиям и параллелям связь предков кирей-кыпчаков с теле очевидна. Башкиры кирей-кыпчаки являются потомками тюрков-керейтов, которые еще в I в. н.э. обитали на северных склонах Саянских гор³⁵. До разгрома Чингис-ханом керейты имели свое государство и вместе с найманами занимали территорию Монголии. Когда Чингис-хан разбил их, часть керейтов ушла на запад вместе с найманами, и они вместе с кыпчакскими родами заняли Дешти-Кыпчак³⁶. Таким образом, появление этнонима кирей-кыпчак, очевидно, относится к более позднему времени.

Кирей-кыпчаки на современную территорию проникли вместе со своими соплеменниками — карагай-кыпчаками где-то в 14—15 вв., после распада Золотой Орды. Кирей-кыпчаки поселились по р. Зилим, затем ушли в горы. А род карагай отделился и занял горные долины³⁷.

Языковая особенность кирей-кыпчаков, очевидно, имеет древнее происхождение и связана с аналогичным явлением языка табынцев и катайцев. Если бы данное явление кирей-кыпчаки получили в результате контакта с табынцами и катаяцами, то оно не было бы характерно языку карагай-кыпчаков, который отделился от последнего лишь в 14—15 вв., уже на территории Башкирии. Однако диалектологи отмечают наличие несколько оглушенных $\overset{v}{Б}$, $\overset{v}{Д}$, $\overset{v}{Г}$, $\overset{v}{Ф}$ и в языке карагай-кыпчаков³⁸.

Следует добавить, что звонкие варианты консонантных сочетаний *лт*, *нт* коммуникативно гораздо выгоднее и удобнее. Поэтому вряд ли кирей-кыпчаки получили исследуемую особенность языка в результате контакта с табынцами и катаяцами. Скорее всего как карагай-, так и кирей-кыпчаки данную особенность языка имели задолго до появления на своей современной территории, до миграции вместе с кыпчаками на запад, ибо в языке других кыпчакских родов башкир она не зафиксирована.

Следует отметить, что сочетания «сонант + глухой смычный», а также иная система смычных согласных отмечается в восточной группе говоров казахского языка, основными носителями

которых являются потомки племени найман³⁹. Известно, что еще с середины 9 в. до появления Чингиз-хана тюрки-найманы расселялись на территории Монголии всегда смежно с кереями⁴⁰. Отмеченная территориальная близость могла быть причиной языковой схожести. Она иногда является следствием генетической близости, поэтому возможно, что какой-то общий этнический компонент был между кереями и найманами. Очевидно, этот компонент все тот же древний, относящийся к племенам теле. Об этом свидетельствуют, кроме названных выше башкирских параллелей, такие факты. Род кара-керей зафиксирован у казахов-найманов. В табынскую родо-племенную группу Младшего Жуза казахов входит род жаман-керей. Подрод керейлы входит в род телеу казахов Младшего Жуза, уран которых, как отмечают исследователи, Тулпар⁴¹. У башкир кирей-кыпчаков есть деревня Талпар (Толпар).

Этноним кирай также отмечен в составе туркмен-емудов⁴², язык которых также характеризуется, по данным тюркменских диалектологов, специфическими сочетаниями *лт*, *нт* ... в отдельных формах и словах⁴³. В отношении сочетаний туркменского языка следует добавить, что аномальные сочетания «сонант + глухой смычный» отмечены исследователями не только в йомудском, но и салорском диалекте туркменского языка, а также в языке саларов, носители которого по происхождению являются туркменами-салорами⁴⁴. При обращении к родословным туркмен, в связи с изложенным, можно обнаружить следующие факты. Во-первых, Йомуд является сыном Салора Калями.

(Гусейн-хан → Энкеш → Салор → Йомуд)⁴⁵ и т. д., т. е. вид на этническая взаимосвязь названных туркменских племен. Во-вторых, при сопоставлении этнонимии именно этих двух туркменских племен с башкирской, в частности с табынской, можно обнаружить такие параллели: в составе туркмен-салоров был крупный род *кесе*, который включал мелкие роды, в том числе *кырк-уйли*. Названия *кесе*, *кырк* являются составной частью западнотабынской этнонимии. Этноним *бадраг*, кроме башкир, отмечен опять же у туркмен-йомудов⁴⁶.

Таким образом, видны этнические параллели между башкирами — киреями, табынцами и туркменами-йомудами и салорами. Махмуд Кашгарский (XI в.) указывает древнейшую форму этого этнонима — салгур — среди огузских племенных названий. Элемент *-гур* отмечен в этнонимах онуйгур, сарыг-югур, кутургур, утигур, возможно, и башкорт/башгур. Если учесть соответствие *р ~ з*, то сюда примыкает и огуз.

Этнонимические параллели обнаружены в родо-племенном составе башкир и киргизов. Керейты отмечены в составе киргизов племени доолос⁴⁷, которые, по мнению С. М. Абрамзона, имеют «алтайское» происхождение⁴⁸.

Вероятно, телесский, древнетюркский компонент определяет специфику языка сибирских татар. А этногенетические и историко-культурные связи башкир, сибирских татар и тюрков Южной Сибири прослеживаются на всех уровнях⁴⁹.

Изложенное выше еще раз позволяет говорить о том, что телесский, древнетюркский компонент в составе башкир и рассмотренных нами тюркоязычных народов Сибири и определяет специфику их консонантной системы.

Несколько иначе выглядит происхождение аналогичного явления в языке башкир-кайтаев. Литература о происхождении кайтаев и их предков киданей обобщена Р. Г. Кузеевым⁵⁰. По его мнению, башкиры-кайтаев являются преемниками монголоязычных кара-китаев, сильно смешанных где-то в 12 в. с найманами⁵¹. Таким образом, тюркизация киданей связывается с более поздним временем, влиянием найманов, древних уйгуров. Тогда специфические особенности согласных кайтаев могли перенять из языка древних уйгуров или найманов. Тем более, как уже говорилось, регулярность сочетаний *лт*, *нт*, *мп*, *мк*, *нк* является особенностью языка древнеуйгурских памятников и языка казахов-найманов.

С другой стороны, можно допустить, что какая-то ветвь киданского языка была тюркской, ибо специалисты считают, что предками киданей явились жужани и тюркоязычные тобасцы (*t'ора*)⁵². По мнению А. Габен, Дж. Клосопа, язык племен *t'ора* является архаичным тюркским языком, предшественником древнетюркского языка, наряду с хуннским⁵³. Тогда специфические особенности древнетюркского и части киданского языков можно объяснить включением в состав их носителей одинакового этнического компонента, а именно, телеского. Поэтому не исключена возможность, что все современные тюркские языки Южной Сибири и Центральной Азии своеобразную систему консонант получили за счет включения именно телеского этнического компонента, так как все они являются наследниками или древнетюркского, или древнеуйгурского, или тюркской ветви киданского языков. Таким образом, исследуемое явление представляет собой реликт раннего, архаичного состояния тюркской фонетической системы. Первичный ареал, т.е. очаг зарождения явления, связан с территорией распространения древних тюркоязычных племен теле, так как именно Южная Сибирь и Центральная Азия являются зоной концентрации языков с аномальными сочетаниями, во-вторых, именно там локализованы памятники древних тюрков и уйгуров. Оттуда, т.е. из Центральной Азии и Южной Сибири, исследуемое явление могло распространиться в другие районы за счет древних миграций. В башкирский язык оно могло быть привнесено племенами, которые исторически или генетически тяготеют к Центральной Азии и Южной Сибири и включили в свой состав телесский этнический компонент.

Наиболее сложным является вопрос о времени проникновения носителей интересующего нас языкового явления на запад. По мнению Р. Г. Кузеева, табынская и катаяская родо-племенные группы в Башкирию проникли где-то в XIII в.⁵⁴. Однако башкирский топоним Йайык* в различных фонетических вариантах известен до 13 в.: у Птоломея (II в. н.э.) — Daiks, у византийского историка Менандра (VI в. н.э.) — Заих, у Ибн-Фадлана (X в.) — Джайк, у Рубрука (1254) — Daiks, в русских памятниках — Яик⁵⁵. Наличие различных фонетических вариантов названия Йайык объясняется соответствиями согласных.

Соответствие Т (д) ~ з (z) ~ s ~ j ~ z ~ ж — одна из характерных черт тюркских языков. Например, йыл ~ жыл ~ жыл ~ дыл ~ чыл ~ сыл; коток ~ кодок ~ козок ~ койо; диш//тиш//йыш.

Наличие вариантов названий можно объяснить двояко. В исторических источниках отразились особенности диалектов тюркских языков, носители которых в разные эпохи заселяли Урал. Возможно другое объяснение: исторически более поздние варианты на з, дж и й являются результатом развития древней формы на д/т. Каждый вариант отражает какой-то этап развития языка.

К группе д/т-языков относятся языки рунических, древнеуйгурских памятников, а также современные тувинский, якутский и тофаларский⁵⁶.

Если опираться на первое объяснение, то можно предположить, что топоним в форме Daiks был привнесен на Южный Урал племенами, родственными древним огузам и уйгурам, где-то до II в. н.э.

Поскольку во всех восточнотюркских языках отмечается слабая дифференциация или отсутствие дифференциации между глухими и звонкими согласными, можем предположить, что анлаутный согласный в топониме Daiks был *media lenis*, аналогичный начальным смычным среднего и караидельского говоров.

Фонетические особенности языка тюрков, создателей топонима Daiks, могут быть определены сугубо гипотетически. Если близки их анлаутные смычные со смычным среднего и караидельского говоров башкирского языка в аналогичной позиции, то, вероятно, можно говорить о близости всей системы смычных.

В этом случае в составе наиболее ранних тюркоязычных племен, заселивших Южный Урал, видимо, были предки носителей среднего и караидельского говоров, т. е. катаяцы и табынцы и, возможно, ассимилированные ими другие племена, восходящие к телесской группе племен. Исходя из этого, можем предположить, что время проникновения тюркских племен, предков носителей среднего и караидельского говоров башкирского языка, можно определить началом нашей эры.

* Примеры извлечены из кн.: *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974.

¹ *Миржанова С. Ф.* Язык северо-западных башкир, с. 183, 86. Рукопись находится в секторе языка ИИЯЛ БФАН СССР; *Максютова Н. Х.* Восточный диалект башкирского языка. М., 1976, с. 104; *Ишбулатов Н. Х.* Кизилский говор.— В кн.: Башкирская диалектология. Уфа, 1963, с. 23; *Миржанова С. Ф.* Южный диалект башкирского языка. М., 1979, с. 110; *она же.* Кубалаякский говор.— В кн.: Башкирская диалектология. Уфа, 1963, с. 133.

² *Гаджиева Н. З.* Принципы ареального описания языков.— В кн.: Принципы описания языков мира. М., 1976, с. 170—171.

³ *Баишев Т. Г.* Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. М., 1955, с. 33—34; *Хисамитдинова Ф. Г.* Консонантные сочетания башкирского языка типа «сонорный + глухой смычный» в историческом освещении. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: БГУ. Уфа, 1980.

⁴ *Тумашева Д. Г.* Диалекты сибирских татар. Казань, 1977, с. 63, 250; *Баскаков Н. А.* Диалект черневых татар (туба-кижи). М., 1966, с. 20; *Тенишев Э. Р.* Строй сарыг-югурского языка. М., 1976, с. 42; *он же.* Строй саларского языка. М., 1976, с. 91; *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951, с. 6; *Тенишев Э. Р.* Система согласных в языке древнейтюркских памятников уйгурского письма Турфана и Ганьсу.— ВДТЯ, т. 3. Баку, 1963, с. 132—133; *Хакимзянов Ф. С.* Язык эпитафий волжских булгар. М., 1978, с. 35, 46.

⁵ *Дыренкова Н. П.* Грамматика шорского языка. М.; Л., 1941; *она же.* Грамматика хакаского языка. Абакан, 1948; *Исхаков Ф. Г.* Тувинский язык. М.; Л., 1957; *Рассадин В. И.* Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Уде, 1971; *Бирюкович Р. М.* Звуковой строй чулымско-тюркского языка. М., 1979; *Канюкова А. С.* Некоторые фонетические и лексические особенности чувашских диалектов.— ВДТЯ. Баку, 1960 и т. д.

⁶ *Тенишев Э. Р.* Смычные согласные в языке тюркских рунических памятников.— Советская тюркология, 1973, № 2, с. 44.

⁷ *Севортян Э. В.* Материалы к сравнительной фонетике турецкого, азербайджанского и узбекского литературных языков.— В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1955, с. 28; *Пальмбах А. А., Исхаков Ф. Г.* Придыхательные и непридыхательные смычные согласные в тувинском языке.— В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 1. Фонетика. М., 1955, с. 254.

⁸ *Кунаа А. Ч.* Звуковая система современного тувинского языка. Кызыл, 1957, с. 24; *Рассадин В. И.* Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Уде, 1971, с. 20.

* Глубокозадняяязычный фарингальный гласный а, кроме среднего, отмечается в верхнебельском подговоре миасского и ик-сакмарском говорах. (См.: *Миржанова С. Ф.* Южный диалект башкирского языка. М., 1979, с. 29).

⁹ *Д рфер Г. К* вопросу о древнетюркском i— ~ уі.— В кн.: Проблемы современной тюркологии. Алма-Ата, 1980, с. 379—385.

¹⁰ *Азнагулов Р. Г.* Особенности консонантизма говора башкир Оренб. обл.— В кн.: Башкирский языковедческий сборник. Уфа, 1975, с. 14.

¹¹ *Баишев Т. Г.* Саратов һәм Куйбышев өлкәләрендәге йәшәүсе башкорттарҙың һөйләше буйынса кайһы бер материалдар.— В кн.: Вопросы башкирской филологии. М., 1959, с. 139.

¹² *Миржанова С. Ф.* Южный диалект башкирского языка, с. 120.

* По данным «Экономических примечаний к Генеральному межеванию Мензелинского уезда (ЦГАДА, ф. 1355, д. 1879), на данной территории было много катаякских и табынских деревень: Ст. Катаево, Катай, Ново-Катаево, Чумали-Катай, Верхний Табын и т. д. По данным шежере

западнотабьинских башкир, потомок родоначальника курпес-табынцев Курпеч-бия Тимершаих переселился в Казанское ханство, поэтому их потомки и сейчас живут в бассейне р. Ик (Р. Г. Кузеев. Происхождение башкирского народа, 1974, с. 271).

¹³ Баязитова Ф. С. Фонетические особенности говора татар Нижнего Прикамья. — В кн.: 11 научная конференция молодых ученых: Тезисы докладов. Казань, 1971, с. 11.

¹⁴ Максютова Н. Х. Восточный диалект башкирского языка. М., 1976, с. 223.

¹⁵ Там же, с. 104.

¹⁶ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974, с. 352.

¹⁷ Миржанова С. Ф. Язык северо-западных башкир, с. 328.

¹⁸ Кузеев Р. Г. Указ. раб., с. 349.

* Следует отметить в порядке постановки вопроса, что общие моменты в языке кирей-, карагай-кыпчаков, табынцев и катайцев не обязательно должны объясняться генетической общностью. Кирей- и карагай-кыпчаки занимают смежные территории с табынцами и катайцами, поэтому можно говорить и о взаимовлиянии их языков. Однако, как нами уже говорилось, в лингвотехническом плане сочетания типа «сонант глухой смычный» менее удобны, чем их звонкие варианты.

¹⁹ Кузеев Р. Г. Указ. раб., с. 254—257, 232, 348—350.

²⁰ Кузеев Р. Г. Указ. раб., с. 349; Радлов В. В. К вопросу об уйгурах. — Зап. импер. акад. наук, т. 72. СПб., 1893, с. 128; Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. М., 1969, с. 48.

²¹ Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. 1, кн. 1. Л., 1952, с. 146—147.

²² Радлов В. В. Указ. раб., с. 88.

²³ Киекбаев Дж. Г. Фонетика башкирского языка. Докт. дис. Уфа, 1955, с. 72.

²⁴ Радлов В. В. Указ. раб., с. 108.

²⁵ Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962, с. 66.

²⁶ Там же, с. 75—76.

²⁷ Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, с. 241.

²⁸ Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969, с. 151.

²⁹ Бичурин Н. Я. (Накиф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. 1. М.; Л., 1950, с. 12—13, 214.

³⁰ Радлов В. В. Указ. раб., с. 120.

³¹ Кузеев Р. Г. Указ. раб., с. 225.

* Интересно отметить, что Тубинская земля (этнический термин, отражавший распространенный в Саянском нагорье для лесных охотничьих племен этноним «туба») в 1616 г. русскими послами Василием Тюменцем и Иваном Петровым названа Табынской. (Известия Отд. Рус. яз. и словесности Акад. наук, 1913, т. 18, кн. 4, с. 272.)

³² Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969, с. 182.

³³ Сухбаттар Г. К вопросу о распространении буддизма среди ранних кочевников Монголии. — В кн.: Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978, с. 68.

³⁴ Рассадин В. И. Указ. раб., с. 96.

³⁵ Киекбаев Дж. Г. Указ. раб., с. 61.

³⁶ Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. СПб., 1897, с. 40.

³⁷ Кузеев Р. Г. Указ. раб., с. 185.

³⁸ Максютова Н. Х. Восточный диалект башкирского языка, с. 260—262.

³⁹ Болатов Ж. Восточная группа говоров казахского языка и ее отношение к литературному языку. — Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Алма-Ата, 1970, с. 42.

⁴⁰ Аристов Н. А. Указ. раб., с. 31.

⁴¹ *Востров В. В., Муқанов М. С.* Родоплеменной состав и расселение казахов. Алма-Ата, 1968, с. 96—98.

⁴² *Аристов Н. А.* Указ. раб., с. 140.

⁴³ *Шамуратов К.* Туркмен дилинин ёмут диалектинин гунбатар геп-лешиги. Дис. ...канд. филол. наук. Ашгабат, 1960, с. 50—51.

⁴⁴ *Тенишев Э. Р.* Строй саларского языка. М., 1976, с. 25—27.

⁴⁵ *Карпов Г.* Племенной и родовой состав туркмен. Асхабад, 1925, с. 4.

⁴⁶ *Кузеев Р. Г.* Указ. раб., с. 272.

⁴⁷ *Абрамзон С. М.* Этнический состав киргизского населения северной Киргизии.— ТКАЭЭ, т. 4. М., 1960, с. 85—86.

⁴⁸ *Абрамзон С. М.* Этнические связи киргизов с народами Алтая.— В кн.: 25 Международный конгресс востоковедов: Доклады делегации СССР. М., 1960, с. 3—4.

⁴⁹ *Томилов Н. А.* О некоторых этногенетических и историко-культурных связях барабинских татар.— В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973, с. 171—175; он же. Проблемы формирования тюркоязычного населения западно-сибирской равнины.— В кн.: Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1978—1979 гг.: Тезисы докладов. Уфа, 1980, с. 83—84.

⁵⁰ *Кузеев Р. Г.* Указ. раб., с. 222—234.

⁵¹ *Там же*, с. 224—226.

⁵² *Сухбаттар Г. К.* Указ. раб., с. 70.

⁵³ *Щербак А. М.* Работы Дж. Кюсона по алтаистике.— Народы Азии и Африки, 1963, № 3, с. 151; Gabain A. Von alttürkische Grammatik. 3. Auflage. Wiesbaden, 1974, S. 21—45. — Цитируется по кн.: *Кононов А. Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980, с. 32.

⁵⁴ *Кузеев Р. Г.* Указ. раб., с. 235, 279.

* Топонимы Ыйык, Ыйык, Эйек, Ык в различных фонетических вариантах встречаются почти на всех тюркоязычных ареалах: Ыйык, Ыйык-Аалы, Ыйык-Бажы, Ыйык-Кол, Ыйык-Таг на Алтае, Ыдык-Кем, Ыдык-Кол на Алтае и Туве, Ысык-Кол в Киргизии, Ыйык (Ик) река в Казахстане, Ик озеро и река в Западной Сибири и т. д. (*Молчанова О. Т.* Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979, с. 351—352; Словарь топонимов Башкирской АССР. Уфа, 1980, с. 173—174).

⁵⁵ Происхождение данного топонима, очевидно, связано с древнетюркским Ыдук 'священный' и восходит к древним верованиям тюрков. Священные горы, животные, реки в древнетюркских памятниках именовались Ыдук, у тувинцев — ыдык, качинцев — изых, у алтайцев — ыйык/ййык, якутов — ысыах, у киргизов — ыссык, (*Алексеев Н. А.* Общее в ранних формах религии якутов и тувинцев.— В кн.: Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978, с. 212—213).

⁵⁶ *Баскаков Н. А.* Указ. раб., с. 316, 318, 320, 324.

БАШКИРСКО-КИРГИЗСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ЭТНОНИМИКЕ ЭПОСА «МАНАС»

Этническая история башкирского и киргизского народов взаимосвязана. Идущая из глубин столетий эта взаимосвязь этнических судеб народов нашла довольно подробное освещение в работах по этногенезу, в первую очередь в трудах Р. Г. Кузеева и С. М. Абрамзона¹.

При исследовании этнической истории башкирского и киргизского народов использовались самые различные источники: письменные, археологические, этнографические и др. Ученые обращались и к эпическим произведениям, в частности, к эпосу «Манас». Так, С. М. Абрамзон привлекает материалы «Манаса» при сопоставлении имен героев эпоса с родо-племенными названиями у киргизов². Широко пользуется материалами этнического фольклора в своих исследованиях Р. Г. Кузеев.

Однако тюркский героический эпос еще недостаточно используется в качестве историко-этнографического источника. Далеко не полностью исчерпаны материалы тюркского эпоса, в том числе самого выдающегося — «Манас», отражающие этнические связи тюркских народов. В настоящей статье выявляются общие моменты в этнической истории киргизов и башкир на примере этнонимических параллелей из эпоса «Манас».

Знакомство с известными науке дореволюционными записями «Манаса» и его сводным изданием показало, что эпос содержит материал, в известной мере отражающий башкирско-киргизские этнические связи. В нем обнаружено около 15 этнонимов, совпадающих с башкирскими. К ним мы относим наименования: аргын, дөрбөн (дуван), кангы (канлы), кызыл-баш, кыргыз, кытай (катай), кыпчак, калмак, кара-кытай (кара-катай), найман, ногой, сарт, туркмен, уйшун, эштек (иштэк).

Аргын. В башкирской этнонимике встречается родовое подразделение *аргын*. Этот этноним имеется во всех ранних записях эпоса «Манас» (за исключением варианта В. В. Радлова), а также в сводном издании. Приведем следующий пример:

Алчын, уйшун, найман бар,	Есть алчыны, уйшуны, найманы,
Аргын, кара кожо бар,	Есть аргыны, кара-кожо,
Абактардын ичинде	Среди абаков
Айдаркан баатыр кошо бар ³ .	Есть и Айдаркан батыр.

На наш взгляд, этноним аргын, судя по вышеприведенному примеру, является казахским, так как перечисляется в одном ряду с другими названиями казахских племен алчын, уйшун, найман, абак. Здесь же упоминается кара-кожо. По мнению казахских этнографов, Кара-Кожа был родоначальником одноименного родового подразделения в составе племени аргын⁴. Однако не исключена возможность, что в эпосе речь идет о родовом подразделении *аргын* в южной Башкирии, члены которого считали «себя по происхождению казахами, оставшимися среди башкир в конце XVII в.»⁵. В любом случае здесь нам важно установить, что эпос называет аргынов родственным киргизам племенем.

Дөрбөн. В «Манасе» встречается в сводном издании. В прошлом в родо-племенной структуре киргизов родовое подразделение *дөрбөн* встречалось в структуре племени тынымсейит⁶. Этот этноним отмечен Рашид-ад-дином как монгольское племя во времена Чингис-хана и ранее. В комментарии к этнониму говорится, что в монгольском языке *дөрбөн* означает «четыре». В «Сокровенном сказании» (§ 11) повествуется, что поколение *дөрбөн* произошло от четырех сыновей Дува-сохора, старшего брата Добун-мэргена⁷.

Р. Г. Кузеев отмечает, что в XIII—XV вв. дурбаны «были разбросаны инерцией бесконечных походов и передвижений на различные земли и оказались в составе разных народов (киргизов, узбеков, туркмен, казахов, ногайцев, башкир, азербайджанцев, турок)»⁸. Подобного же мнения придерживался и С. М. Абрамзон; он также писал, что в киргизском эпосе «Манас» упоминаются племена монгольского происхождения: *дөрбөн*, нойгут и другие. По его мнению, «участие этих племен в составе киргизских войск могло быть следствием существования племенных союзов, включавших элементы различного этнического происхождения, но не исключены и временные военно-политические союзы, имевшие целью разрешение тех или иных политических и стратегических задач»⁹.

И действительно, в «Манасе» дурбаны (*дөрбөн*) призываются на помощь Манасу, когда тот хотел дать отпор Алооке-хану. Любопытно, что рядом с этнонимом *дөрбөн* в эпосе мы встречаемся с именем Тортай, восходящим к тюркскому корню *төрт*, т.е. «четыре». Приведем эти строки:

Дөрбөндөрдүн Тортайы
(Төп сүйлөгөнсөз жайы)¹⁰.

Тортай из дорбонов,
(У которого слова были правдивыми).

Мы уже отмечали, что этноним *дөрбөн* в переводе с монгольского означает четыре. Употребление в одном ряду этнонима и антропонима, образованных из числительных, каждое из которых означает в соответствующем языке одно и то же число «четыре», нам представляется не случайным.

Каңгы (канглы). Племя под таким названием имелось в прошлом как у киргизов, так и у башкир. Обстоятельный анализ природы этого этнонима и истории его носителей имеется у Р. Г. Кузеева; в определении этнической и языковой принадлежности древнего племени канглы, как видно из этого анализа, среди ученых имеются еще разногласия.

В эпосе этноним применен в форме *каңгы*. Такая форма этнонима представляет несомненный интерес в плане связи наименований канглы и кангюй. Предположение об идентичности канглинцев с древним кангюем было высказано В. В. Бартольдом, который писал, что «на юг от страны усуней находились искони оседлые владения Восточного Туркестана, на юго-запад — Фергана, на запад-владения кочевого народа Кангюй (может быть, тюркский народ канглы)»¹¹. С. М. Абрамзон приводит этот этноним в форме канды и относит его носителей к числу древних племен, вошедших в состав киргизской народности¹².

Эпос содержит косвенные указания о древней территории обитания канглинцев-кангюев и путях их миграции, созвучные с данными, содержащимися в башкирских преданиях. Согласно преданию, которое приводит Р. Г. Кузеев, канлы жили на р. Сындаш в верховьях р. Тобол¹³. В этой связи хотим указать и на следующие строки из «Манаса»:

Жаңыдан келген тууганы
Бай Жакыпты мааналап,
Бир жыл болду турганы.
Бир азыраак түтүнү
Каңгы деген калк эле,
Каңгылардын ичинде
Чегиш деген алп эле¹⁴.

Недавно прибывшие родичи,
Как приютились у бая Жакыпа,
Год уже прожили.
Немного их семей —
Народ под названием кангы.
Среди кангы
Был и богатырь Чегиш.

Из контекста видно, что кангы нашли приют у киргизов, в частности, у отца Манаса Жакыпа, который в то время жил на Алтае. Можно допустить, что и в башкирском шежере, и в киргизском эпосе речь идет об одной и той же этнической группе: ведь расстояние между верховьем р. Тобол и Алтаем относительно невелико. Это тем более вероятно, если учесть, что некоторые ученые локализуют кангюйцев (если это действительно были канглы) на среднем течении Сыр-Дарьи¹⁵. В таком случае можно полагать, что в состав башкир и киргизов вошли части канглинцев, связанные близким родством.

Кызыл-баш. В киргизской этнонимике такое название не встречалось, а в башкирской имелось родовое подразделение кызыл-баш в составе племени ай¹⁶. Однако упоминание об этом этнониме находим в эпосе «Манас». Так, по варианту, записанному В. В. Радловым, и в третьей части трилогии («Сейтек») кызыл-баш рисуются как враждующие с киргизами племени или просто перечисляются в числе соседних киргизам народов.

В киргизском эпосе этноним кызыл-баш встречается реже, чем в эпических памятниках других народов Средней Азии и Казахстана, в частности, в казахском эпосе «Кобланды-батыр». Исследователи этого памятника, исходя из этимологии слова (*кызыл* — «красный» и *баш* — «голова»), пишут, что это историческое название иранских воинов, носивших красные головные повязки. В эпосе тюркских народов слово имеет нарицательное значение: «иноверец», «враг»¹⁷.

И действительно, киргизский эпос вполне мог иметь в виду под кызыл-башами иранцев. Об этом говорит следующая строчка из радловского варианта «Манаса»: *Кызыл баш, ооган журтунан* — «Из страны кызыл-башей и ооган» (т.е. афганцев. — И. М.).¹⁸ В данном случае эпос географически правильно располагает иранцев рядом с афганцами. С меньшей долей вероятности можно допустить, что эпос засвидетельствовал существование в составе башкир какой-то группы (подразделения) под названием кызыл-баш.

Кытай и кара-кытай. Эти этнонимы очень часто встречаются в «Манасе». Они имеются и в башкирской и киргизской родоплеменной номенклатуре. Р. Г. Кузев считает, что «башкиры-катайцы этнически восходят к кара-китайам»¹⁹. Подобного же мнения придерживался С. М. Абрамзон, который акцентировал внимание на названии родовой группы кара-кытай в составе киргизского племени кытай²⁰. Общепринято, что кара-кытай пришли в Среднюю Азию и на другие территории из глубинных районов Центральной Азии. Далеко на востоке размещает страну кара-кытай — родину противника Манаса Жолоя и эпос:

Амурдун башын жайлаган,
Шакардай күчү кайнаган;
Кардуу тоонун төбөсү,
Кара-кытай төрөсү²¹.

В верховьях Амура обитал,
Злой и сильный был.
У вершины снежных гор
Находился глава кара-кытаев.

Этнонимы кытай и кара-кытай зафиксированы во всех дореволюционных записях эпоса «Манас». Исследователи отмечают наличие этнонима кара-кытай и в наиболее ранних записях эпизодов из эпоса «Манас», сохранившихся в прозаической передаче на таджикском языке в сочинении XVI в. «Маджму ат-Таварих» («Собрание историй»)²².

Примечательно, что в эпосе «Манас» и в других образцах эпического творчества киргизов один и тот же народ именуется в одних случаях кытаями, а в других — кара-кытаями. Как видно, эпос не видит различий между ними, и в этом можно усмотреть подтверждение мысли, что башкиры-катаи и киргизы-кытай этнически восходят к кара-кытаям. Этноним кара-кытай (кара-катай) зафиксирован только у киргизов и башкир, в то же время обращает внимание отмеченное Р. Г. Кузеевым поразительное сходство «ктайских» тамг у широкого круга тюрк-

ских народов: башкир, киргизов, узбеков, каракалпаков, ногайцев²³.

Иногда в киргизской фольклористике этноним кытай, отраженный в «Манасе» и в ряде других эпических произведений, понимается как население Китая. Однако приведенные примеры из эпоса опровергают подобное толкование, хотя в истории киргизского народа были столкновения и с Китаем.

Кыпчак. Наименование кыпчак, как известно, имелось в этнонимии башкир, узбеков, каракалпаков, казахов, киргизов, алтайцев, ногайцев, крымских татар и гагаузов. Роль кыпчаков в формировании многих тюркских народов исследована довольно подробно. Относительно киргизов С. М. Абрамзон пишет: «... как этническая среда, так и язык восточной, приалтайской ветви кыпчаков оказали определенное влияние на сложение киргизской народности, ее языка, фольклора, изобразительного искусства и других особенностей ее культуры»²⁴. В известной мере это нашло отражение и в эпосе: этноним «кыпчак» присутствует во всех текстах эпоса «Манас» и эпических поэмах «малой» формы («Эр-Тоштюк», «Курманбек», «Олджобай и Кишимжан» и др.). Любопытные сведения можно привести из рукописного варианта С. Орозбакова (самый полный из известных вариантов «Манаса»). Сподвижник Манаса Кошой после ряда приключений в одной из местностей Алтая, повстречавшись с какими-то путниками, рассказывает им свою генеалогию, которая выглядит следующим образом: Төрөн эр → Каракан → Азар → Алас кан → Байгур → Кыпчак → Эштек → Кыргыз²⁵.

Как видно из генеалогии, эпоним Кыпчак старше Кыргыза на два колена и, судя по контексту отрывка, родиной кыпчаков является Алтай. Р. Г. Кузеев пишет, что по крайней мере с конца VII в. кыпчаки были жителями Саяно-Алтайского нагорья или же пришельцами сюда из соседних областей²⁶. По его мнению, подразделение кара-кыпчак, которое имеется в составе башкир, синцзянских киргизов, крымских татар и казахов, так же древнего происхождения и имеет «далекие этногенетические связи с тюрко-монгольским этническим миром Алтае-Саянского нагорья и прилегающих областей»²⁷.

Таким образом, сведения, содержащиеся в «Манасе», в известной степени подкрепляют данные других источников.

Калмак. Сагг. Этноним калмак упоминается в эпосе постоянно как враждующий с киргизами народ, и казахские фольклористы рассматривают его как термин, соответствующий понятию «враг», «иноверец»²⁸. Упоминание в «Манасе» калмаков, несомненно, имеет реальную основу, так как Джунгарское нашествие коснулось в XVI—XVII вв. и территории Киргизии. Как известно, киргизы боролись за свою независимость и свободу и с другими врагами, но калмакское нашествие заслонило все предыдущие события. Поэтому калмаки в качестве враждебных сил фигурируют почти во всех произведениях героичес-

кого эпоса киргизского народа, и в этом смысле приведенная выше интерпретация слова калмак вполне правомерна. В более позднее время калмаки приняли участие в этнических процессах, протекавших как в Башкирии, так и в Киргизии. Такие этнические группы в составе башкир известны под названием калмак или сарт-калмак²⁹, а у киргизов зафиксированы подразделения калмак, сарт-калмак, калмак-кыргыз и другие³⁰.

Этноним «сарт» в радловском варианте эпоса «Манас» также дается как враждебный киргизам народ. Однако в этом же варианте есть строки, где самого Манаса называют сартом:

Манас сартты сайалык!
Бир өлтүрүү салалык³¹.

Разобьем сарта Манаса
И заодно покончим с ним.

А в поздних вариантах эпоса этноним упоминается и в форме кара сарт: Кашкарлык кара сарт болуп, — «Превратившись в кашгарского кара-сарта»³².

Таким образом, значение этнонима сарт в эпосе имеет разные оттенки. В то же время структурные подразделения под названием сарт, сартай, сарт-бала, сартек, сарт-калмак, сарттар встречались в прошлом в этническом составе киргизов³³. Широко представлены наименования с компонентом *sart* и в родо-племенной этнонимии башкирского народа: сарт, сарт-айле, сарт — калмак, сарт-табын, сартай, сарттар³⁴. И здесь исследователи отмечают схожесть названий и начертаний тамг³⁵.

Однако было бы не верно полагать, что в «Манасе» нашло отражение наличие в родо-племенной структуре киргизов подразделений сарт и калмак. Даже именуя сартом самого Манаса устами его противников, эпос исходит из той же позиции, что сарт-это явление чужое, враждебное для киргизов. Не говорит ли этот факт о том, что этнические группы с наименованием калмак и сарт влились в состав киргизов (и, видимо, также башкир) несколько позже, уже после формирования сюжетно-тематической структуры эпоса?

Найман. По эпосу «Манас» найманы являются дружественным киргизам народом и в сводном издании «Манаса» перечисляются в одном ряду с казахскими племенами:

Алчын, уйшун, найманды,
Абак-Тарак, Аргынды
Тоюма кел деп айтайын³⁶.

Алчынов, уйшунов, найманов
Абак-Тараков, аргынов
Приглашу я на свой той.

По варианту В. В. Радлова, найманы считаются многочисленным народом (калың найман, орчун найман)³⁷.

Этноним найман зафиксирован в составе киргизского народа³⁸. Согласно таблице, приводимой в книге Р. Г. Кузеева, родо-племенные группы найман входили в этнический состав башкир, киргизов, узбеков, казахов, ногайцев, крымских татар и

гагаузов, монголов³⁹. Л. П. Потапов зафиксировал название найман также в этнонимии алтайцев⁴⁰.

В эпосе «Манас» найманы выступают не как отдельные части различных народов, а как единая, особая этническая общность, находившаяся в тесном общении с киргизами и казахскими племенами. Вероятно, и в данном случае в «Манасе» нашли отражение довольно ранние периоды этнической истории тюркских народов.

Ногай. Этот этноним упоминается почти во всех вариантах «Манаса». Имя Ногай содержится в генеалогической легенде Манаса. Это можно проследить по таблицам, составленным Р. З. Кыдырбаевой по вариантам С. Каралаева, С. Орозбакова и записи В. В. Радлова⁴¹. В последнем варианте различаются *кара ногой* и *сары ногой*:

Кара ногой Жамгырчи
Сары ногой Эр Манас⁴²

(Жамгырчи из кара-ногаев
Эр-Манас из сары-ногаев).

Этнонимы *ак ногой* и *кара ногой* встречаются в эпизодах «Манаса», содержащихся в «Маджму ат-Таварих»⁴³, *ногой* и *сары ногой* — в записи Ч. Ч. Валиханова.

Основываясь на народных преданиях и легендах, Р. З. Кыдырбаева высказала предположение, что народная память сохранила воспоминания об истории передвижения древних киргизских племен с территории Енисея в Среднюю Азию и что эпические традиции донесли до нас имена предводителей того времени — Ногай и Шигаю. Впоследствии в текст эпоса, как и на народные предания, могли наслоиться новые события, связанные уже с личностью другого ногай, темника Берке-хана. Видимо, деяния этой незаурядной личности в последующем звене эволюции эпоса перекрыли предыдущий пласт, связанный с именем енисейского Ногай. Таким образом, эпос мог сплавить в своем сюжете два одновременных события в один сугубо эпический фон⁴⁴.

Группы под названием ногай зарегистрированы в составе киргизских племен кытай⁴⁵ и солто⁴⁶, среди конгратов среднего жуза и рода теле у младшего жуза у казахов⁴⁷. Ногаи были и в составе узбекских племен конграт, кесамир и дурмен⁴⁸. У башкир известны родо-племенные единицы ногай-бурзян, кызылногай, ногай-кыпчак, ногай-юрматы, ногайлар⁴⁹.

Данные эпоса «Манас» прямо или косвенно указывают на этническую общность ногаев у многих тюркских народов, в том числе на киргизско-башкирское родство через ногайский этнос. Истоки эпоса восходят к более раннему времени по сравнению с образованием Ногайской орды. Слово «ногай» имеет в эпосе двойное значение имени предка, основателя рода-племени (эпоним) и родо-племенного названия (этноним). И то и другое могли пройти длительную эволюцию, и «ногайский период», вклинив-

шись в генезис киргизского эпоса, сыграл в нем довольно активную роль⁵⁰. Ногайские мотивы отличаются многослойностью: наряду с древними сюжетами и образами встречаются более конкретные сведения об этническом составе и родо-племенной структуре тюркских народов более поздней эпохи (ак-ногай, кара-ногай, сары-ногай). Как известно, в ногайском языке, относящемся к кыпчакской группе тюркских языков, сохранились акногайский и караногайский диалекты, которым соответствуют этнографические группы ногайцев: ак-ногайцы и кара-ногайцы.

Эштек. В эпосе «Манас» *эштек* — наименование киргизского племени. Представителем (главой) эштеков выступает обычно Жамгырчы, который в радловском варианте назван кара-ногаем. Обратимся к эпосу:

Анын бери жагында
Текечи кан, Шыгай кан,
Эштектердин Жамгырчы,—
Уч кан эли катар бар.
Уругу кыргыз чын уулу,
Уч канга катар салам айт
Каадалап катуу кабар айт⁵¹.

Еще ближе к нам
Хан Текечи, хан Шыгай,
Жамгырчы из эштеков,—
Народ трех ханств рядом там.
Происходят они из киргизских
племен.
Всем трем ханам передай привет,
С почтением сообщи правдивую
весть.

В киргизских генеалогических преданиях имя Эштек фигурирует как отец основателя (родоначальника) племени солто. Вот как выглядит эта генеалогическая цепь: у Тагая было трое сыновей: Богорстон, Койлон, Кылжыр. От Богорстона происходит Эштек, от Эштека — Солто⁵².

История этнонима иштяк (эштек) исследована Р. Г. Кузеевым. Он относит его появление в Башкирии к XIII—XIV вв. По его мнению, этноним иштяк (или эштек) возник в раннем средневековье на Сыр-Дарье, в Приаралье и прилегающих степях, откуда в качестве родо-племенных названий или имен предков в генеалогиях пошел в башкирам, киргизам, каракалпакам и впоследствии к тобольским и барабинским татарам. Установив поразительное сходство солтинских (киргизы) и иштякских (башкиры) тамг, Р. Г. Кузеев пишет, что «эти факты свидетельствуют о несомненной связи в прошлом башкирских и киргизских этнонимов иштяк (эштек), ай, сарт и их носителей⁵³».

Об образе Жамгырчы, с именем которого в «Манасе» связаны эштеки, Б. М. Жирмунский писал, что он «хорошо известен в казахско-ногайском эпосе под именем Жангбыршы как мурза Ногайской орды, брат Муса-хана и внук Идиге»⁵⁴. И здесь могли быть поздние наслоения и переосмысления, и введение в научный оборот как можно больше вариантов эпоса «Манас» поможет раскрыть новые страницы истории эштеков.

Таким образом, мы рассмотрели общие для киргизов и башкир этнонимы, содержащиеся в эпосе «Манас». В действительности этнонимических параллелей в родо-племенной организации этих народов несколько больше, и в совокупности они отражают общие истоки этнической истории башкирского и киргизского народов. Материалы эпоса подтверждают эти связи. Кроме того, поскольку сюжетная структура эпоса «Манас» складывалась в протяжении длительного времени и в значительной части относится к более отдаленным временам, выявленные параллели в известной мере проливают свет на ранние периоды этногенеза и этнической истории киргизов и башкир. Особую важность, на наш взгляд, представляют сведения о пребывании ряда этнических компонентов этих народов в Южной Сибири, на Алтае и глубинных районах Центральной Азии.

Все это свидетельствует о значении киргизского эпоса «Манас» как источника для изучения этногенетических связей киргизов с тюркскими народами, в том числе и башкирским.

¹ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. М., 1974; Кузеев Р. Г. К этнической истории башкир в конце I—начале II тысячелетия н.э. (опыт сравнительно исторического анализа шежере, исторических преданий и легенд).— АЭБ, т. 3, Уфа, 1968 (табл. 1); Абрамзон С. М. Киргизы и их этнические и историко-культурные связи. Л., 1971.

² Абрамзон С. М. Киргизы ..., с. 364; *он же*. К семантике киргизских этнонимов.— Сов. этнография, 1946, № 3, с. 131—132.

³ Манас (на кирг. яз.), ч. 1, кн. 1. Фрунзе, 1958, с. 69. Здесь и далее примеры из киргизского эпоса даны в переводе автора.

⁴ Востров В. В., Муканов М. С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX—начало XX в.). Алма-Ата, 1968, с. 59.

⁵ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, с. 163—164.

⁶ Абрамзон С. М. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии.— Труды ТКАЭЭ, т. 4. М., 1960, рис. 3.

⁷ Козин С. А. Современное сказание. М.; Л., 1941, с. 80.

⁸ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, с. 216.

⁹ Абрамзон С. М. Киргизы..., с. 166.

¹⁰ Манас (на кирг. яз.), ч. 1, кн. 1, с. 136.

¹¹ Бартольд В. В. Очерки истории Семиречья.— Соч., т. 2, ч. 1. М., 1863, с. 26.

¹² Абрамзон С. М. Киргизы ..., с. 41; О племени канды еще см.: с. 27, 37, 38, 41—43, 147.

¹³ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, с. 358—359.

¹⁴ Манас, ч. 1, кн. 1, с. 59.

¹⁵ Например, см.: Ставиский В. Я. О серных границах Кушанского государства.— Вестник древней истории, 1961, № 4, с. 113.

¹⁶ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, с. 201, 454.

¹⁷ Кобланды батыр. Казахский героический эпос. М., 1975, с. 440.

¹⁸ Радлов В. В. Образцы народной литературы северных тюркских племен, ч. 5. Наречие дикокаменных киргизов. СПб., 1885, с. 6.

¹⁹ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, с. 225.

²⁰ Абрамзон С. М. Киргизы..., с. 48; *он же*. Этнический состав киргизского населения, рис. 19.

²¹ Манас (на кирг. яз.), ч. 1, кн. 2, с. 73.

²² См.: Ромодин В. А. Контакты киргизов с другими народами в свете ранних записей эпоса «Манас». — В кн.: Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР: Вторая Всесоюзная тюркологическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. Алма-Ата, 1976, с. 92; Мокеев А. Политическая и этническая история северо-восточной части Средней Азии в XVII — первой половине XVIII в. — Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1979, с. 22—23.

²³ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, с. 225.

²⁴ Абрамзон С. М. Киргизы ..., с. 47.

²⁵ Манас. Сказитель С. Орозбаков (на кирг. яз.), т. 2. — Рукописные фонды отд. обществ. наук АН КиргССР (далее: Рукописн. фонды), инв. № 572, с. 86—89.

²⁶ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, с. 168.

²⁷ Там же, с. 177, 178.

²⁸ Кобланды батыр. Казахский героический эпос, с. 439.

²⁹ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, с. 13; 81, 164, 286.

³⁰ См.: Абрамзон С. М. Этнический состав киргизского населения, с. 91—92; он же. Киргизы ..., с. 28; Бурдуков А. В. Каракольские калмыки «сарт-калмаки». — Сов. этнография, 1935, № 6, с. 47—48; Алымбаева Б. К. К вопросу о сближении народов Киргизии. — В кн.: Трудящиеся Киргизии в борьбе за строительство социализма и коммунизма. Фрунзе, 1966, с. 207—212.

³¹ Радлов В. В. Образцы народной литературы, ч. 5, с. 254.

³² Манас, ч. 1, кн. 1, с. 157.

³³ Абрамзон С. М. Этнический состав киргизского населения, с. 83, 90, рис. 3, 5, 15, 23; он же. Киргизы ..., с. 26, 28, 31 и др.

³⁴ См.: Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, с. 81, 164, 195 и др.

³⁵ Там же, с. 201, примеч. 7.

³⁶ Манас, ч. 1, кн. 1, с. 28.

³⁷ Радлов В. В. Образцы народной литературы, ч. 5, с. 20.

³⁸ Абрамзон С. М. Этнический состав киргизского населения, рис. 11.

³⁹ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, с. 466.

⁴⁰ Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969, с. 39.

⁴¹ Кыдырбаева Р. З. Генезис эпоса «Манас». Фрунзе, 1980, с. 160—162.

⁴² Радлов В. В. Образцы народной литературы, ч. 5, с. 7.

⁴³ Извлечение из «Маджму ат-таварих». Перевод, введение и комментарии В. А. Ромодина. — Рукописн. фонды, с. 38.

⁴⁴ Кыдырбаева Р. З. Указ. соч., с. 170—171.

⁴⁵ Абрамзон С. М. Этнический состав киргизского населения, с. 76—77.

⁴⁶ Сыдыков А. С. Родовое деление киргиз. — В кн.: В. В. Бартольд. Туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927, с. 89.

⁴⁷ Востров В. В., Муканов М. С. Родоплеменной состав и расселение казахов, с. 77, 107.

⁴⁸ Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным). М., 1976, с. 92, 103, 108.

⁴⁹ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, с. 162.

⁵⁰ Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос, 1974, с. 349—490.

⁵¹ Манас, ч. 1, кн. 2, с. 21, 68, 177.

⁵² Сыдыков О. История Киргизии (на кирг. яз.). Уфа, 1913, с. 31.

⁵³ Кузеев Р. Г. К этнической истории башкир, с. 242—245; он же. Происхождение башкирского народа, с. 205.

⁵⁴ Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос, с. 413—414.

БАШКИРСКО-КАЗАХСКИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ПО МАТЕРИАЛАМ БАШКИРСКИХ НАРОДНЫХ ЛЕГЕНД И ПРЕДАНИЙ

Фольклор, как и всякое искусство, восходит к действительности и отражает ее. Формы и содержание этого отражения различны в зависимости от эпохи и жанра. Они подчинены закономерностям фольклорной поэтики. Совершенно ясно, что сказка иначе отражает действительность, чем песня, а песня — иначе, чем загадка.

Предания ориентированы на воспроизведение реальных фактов прошлого. Установка на достоверность — характерное свойство этого жанра. Даже художественный вымысел, элементы поэтической условности передаются и воспринимаются в них как правдоподобие. Этот момент нельзя не учитывать при изучении исторических основ устной несказочной прозы.

В то же время следует сказать, что при правильном методологическом подходе народные предания и легенды могут служить чрезвычайно интересным дополнительным источником в изучении историко-этнографических проблем. Это обстоятельство, как известно, учитывалось еще дореволюционными исследователями. В трудах П. И. Рычкова, В. В. Радлова, Г. Н. Потапина, Ч. Валиханова, А. Харузина, А. Левшина, И. А. Аристова при описании жизни и быта казахов, а также родственных им народов встречаются очень частые ссылки на народные предания и легенды. Произведения фольклора являются объектом внимательного изучения и у советских ученых-этнографов. Например, большой положительный опыт в использовании фольклорного материала накоплен среднеазиатскими этнографами Т. А. Жданко, Л. С. Толстовой, С. М. Абрамзоном, В. В. Востровым, С. Г. Агаджановым, М. С. Мукановым и другими. Особый интерес в плане нашей темы представляют исследования башкирского этнографа Р. Г. Кузеева, который на обширном материале этнонимии, родословных-шежере, легенд, преданий и других источников выявил этногенетические связи башкир с народами Средней Азии и Казахстана¹.

Башкирское устнопоэтическое народное творчество в целом, особенно легенды и предания, сохранили следы разносторонних связей с другими народами, в том числе с родственным народом, народом-соседом — казахами. Чрезвычайно интересными

представляются при этом отражение в них этнических контактов. Намечаются ранние исторические пласты, и весьма отчетливо вырисовываются поздние. Истоки древнейших этноисторических связей, очевидно, возможно установить лишь на общетюркском материале, в частности, по мотивам родовых преданий и легенд. В этом плане обращают на себя внимание сюжеты о предке-прародителе и предке-покровителе. Краткое содержание одной из легенд, в которых фигурирует мотив чудесного рождения предка тюркских племен, целесообразно напомнить, ибо отзвуки этого сюжета по сей день слышны в фольклоре тюркских, монгольских народов, в том числе башкир и казахов. Легенда, зафиксированная восточными летописями еще в VI в., повествует о происхождении тюрков-туго от волчицы и десятилетнего мальчика, преданного гибели. Волчица вскормила его своим молоком и впоследствии имела от него потомство. Десять сыновей родоначальника от волчицы похитили жен соседних родов, произвели на свет сыновей и дочерей и стали так многочисленны, как песок в море ².

С этой древнейшей легендой отчетливо перекликается предание усургэнских башкир, где волчица выступает как прародительница рода *буре* (бүреләр токомо) племени усургэн ³.

Мотив брачного союза юноши и волчицы наличествует и в казахском фольклоре, в частности, в сказочном эпосе. Например, сказка «Жигит и волчица» ⁴ имеет идентичные мотивы с упомянутой выше башкирской легендой «Бүреләр токомо». Однако в казахской сказке этногенетический мотив не подчеркнут: события здесь развертываются согласно законам сказочной поэтики и об этнологическом мотиве остается только догадываться. Эта догадка представляется вполне правомерной, если учесть генеалогические легенды и предания казахов, где предком-прародителем выступает мифическое животное или птица. Достаточно вспомнить легенду о «Колча-Кадыре и белой гусыне», а также предания тарбагатайских и алтайских казахов, которые своим предком считают кабана. Это представление закреплено и изречением: «Қаза нын ақасы чушко» ⁵.

В репертуаре башкирских народных преданий широко бытуют сюжеты о мифическом волке — тотеме-путеводителе и покровителе. Этот мотив, истоки которого также восходят к мифологии древних тюрков и монголов, в башкирских исторических повествованиях настолько определенно выражен, что отразился в самом этнониме народа.

Легенда о волке-предводителе загусана в многочисленных вариантах, но особый интерес для нашей темы представляет версия, записанная Петром Назаровым в конце прошлого столетия. В отличие от других вариантов, в которых содержатся сведения о приходе предков башкир на Урал «откуда-то с юга» или же «со стороны Алтая», в варианте Назарова есть прямое упоминание на контакты башкир с казахами.

«В незапамятные времена,— гласит легенда,— какой-то казахский хан победил всех башкир и отвел их к себе в рабство. Вскоре он взял одну башкирку себе к жены, но детей от нее не имел; а так как иметь их у него было заветное желание, то он перебрал у башкир до четырех жен, и наконец, пятая, к великой радости мужа, забеременела. Тогда хан объявил башкирскому народу, что если родится сын, то он возвратит ему полную свободу; если же родится дочь, то никакой милости не будет. Бог сжалился над башкирами,— повествует далее легенда,— и дал хану сразу двойни. Башкиры были помилованы и отпущены восвояси. Отошедши верст 10, башкиры заплутались и потеряли дорогу на родину ...⁶ Далее следует традиционный рассказ о нахождении родины с помощью чудесного предводителя — то ли волка, то ли собаки. Первая часть легенды, очевидно, менее древняя, чем традиционная ее часть, и она, как видно из материалов, варьируется. Р. Г. Кузеев в одной из своих работ приводит аналогичный сюжет, в начале которого есть упоминание о туркменском хане, поработившем башкир⁷.

Разумеется, вымысленность, условность подобных сюжетов весьма явственна. Однако в этих повествованиях, облеченных в легендарные формы, нельзя не услышать и отдаленные отзвуки этноисторических связей башкир с народами Средней Азии и Казахстана. Как известно, пребывание некоторых башкирских племен (например, бурзян) в Среднеазиатском регионе (VIII в.) подтверждается и историческими источниками. По мнению историков, для отдельных башкирских племен Средняя Азия, Приаралье были областью временного обитания на большом пути их миграции⁸.

Следы средневековых этнокультурных связей башкир с огузско-кыпчакским этническим массивом сохранены в предании «Башкорттар кайзан килгән?» («Откуда пришли башкиры?»), записанном в юго-восточной Башкирии. Этот сюжет по существу примыкает к группе легенд о предке-путеводителе и покровителе. Разница в том, что предводителем башкир здесь выступает не мифическое животное, а легендарный Коркуд-Ата. Небезынтересным является тот факт, что по сюжету башкирское предание близко к некоторым казахским вариантам сказаний о Коркуд-Ата (имеются в виду варианты, записанные И. Джембысбаевым, В. Вельяминовым-Зерновым⁹).

Примеров о наличии сходных и даже адекватных мотивов в историческом фольклоре казахов и башкир можно было бы привести очень много. Однако здесь мы имеем возможность упомянуть лишь о некоторых преданиях этногенетического порядка, в которых весьма определенно вырисовываются следы общих традиций башкир с казахами. Это прежде всего предания, стремящиеся доказать знатное или даже «божественное», необычное происхождение отдельных башкирских родов. Наиболее характерным в этом отношении является сказание тангаурских баш-

кир, связывающих свою родословную с именем ханской дочери, зачатой от солнечных лучей. Согласно легенде, хан со своей дочерью-красавицей жил в некоем городе Макине у Аральского моря¹⁰. Аналогичный сюжет многократно варьируется в цикле казахских легенд, связанных с именами Чингис-хана и Майкы-бия¹¹. Как видно из этнографической литературы, казахи Старшего жуза производят себя от древнего монгольского народа уйсун, родоначальником своим считают Майкы-бия, современника Чингис-хана¹². Майкы-бий стоит у истоков родо-племенных генеалогий башкирских табынцев¹³, имя его фигурирует в преданиях, мотивы которых схожи с казахскими сказаниями¹⁴. Нужно полагать, что такие близкие параллели, аналогии в историческом фольклоре двух народов не случайны, они, видимо, возникли в результате теснейших взаимосвязей, этнокультурных контактов башкир с казахами.

До сих пор говорилось о тех источниках, которые дают косвенные сведения о башкирско-казахских этноисторических связях. В составе башкирских народных преданий имеются сюжеты, указывающие на прямые родственные связи некоторых родовых подразделений с казахами. Таково, например, родословное предание жителей д. Ишмухамет (второе название «Хынташ») Федоровского района БАССР. Старики рассказывают, что в их деревне, наряду с юрматинцами, имеется родовое подразделение чурбаи (чурбайзар нәселе), которые, когда-то отделившись от казахов, обосновались на этих землях, сильно смешались с башкирами. Вот как повествует об этом предание: «Сами мы — потомки казахов — чурбаи. Наши предки отделились от казахов и обосновались на Уклы-Карагае — Стрельчатой сосне. А потом перебрались на это место. Общаясь с башкирами, изменился наш язык, и сами мы стали башкирами»¹⁵.

Имеются предания бурзянских байулинцев о родстве с казахами¹⁶.

По преданию, родовое подразделение Мамбет племени усергэн этнически восходит к казахскому племени аргын. Несмотря на кажущуюся условность сюжета (он построен на традиционном мотиве пленения детей), основа его, очевидно, реалистична. О Мамбете-родоначальнике, казахе по происхождению, рассказывают не только предания, но и шежере¹⁷.

На родственные связи отдельных башкирских родовых подразделений с казахами указывают также предания «Куват», «Ара казахов» («Казактар араһы») ¹⁸. Примечательным является и наличие казахских преданий об этнических контактах казахов с башкирами. Например, П. Небольсиным в середине прошлого столетия зафиксировано казахское предание, согласно которому башкирцы Ете-ырыу — потомки нескольких семей киргизов (казахов. — Ф. Н.) кыпчакского рода, с весьма давних времен перешедших из Сибири через Урал и вступивших в родственные связи с башкирцами¹⁹.

Небезынтересны казахские народные предания, повествующие об этнических связях казахов с ногайцами. По этим преданиям, от ногайцев получили свое начало не только казахи, но и башкиры, каракалпаки²⁰. Бросается в глаза некоторая категоричность и односторонность подобных преданий, но, если учесть исторические факты, нельзя не заметить и реалистические черты в их основе. О наличии ногайского элемента в этносе башкирского, казахского, каракалпакского народов имеется обширная литература.

Кроме общих моментов в этнической истории, башкиры и казахи на протяжении ряда столетий имели хозяйственные, культурные и политические связи, которые, по свидетельству исторических источников, были весьма сложными. Это явление нашло свое отражение и в историческом фольклоре.

Прежде всего обращают на себя внимание сюжеты, отражающие дружественные контакты между двумя народами: участие казахов в башкирских празднествах (и наоборот), состязание сэсэнов и акынов, брачные отношения. Об этом башкирское предание под названием «Аман» повествует, например, следующим образом: «... Казахи с башкирами жили в мире и согласии. Башкирские сэсэны и казахские акыны постоянно состязались на совместных байга. Два этих народа выдавали друг за друга своих девушек, сватали сыновей ...»²¹ Кроме строк констатирующего характера, есть сюжеты, построенные на описании самих празднеств, в которых состязались в силе башкирские и казахские батыры, в острословии — акыны и сэсэны, устраивались скачки и т. д. («Кинзябай», один из вариантов преданий о батыре Биеше²², сказание-предание «Байык-Айдар-сэсэн»)²³.

Во времена смут, волнений, избегая преследований царских властей, карателей, некоторые участники, руководители мятежей находили пристанище на земле родственного народа, соседа. Достаточно вспомнить предводителя башкирского восстания 1740 г. Карасакала, нашего предшественника в казахских степях, а затем — на Черном Иртыше, у найманского батыра Кабанбая. Обо всем этом рассказывают не только письменные источники, но и башкирские народные предания. Особенно интересно в этом плане предание «Карасакал», записанное Г. Б. Хусаиновым²⁴. По преданию, руководитель казахского бунта Аман Абазбаев, после поражения «подался к башкирам. Башкиры приняли его радушно, угощали чем могли» («Аман»).

Но предания сохранили не только светлые стороны во взаимоотношениях двух народов, но и темные: взаимные феодальные набеги, порождавшие недружелюбные настроения, нашли довольно широкое распространение в устной традиции юго-восточных башкир. По свидетельству преданий, феодальные набеги-барымта, совершаемые с целью обогащения, были изнурительными и являлись источником многих бед, несчастий для на-

селения. Народные рассказы осуждают кровопролитие, взаимную вражду, пропагандируют гуманистические идеи. Особенно значительны сюжеты, проникнутые патриотическими мотивами. Башкирский батыр Баяс, например, победив казахского батыра Аластайму в горячем поединке, и как бы оправдывая свой выход на поле брани, говорит: «Эй, Аластайма, оберегать скот — одна забота, оберегать страну — тысяча. Большие сюда не приходи!» («Баяс батыр») ²⁵.

Глубокой идейной насыщенностью отличается волнующее предание, связанное с именем Еренсэ-сэсэн и его мудрой жены Бэндэбики. Стремление к мирной жизни, гуманистические идеалы народа выражены здесь предельно четко. Как много смысла вложено, например, в слова Бэндэбики, обращенные к Еренсэ-сэсэну, задумавшему «ради интереса сходить к казахам с барымтой»:

«Ты на своей земле обрел имя батыра. Но батыру мало смелости, нужна еще и мудрость. «Защитник страны — в сердцах людей, зачинщик войны — худший злодей», — говорили в старину ... Захват чужой страны не входит в наши обычаи. Не позорьте себя и имя нашего рода. Говорят: «Губителя бог не взлюбит. Одумайтесь, пока не поздно» ²⁶.

Трагическая развязка событий еще более усиливает идейный накал произведения. Потрясенный вестью о смерти жены, не выдержав позора поражения, Еренсэ-сэсэн «поднялся на вершину горы Кэншат ... и вместе с конем прыгнул с крутой скалы» ²⁷.

В репертуаре башкирских преданий встречаются сюжеты, изображающие крайне обостренные взаимоотношения между двумя народами. Несмотря на некоторую пристрастность в описании событий, действий своих батыров, на возможное смещение фактов (в пределах фольклорной эстетики), народные предания освещают историческую правду. Трагические страницы в жизни двух родственных народов в действительности были, и особенно ярко наметились они в XVIII в., когда подстрекательская политика царского правительства достигла своей наивысшей точки ²⁸.

На наш взгляд, даже такой краткий обзор фольклорного материала свидетельствует о наличии длительных и непосредственных контактов между двумя народами. Хронологические рамки их весьма широки, речь идет не только о средневековом периоде, но и значительно раннем.

В пользу высказанного выше положения говорят также данные материальной культуры, топонимии, антропонимии и этнонимии. Близость культуры южных башкир и казахов, например, неоднократно отмечал С. Руденко ²⁹. Историко-этнографические исследования последних лет показали наличие общих черт в быту казахов и северных (северо-западных и северо-восточных) башкир ³⁰.

Очевидно, нельзя считать случайным и наличие таких названий, как «Казак каскан ере» (место, где казахи убежали), «Казагорошкан тау» (гора, где сражались казахи), «Казактар тауы» (казахская гора), «Казаккол ауылы» (деревня Казаккулово) и других в топонимике Башкирии.

Очень важным доказательством башкирско-казахских этнокультурных связей является широкое распространение этнического названия казах в родо-племенной системе башкир³¹.

¹ Кузеев Р. Г. Очерки исторической этнографии башкир, ч. 1. Уфа, 1957; он же. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. М., 1974.

² Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. 1. М., 1950, с. 220.

³ Башкирское народное творчество. Предания и легенды (на башк. яз.). Составитель, автор вступительной статьи и комментариев Ф. Надршина. Уфа, 1980, с. 82.

⁴ Казахские народные сказки. Составление В. М. Сидельникова. Алма-Ата, 1952, с. 42—49.

⁵ Толстов С. П. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен.— Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935, № 9—10, с. 20.

⁶ Назаров П. С. К этнографии башкир.— Этнографическое обозрение, 1890, № 1.

⁷ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, с. 131.

⁸ Там же, с. 132—133; Жданко Т. А. О близости некоторых исторических традиций у каракалпаков и башкир.— АЭБ, т. 4, 1971, с. 162.

⁹ Об этих вариантах см. в кн.: Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Л., 1974, с. 549.

¹⁰ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, с. 129.

¹¹ Потанин Г. Н. Казак-киргизские материалы и алтайские предания, легенды и сказки.— Живая старина, 1916, вып. 2—3, с. 47—49.

¹² Валиханов Ч. Ч. Собр. соч., т. 1. Алма-Ата, 1961, с. 107.

¹³ Башкирские шежере. Составление, перевод текстов, введение и комментарии Р. Г. Кузеева. Уфа, 1960, с. 155, 163, 164.

¹⁴ Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 12, ед. хр. 261 (Материалы В. Кулумбетова).

¹⁵ Башкирское народное творчество. Предания и легенды, с. 130—131.

¹⁶ Кузеев Р. Г. Указ. соч., с. 162.

¹⁷ Аралбаев К. А. Фольклорные мотивы в шежере Мамбетова рода.— В кн.: Фольклористика в Советской Башкирии. Уфа, 1974, с. 134.

¹⁸ Башкирское народное творчество. Предания и легенды, с. 85—87.

¹⁹ Небольсин В. О башкирах.— Вестник РГО, отделение этнографии, кн. 4, 1852.

²⁰ Чулошников А. П. Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен, ч. 1.— Труды общества изучения киргизского края, вып. 5. Оренбург, 1924, с. 106.

²¹ Башкирское народное творчество. Предания и легенды, с. 234.

²² Там же, с. 246—249, 316.

²³ Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 12, д. 445, л. 177—192.

²⁴ Башкирское народное творчество. Предания и легенды, с. 373.

²⁵ Там же, с. 167.

²⁶ Там же, с. 164.

²⁷ Там же, с. 165.

²⁸ См.: «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 1. Уфа, 1956, с. 200—202.

²⁹ Руденко С. Башкиры, ч. 2. Л., 1925.

³⁰ Шитова С. Н. Этнокультурные связи башкир по данным материальной культуры и декоративно-прикладного искусства.— АЭБ, т. 4. Уфа, 1971, с. 174—177.

³¹ См. подробно: Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, с. 109, 111—112, 116 и т. д.

КРАНИОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БАШКИР В СОПОСТАВЛЕНИИ С ФИННО-УГОРСКИМИ И ТЮРКСКИМИ НАРОДАМИ

Сложность этнической истории башкир в совокупности с особенностями территории их расселения на стыке тюркского и финноугорского массивов нашло отражение в территориальных различиях хозяйства и быта, многих сторон материальной культуры, что позволило этнографам провести историко-этнографическое районирование территории и выделить этнографические группы башкир¹.

Антропологические исследования, начавшиеся еще в XIX в., указывали на неоднородность и смешанный характер физического типа башкир². Впоследствии вопрос о физическом типе башкир был основательно изучен С. И. Руденко, который на огромном материале и высоко по тому времени научном уровне описал и выделил локальные антропологические варианты среди башкир. Одну из главных причин различий между территориальными группами башкир он видел в их связях с окружающими народами³. Результаты антропометрического изучения башкир, проведенного М. С. Акимовой, не только подтвердили, но и значительно расширили эти выводы. В ее работах была дана типологическая характеристика территориальных групп и сделан вывод о большем морфологическом сходстве башкир с народами Волго-Камья⁴. Кроме того, наличие краниологической серии по северным башкирам благодаря возможности её прямого сопоставления с палеоантропологическими материалами, а также сравнению с краниологическими данными и результатами соматологических исследований позволили М. С. Акимовой реконструировать основные этапы расогенеза северных башкир, проследившие, по ее мнению, на общей с северо-западными соседями Поволжья и Прикамья антропологической основе⁵.

Отсутствие такого «моста» между соматологическими и палеоантропологическими материалами⁶ ограничивало возможности рассмотрения истории формирования физического типа башкир в других территориальных группах.

О необходимости сбора поздних краниологических материалов указывалось в специальных работах по антропологии башкир⁷, а также прозвучало в докладах и рекомендациях научной сессии по этногенезу башкирского народа⁸.

Этот пробел был значительно восполнен в 1977—1978 гг. экспедициями по сбору краниологических материалов башкир XVIII—XX вв., организованными Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР и Институтом истории, языка и литературы БФАН СССР.

Материал. Полевой сезон 1977 г. экспедиция работала на юге Башкирии, в Мелеузовском районе у д. Иштуганово (рис. 1). Полученный краниологический материал объемом в 103 черепа характеризует юго-восточную этнографическую группу башкир, а район раскопок в прошлом входил в территорию расселения племен бурзян и кыпчак⁹.

Рис. 1. Локализация пунктов, откуда получены краниологические материалы.

1 — Иштуганово, 2 — Абдрашитово, 3 — Старо-Халилово, 4 — Ахуново, 5 — Гадельшино, 6 — Наурузово, 7 — Мавлюкотово (материалы М. С. Акимовой).

Летом 1978 г. раскопки производились на северо-востоке республики: Дуванском (д. Абдрашитово, Старо-Халилово) и Салаватском (д. Ахуново) районах, а также на востоке, в Зауралье, на территории Учалинского района (д. Наурузово и Гадельшино). Башкиры этих районов входят в северо-восточную этнографическую группу, основу которой в прошлом составляли ай-

линские, табынские и катаяйские племена¹⁰. В течение сезона получен материал объемом 304 черепа обоого пола.

В общей сложности за два полевых сезона накоплен материал объемом в 407 черепов, из которых в работу вошли 167 мужских и 148 женских черепов. Остальные черепа оказались детскими. Более подробные сведения о материале представлены в табл. 1.

В работе использованы опубликованные М. С. Акимовой результаты исследования краниологической серии из Мавлютовского могильника в Кушнарениковском районе¹¹. Материалы эти характеризуют северо-западную группу башкир, в которую входили племена киргиз, канлы, елан и др.¹²

Смешанный характер популяции башкир делает необходимым включение в рабочую программу признаков высокой таксономической ценности, разделяющих монголоидные и европеоидные группы¹³. Взяты следующие признаки: угол выступания носа к линии профиля, углы горизонтальной и вертикальной профилировки лицевого скелета. Кроме того, включены данные по ширине, высоте носа и орбит, признаки строения переносья, широтные и высотные размеры лицевого и мозгового отделов черепа.

Общая характеристика башкир. Суммарные средневзвешенные данные, объединяющие все мужские краниологические серии, включая и материалы М. С. Акимовой по северным башкирам, показывают, что морфологически башкиры характеризуются средним продольным и большим поперечным диаметрами черепа, по указателю брахикранны. Высота черепов средняя от основания и несколько большая от порионов. Ширина лобной кости средняя, но по отношению к поперечнику черепа большая.

Для лицевого скелета характерна большая его ширина и довольно большая высота. Орбиты средневысокие. Лицо средней профилированности на обоих уровнях горизонтальной плоскости и несколько уплощено в вертикальной плоскости. Клыковые ямки средней глубины.

Нос при его достаточно большой высоте умеренно выступает над линией профиля (табл. 2).

Суммарные показатели отражают довольно равномерное распределение краниометрических величин среди башкир, за исключением некоторых признаков. В целом, учитывая ошибки средних по группам, суммарная серия не обнаруживает резких отклонений от большинства групп. Анализ признаков позволяет охарактеризовать башкир как смешанную популяцию, в которой соотношение монголоидных и европеоидных особенностей идет в сторону преобладания последних. Средние квадратические отклонения большинства признаков незначительно превышают стандартные,¹⁴ что исключает наличие в суммарной серии резко противоположных краниологических комплексов.

Межгрупповой анализ. Межгрупповая вариация основных краниометрических параметров черепной коробки и лицевого скелета показывает, что южные башкиры относительно других групп наиболее гиперморфны (табл. 3). У них наибольший продольный диаметр черепа, что в конечном итоге по указателям дает преобладание в этой группе мезокранных форм. Они высокоголовы, с самым широким и высоким лицом и в то же время с наиболее выступающими к линии профиля носовыми костями. (Здесь и далее категории минимум и максимум подразумеваются в масштабе башкирских групп).

Северные башкиры, по данным М. С. Акимовой отличаются малыми размерами черепной коробки и соответственно низким ее сводом среди остальных групп. Обращает внимание низколицесть, низкая высота орбит и носа этой группы башкир.

Северные и южные башкиры в целом европеоидные. Но при этом следует подчеркнуть, что они обладают различными комплексами краниометрических признаков, что позволяет отнести их к различным вариантам большого европеоидного ствола: северных башкир к низколицему типу с умеренно выступающими носовыми костями, а южных — к гиперморфному высоколицему с сильно выступающими носовыми костями.

Северо-восточные башкиры по основным краниометрическим показателям неоднородны. Если краниологическая серия из Абдрашитово (табл. 4) обнаруживает сходство с южными башкирами, то серия черепов из Старо-Халилово (табл. 5) тяготеет в какой-то степени по некоторым признакам к северным, но у них мал угол выпячивания носа.

Серия черепов из Ахуново (табл. 6) выделяется наибольшей среди башкир уплощенностью лицевого скелета и наименее выступающими носовыми костями. По этим признакам она сближается с серией черепов из Старо-Халилово и Гадельшино (табл. 7). Для этих серий характерна наибольшая среди башкир сглаженность европеоидных особенностей и проявление некоторых монголоидных черт.

Следует указать, что по линейным размерам мозгового отдела черепа, строению переносья серии черепов из Старо-Халилово и Абдрашитово близки между собой.

В целом исследуемые серии башкир позволяют выделить среди них несколько различных краниологических комплексов. Хорошо вырисовываются два европеоидных комплекса, имеющие, видимо, различное происхождение. Первый из них хорошо представлен в краниологической серии из Мавлютово, частично прослеживается на черепах из Старо-Халилово. Второй европеоидный комплекс фиксируется в краниологической серии южных башкир и близкой к ней в морфологическом отношении краниологической серии из Абдрашитово.

Серии черепов из Ахуново (северо-восточная группа) и Гадельшино (Зауралье) характеризуются иным комплексом при-

знаков и указывают на большую роль в формировании физического типа этих групп башкир населения с монголоидными особенностями.

Женские серии черепов при сравнении выглядят более однородными. Территориальные различия менее выражены, но следует отметить, что женская серия башкир из Иштуганово несколько выделяется более широким, высоким лицом, большей высотой переносья и большим углом выступания носа, сближаясь с серией женских черепов из Ахуново. В целом межгрупповая вариация признаков мала, что сближает женские серии башкир.

Это подтверждается и результатами статистического анализа. Проведенный дисперсионный анализ 24-х признаков показал статистически достоверное превышение межгрупповой изменчивости над внутригрупповой между мужскими группами в 15 случаях, а между женскими — только в 6 (табл. 8). Мужские серии черепов на высоком уровне значимости отличаются по линейным размерам лицевого скелета, углу профиля лба, высоте орбит и носа. Отличия по величине назомаллярного угла и углу выступания носа также достоверны, но менее существенны.

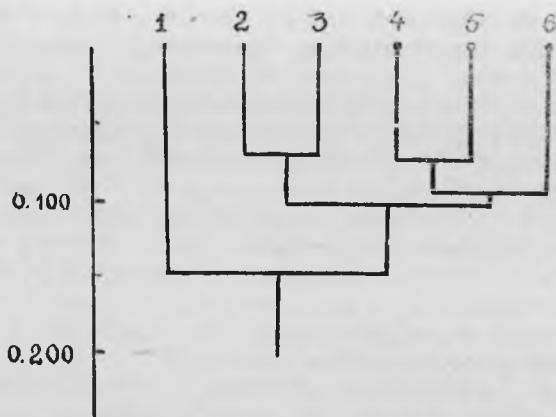
В женских выборках доля межгрупповой изменчивости в общей не столь значительна, что может служить указанием на большую гомогенность женской выборки башкир по сравнению с мужской.

Для получения представления о степени сходства исследуемых серий башкир рассмотрим коэффициенты суммарных отличий, полученные по модифицированной А. Г. Козинцевым формуле Пенроуза-Кнуссмана¹⁵. Как мужские, так и женские серии были попарно сопоставлены по 21 признаку (№ по Мартину: 1, 8, 17, 9, 5, 40, 45, 48, 51, 52, 55, 54, SS, SC, DS, DC, \perp 77, \perp zm, 72, 32, 75₍₁₎). Матрица коэффициентов суммарных отличий отражает близость мужских и женских краниологических серий. При вариации коэффициентов (C_R^2) от 0.061 до 0.261 мужские выборки башкир в среднем удалены друг от друга на величину 0.160, а женские — на величину еще меньшую — 0.125 при вариации коэффициентов суммарных отличий от 0.072 до 0.182 (табл. 10, 11).

Дендрограммы, построенные на основе матриц (C_R^2) методом взвешенной парной группировки¹⁶, показывают, что исследуемые серии мужчин и женщин объединяются в пространстве на высоком таксономическом уровне.

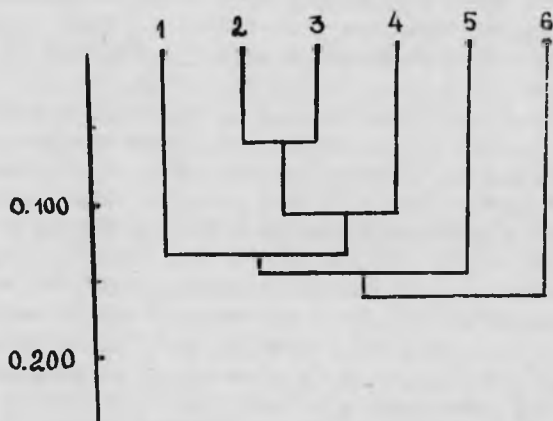
Среди женских серий выделились две пары с наиболее высокими связями, равными 0.07. Это серии: Иштуганово-Абдрашитово и Старо-Халилово-Гадельшино. К ним присоединились серии черепов из Мавлютово и Ахуново (рис. 2).

Мужские серии образовали одну пару Абдрашитово — Старо-Халилово, к ней последовательно присоединились серии черепов из Гадельшино, Иштуганово, Ахуново и Мавлютово (рис. 3).

Р и с. 2. Взаимоположение женских краниологических серий башкир по величинам C_R^2 .

1 — Ахуново, 2 — Старо-Халилово, 3 — Гадельшино, 4 — Иштуганово 5 — Абдрашитово, 6 — Мавлютово.

Р и с. 3. Взаимоположение мужских краниологических серий башкир по величинам C_R^2 .

1 — Иштуганово, 2 — Абдрашитово, 3 — Старо-Халилово, 4 — Гадельшино, 5 — Ахуново, 6 — Мавлютово.

Резюмируя вышеизложенное, можно привести следующие выводы.

Межгрупповая вариация признаков краниологических серий башкир позволяет выделить три краниологических комплекса, различающихся как по степени монголоидности, так и по своим европеоидным особенностям. Это подтверждает результаты исследований последних лет о том, что в основе формирования ан-

тропологического типа башкир лежат процессы смешения европеоидных и монголоидных популяций¹⁷.

Наличие монголоидной примеси во всех исследуемых сериях указывает на значительную роль пришлого населения в формировании физического типа башкир, внесшего не только монголоидные признаки¹⁸, но и нивелировавшего различия между территориальными группами башкир. Видимо, в этом сказались также результаты генетического обмена между территориальными группами башкир. Низкие коэффициенты суммарных отличий дополняют это и говорят об относительной близости всех краниологических серий башкир и в какой-то степени о гомогенности башкир на популяционном уровне. Это может служить указанием на начавшуюся антропологическую консолидацию башкир, отстающую в своих темпах от этнической консолидации, завершившейся еще во второй половине XVI в., что вполне согласуется с общими представлениями о различиях в темпах развития культуры, этнических и антропологических процессов¹⁹.

Гомогенность башкир в целом, как популяции, не вступает в противоречие с морфологически выделяемой их дифференциацией на уровне территориальных групп, которая четче проявляется при дисперсионном анализе по отдельным признакам. Такое несоответствие может быть объяснимо прежде всего неравномерностью процессов метисации на территории с пришлыми группами, а также, что не менее существенно, тем, что смешение происходило на различных европеоидных основах, которые территориально различались вплоть до середины I тыс. н.э. На севере преобладал местный финноугорский пласт, черты которого хорошо прослеживаются в физическом типе современных народов Поволжья, проявляются в составе северных башкир²⁰. На юге был распространен ираноязычный компонент с иным комплексом признаков, близким кругу южных европеоидных форм²¹.

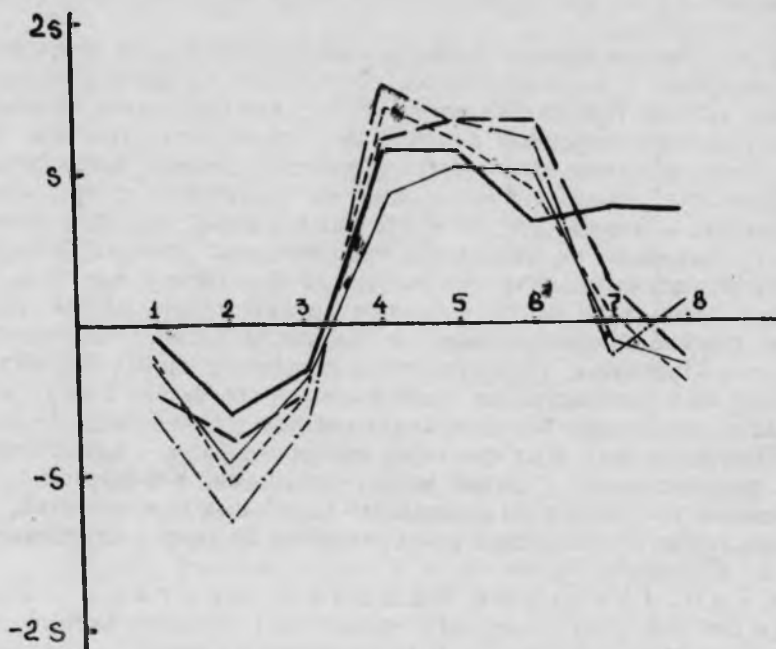
Сочетание всех этих факторов способствовало, с одной стороны, выравниванию отличий между группами, а с другой, — сохранению по некоторым признакам локальных особенностей, которые лучше проявляются при сравнении башкир с окружающими их народами.

Сопоставление башкир с другими популяциями. Для сравнений привлечены опубликованные краниологические данные: по финноязычным народам — краниологические серии северных и южных удмуртов, горных и луговых мари²², по тюркоязычным народам Поволжья — материалы по татарам и чувашам,²³ угры представлены краниологической серией манси,²⁴ тюркоязычные народы Средней Азии, Казахстана и Южной Сибири — краниологическими сериями казахов,²⁵ киргизов,²⁶ хакасов²⁷ и шорцев.

Сопоставление башкир с народами Урало-Азиатского региона начато с рассмотрения суммарной краниологической се-

рии башкир, характеризующей популяцию в целом. Причем если учитывать, что отдельные выборки, составляющие суммарную серию, представлены комплексом признаков, исключающим наличие резко противоположных в масштабе больших рас краниологических типов, то суммарные данные, вероятнее всего, отражают реальную картину распределения основных признаков, определяющих физический тип башкир. Опыт изучения современных монголоидов Сибири показывает, что в совокупности, дифференцированной на субпопуляции, наибольшей устойчивостью во времени обладают не средние значения отдельных составляющих, а средние значения по сумме составляющих²⁸.

Наглядное представление о соотношении краниометрических показателей между башкирами и другими народами дает графическое изложение некоторых признаков сравниваемых мужских серий. Чтобы не уплотнять график и облегчить восприятие, фин-

Р и с. 4. Стандартизованные различия средних величин мужской краниологической серии башкир (суммарно), финно- и тюрксызычных народов Поволжья и Прикамья.

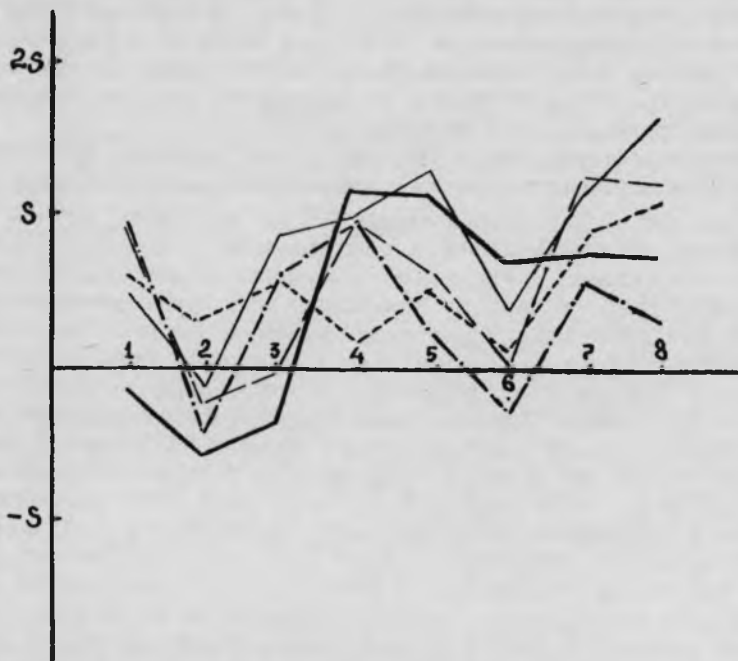
В основе мужская краниологическая серия манси.

— башкиры, - - - мари, — — — чувашы, — — — удмурты, — — — татары.
 1 — назомаллярный угол, 2 — зигомаксиллярный угол, 3 — общий лицевой угол, 4 — угол выступания носа, 5 — симотическая высота, 6 — дакриальная высота, 7 — верхняя высота лица, 8 — скуловая ширина.

ноязычные и тюркоязычные представители рассмотрены отдельно. Все серии рассматриваются на фоне краниометрических данных манси.

Отличия между башкирами и финноязычными народами Поволжья идут в основном в направлении значительного превышения всех размеров черепа, а также широтных и высотных размеров лицевого скелета у башкир, т. е. выявляется их значительная гиперморфность (рис. 4.).

При этом нельзя не заметить, что по степени профилированности лицевого скелета как в горизонтальной плоскости, особенно на уровне точки називон, так и в вертикальной плоскости, а также по высоте переносья и углу выступания носа различия не столь значительны и заключаются в пределах одной сигмы. Следует отметить однонаправленный характер вариации большинства признаков за исключением широтных и высотных размеров лицевого скелета.

Р и с. 5. Стандартизованные различия средних величин мужской краниологической серии башкир (суммарно), тюркоязычных народов Алтая, казахов и киргизов.

В основе мужская краниологическая серия манси.

— башкиры, — казахи, - - - киргизы, — хакасы, — шорцы.
 1 — назомалярный угол, 2 — зигомаксиллярный угол, 3 — общий лицевой угол, 4 — угол выступания носа, 5 — симотическая высота, 6 — дакрияльная высота, 7 — верхняя высота лица, 8 — скуловая ширина.

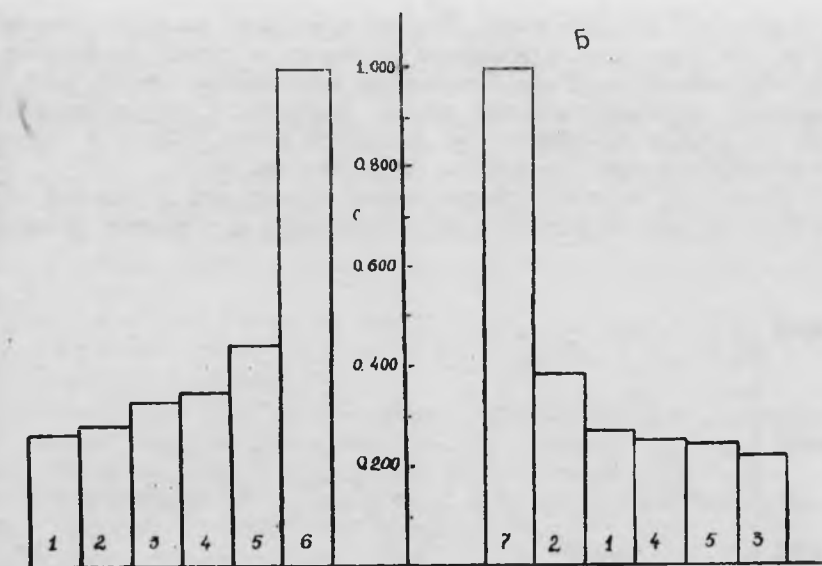
Соотношение суммарной серии башкир с тюркоязычными народами несколько иное (рис. 5). Лицевой скелет у башкир более профилирован в горизонтальной плоскости, у них больший угол выступания носа. Но высотные и широтные размеры лицевого скелета у тюркоязычных народов значительно выше, чем в суммарной серии башкир. Следует отметить, что лишь шорцы дают обратные соотношения признаков с башкирами, уступая последним по основным размерам черепной коробки и лицевого скелета, тем самым приближаясь к вариации этих признаков у финно-угров. Таким образом, суммарная серия башкир по основным показателям укладывается между краниологическими материалами Поволжья, Сибири, одной стороны, и Средней Азии и Алтая — с другой, обнаруживая некоторое морфологическое сходство по угловым размерам с финно-уграми, а по линейным — с тюркоязычными народами.

Анализ коэффициентов суммарных отличий, вычисленных отдельно по мужским и женским группам (способ вычисления, количество признаков приводились выше), дает общее представление о степени удаленности популяции башкир от соседних народов. Кроме того, выявляются различия между мужскими и женскими группами башкир в их суммарных расстояниях относительно сравнительного материала (табл. 9).

Хорошо прослеживается тенденция роста величин суммарных отличий мужской краниологической серии башкир от тюркоязычных народов Алтая (усредненные C_R^2) с шорцами, качинцами, сагайцами) по направлению к европеоидным популяциям Поволжья и Прикамья. Женская объединенная серия башкир обнаруживает обратную картину по отношению к сравниваемым группам. У них происходит сдвиг коэффициентов отличий в сторону их уменьшения при сопоставлении с финно- и тюркоязычными группами Поволжья и Прикамья и в то же время увеличение отличий с народами Средней Азии, Алтая и Казахстана (рис. 6).

Суммарные отличия объединенных мужских и женских серий башкир от других народов, видимо, могут свидетельствовать, с одной стороны, о большей подвижности мужского населения в регионе и значительной стабильности женского, а с другой — об активности расогенетических процессов и незавершенности процессов метисации. Кроме того, это указывает на существенную роль мужских тюркоязычных групп впроцессе формирования антропологического типа башкир. Развитие физического облика женских групп шло большей частью в одном направлении и, видимо, на общей основе с народами Поволжья и Приуралья.

Для получения более четкой картины антропологической структуры башкир на фоне соседних народов рассмотрим их взаимоотношения на уровне отдельных территориальных групп. При этом выясним, по возможности, какова доля каждой из исследуемых территориальных групп в общей картине суммарных различий башкир с финноугорскими и тюркоязычными народами.

Р и с. 6. Показатели суммарных различий (C_R^2) финноязычных, угорских и тюркоязычных народов от женских (А) и мужских (Б) групп башкир. 1 — тюркоязычные народы Поволжья (татары, чуваш), 2 — финноязычные народы Поволжья и Прикамья (удмурты, мари), 3 — тюркоязычные народы Алтая (хакасы, шорцы), 4 — угры Западной Сибири (манси), 5 — казахи и киргизы, 6 — женская выборка башкир, 7 — мужская выборка башкир.

Сопоставление территориальных групп башкир соседями. Рассмотрим результаты попарного сопоставления мужских краниологических серий башкир с тюркоязычными и финноязычными народами Поволжья и с уграми Западной Сибири (табл. 10).

Уже поверхностный просмотр коэффициентов суммарных различий позволяет выявить неравномерность их распределения между краниологическими сериями башкир и финноязычных народов Поволжья. При этом хорошо выявляются территориальные группы башкир по степени их удаленности от поволжских народов и угров Западной Сибири.

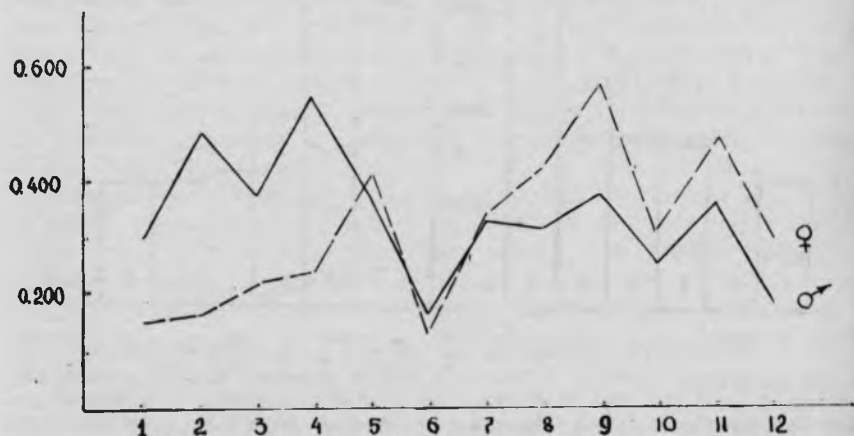
В свою очередь, из среды финноязычных народов Поволжья выделяются краниологические серии южных удмуртов и луговых мари, которые дают наибольшие коэффициенты суммарных различий почти со всеми исследуемыми группами башкир.

Наиболее далеко отстоят от финнов Поволжья южные башкиры (Иштуганово), восточные (Гадельшино) и группа северо-восточных башкир из Ахуново.

У северных башкир и части северо-восточных групп выявляется более выраженное морфологическое сходство с некоторыми

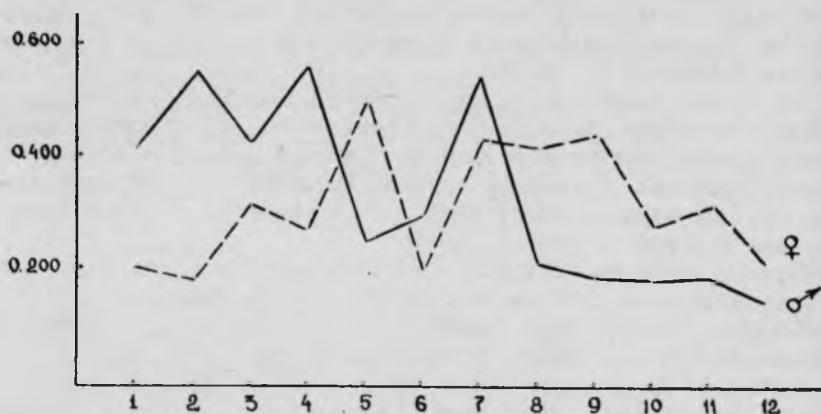
финноязычными народами. При этом обращают на себя внимание северные башкиры, суммарные различия которых от финнов и тюркоязычных народов Поволжья наименьшие среди всех остальных краниологических серий башкир. Следует также отметить малые коэффициенты различий с чувашами у северо-восточной группы башкир из Абдрашитово (0.17).

Довольно низкие коэффициенты суммарных различий краниологической серии из Старо-Халилово с сериями северных

Р и с. 7. Степень удаленности (по C_R^2) мужской (♂) и женской (♀) краниологических серий башкир из Абдрашитово от других народов.

1 — северные удмурты, 2 — южные удмурты, 3 — горные мари, 4 — луговые мари, 5 — манси, 6 — чувашаи, 7 — татары, 8 — казахи, 9 — киргизы, 10 — сагайцы, 11 — качинцы, 12 — шорцы.

Р и с. 8. Степень удаленности (по C_R^2) мужской (♂) и женской (♀) краниологических серий башкир из Ахуново от других народов.

Обозначения те же, что на рис. 7.

удмуртов (0.21) и горных мари (0.30), но в то же время эта группа башкир обнаруживает некоторое сходство с более монголоидным вариантом уральской расы — краниологической серией манси (0.31).

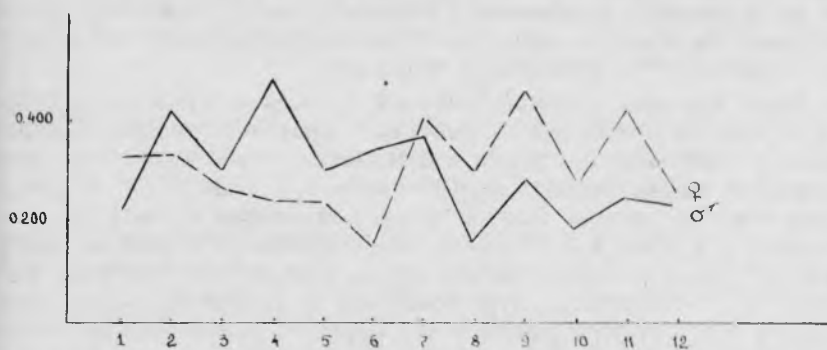
Коэффициенты суммарных различий отдельных краниологических серий башкир с уграми Западной Сибири, варьируя от 0.26 до 0.38, не исключают наличие угорского компонента в составе башкир, вероятнее всего, в северо-восточных группах (Ахуново — 0.26) и в Зауралье (Гадельшино — 0.26). Эти же серии, как мы помним, были наиболее удалены от финноязычных народов Поволжья.

Иную картину получаем при анализе коэффициентов различий мужских групп башкир с тюркоязычными народами Алтая, казахами и киргизами.

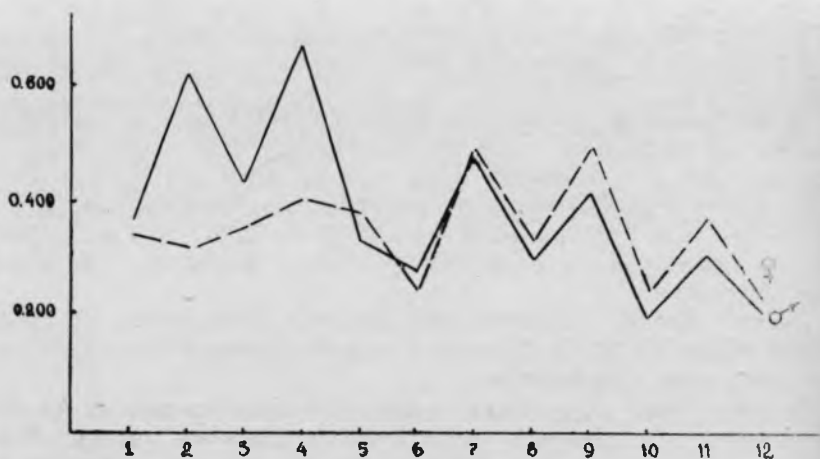
В этом плане выделяется северо-восточная группа из Ахуново, которая оказывается среди башкир наименее удаленной от этих народов. Размах коэффициентов различий колеблется от 0.15 с шорцами до 0.21 с казахами. С киргизами, группами хакасов коэффициент отличий в пределах 0.19.

Башкиры обнаруживают значительную близость с отдельными группами Алтая, исключение составляют краниологические серии из Мавлютово и Гадельшино, с большим коэффициентом различий. Малые коэффициенты различий обнаруживаются между серией черепов из Старо-Халилово и казахами (0.16), в этих же пределах заключаются отличия этой группы башкир с киргизами (0.19).

Южные башкиры, более отличаясь от казахов и киргизов, дают малые коэффициенты различий с наиболее отдаленными группами Алтая — сагайцами (0.19) и шорцами (0.20). Примерно такая же степень различий с шорцами серии черепов из Аб-

Р и с. 9. Степень удаленности (по C_R^2) мужской (♂) и женской (♀) краниологических серий башкир из Старо-Халилово от других народов. Обозначения те же, что на рис. 7.

Р и с. 10. Степень удаленности (по C_R^2) мужской (♂) и женской (♀) краниологических серий из Иштуганово от других народов. Обозначения те же, что на рис. 7.

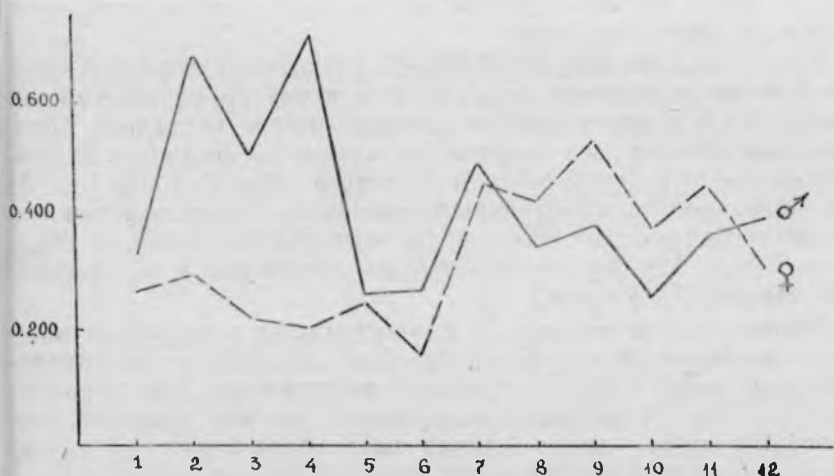
драшитово (0.19), эта серия черепов башкир дает в то же время наименьший показатель различий среди всех сравниваемых популяций с чувашами (0.17).

Краниологические материалы зауральских башкир из Гадельшино дают больший коэффициент различий с сагайцами (0.26), с остальными тюркоязычными группами, за исключением чувашей (0.28), суммарные расстояния значительные.

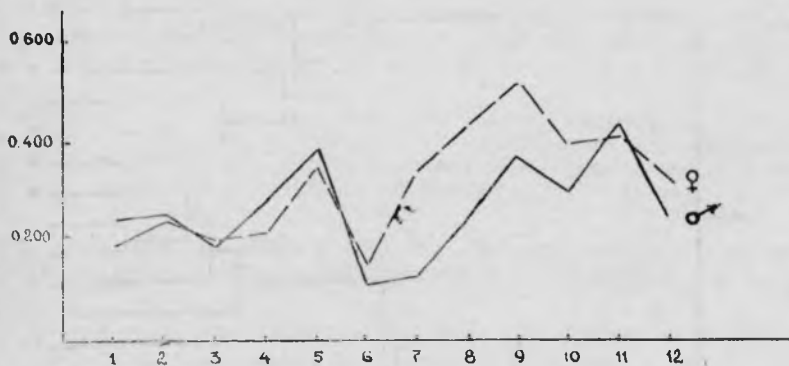
Отличия северных башкир от народов Поволжья значительно меньше, чем от народов Средней Азии и Саяно-Алтая.

Таким образом, большинство мужских краниологических серий башкир обнаруживают большее морфологическое сходство по комплексу признаков с тюркоязычными народами, расселенными на востоке, при этом более закономерными оказываются коэффициенты различий с шорцами.

Иная картина взаимоотношений с соседями выявляется при рассмотрении отдельных женских краниологических серий башкир. Наиболее близкими к ним оказываются чуваша — представители тюркоязычных народов не юга, а Поволжья. Все женские группы башкир дают с ними показатели суммарных расстояний в пределах 0.11—0.16, за исключением серии из Иштуганово, удаленной от женской серии чувашей на величину 0.24 (табл. 11). Коэффициенты различий с татарами значительно больше и в среднем равны 0.41. Серия черепов из Мавлютово дает равные коэффициенты различий с северными удмуртами (0.19), горными мари (0.19), несколько выше различия с южными удмуртами (0.23) и луговыми мари (0.21). Северо-восточные

Р и с. 11. Степень удаленности (по C_R^2) мужской (♂) и женской (♀) краниологических серий башкир из Гадельшино от других народов. Обозначения те же, что на рис. 7.

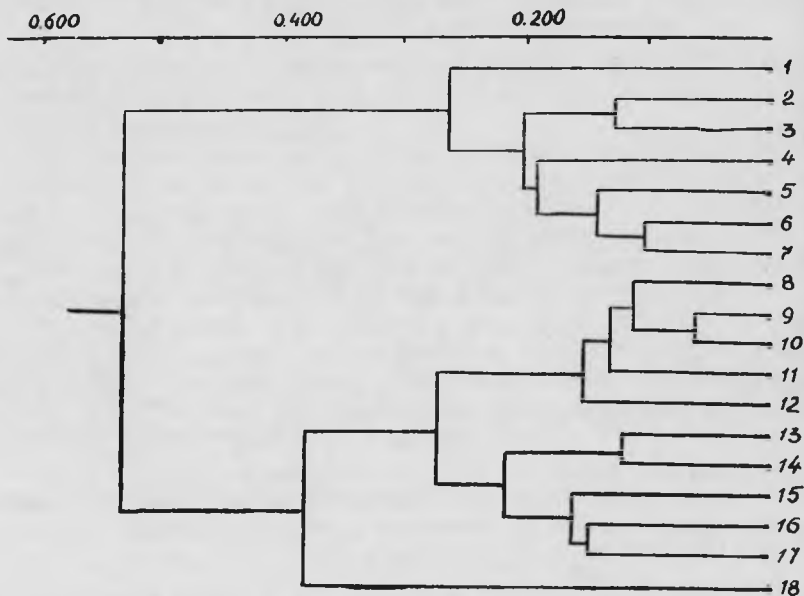
Р и с. 12. Степень удаленности (по C_R^2) мужской (♂) и женской (♀) краниологических серий башкир из Мавлютово от других народов. Обозначения те же, что на рис. 7.

женские группы башкир из Абдрашитово и Ахуново обнаруживают близость с северными и южными удмуртами. Серии черепов из Гадельшино и Старо-Халилово относительно близки к женским группам луговых и горных мари. В то же время только эти женские серии черепов северо-восточной и зауральской групп дают среди башкир наименьшие коэффициенты различий с уграми (табл. 11). Нельзя не отметить, что на фоне большего сходства женской выборки башкир с народами Поволжья, они

в то же время примерно равноудалены, хотя и вдвое дальше, от алтайской группы шорцев.

Таким образом, четко выявляется разнонаправленный характер суммарных отличий мужских и женских групп башкир по отношению к сопоставляемым народам. Более наглядное представление об этом дает графическое изложение результатов суммарных сопоставлений башкир и соседей (рис. 7, 8, 9, 10, 11, 12). Можно видеть, что наибольшее расхождение между женскими и мужскими группами башкир, за исключением серии из Мавлютово (рис. 12), прослеживается по отношению к финноязычным народам Поволжья.

Взаимосвязь и положение в пространстве мужских и женских краниологических серий башкир относительно сравниваемых популяций хорошо отражают построенные дендрограммы (рис. 13, 14). По дендрограммам видно, что как мужские, так и женские серии черепов башкир выделяются близостью между собой, в силу чего они образуют самостоятельные ветви. Лишь

Р и с. 13. Дендрограмма, иллюстрирующая взаимоположение мужских территориальных групп башкир среди некоторых финно-угорских и тюркских народов (основа — матрица коэффициентов отличий C_R^2 табл. 10). 1 — луговые мари, 2 — северные удмурты, 3 — Южные удмурты, 4 — горные мари, 5 — татары, 6 — чувашаи, 7 — Мавлютово, 8 — Гадельшино, 9 — Старо-Халилово, 10 — Абдрашитово, 11 — Иштуганово, 12 — Ахуново, 13 — казахи, 14 — киргизы, 15 — сагайцы, 16 — качинцы, 17 — шорцы, 18 — манси.

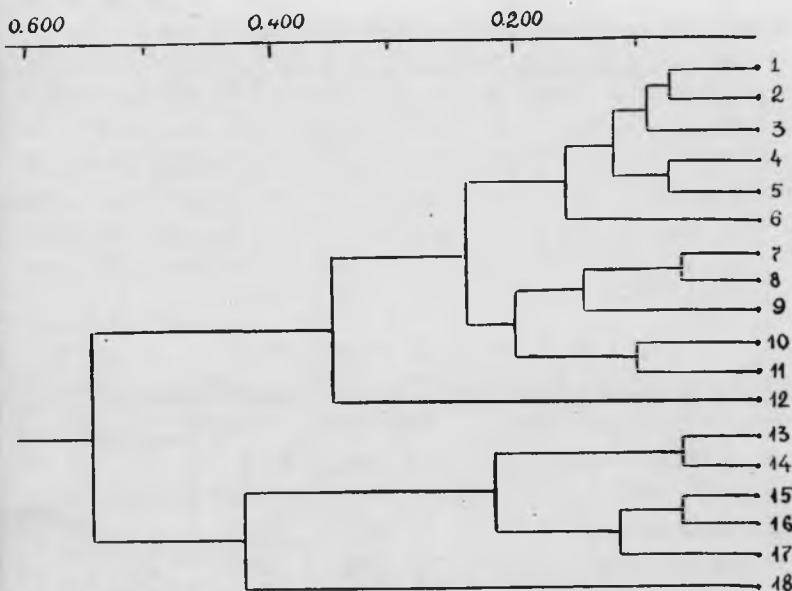

Рис. 14. Дендрограмма, иллюстрирующая взаимоотношение женских территориальных групп башкир среди некоторых финно-угорских и тюркских народов (основа-матрица коэффициентов отличий C_R^2 табл. 11).

1 — татары, 2 — северные удмурты, 3 — южные удмурты, 4 — горные мари, 5 — луговые мари, 6 — чувашы, 7 — Иштуганово, 8 — Абдрашитово, 9 — Абдрашитово, 10 — Старо-Халилово, 11 — Гадельшино, 12 — Ахуново, 13 — манси, 14 — качинцы, 15 — шорцы, 16 — казахи, 17 — сарайцы, 18 — киргизы.

мужские черепа из Мавлютово по степени морфологического сходства сдвинуты к народам Поволжья и объединяются с чувашами.

В целом мужская выборка башкир объединяется с тюркоязычными группами Алтая, киргизами и казахами, а женская — с финно- и тюркоязычными группами Поволжья, Прикамья. Следует отметить, что объединение мужских и женских групп башкир со сравниваемыми народами происходит примерно на одном уровне.

Таблица 1

Краниологические материалы XVII — XX вв. по башкирам

Памятники	Мужские	Женские	Детские
1	2	3	4
1. Иштуганово	42	35	25
2. Абдрашитово	32	35	26

1	2	3	4
3. Старо-Халилово	41	40	23
4. Ахуново	26	16	9
5. Гадельшино	26	22	8
6. Мавлютово (М. С. Акимова, 1968)	35	30	—
Всего	202	178	91

Таблица 2

Суммарные краниологические данные по всем группам башкир (мужчины)

Признаки	N	\bar{x}	S	$\frac{S}{\bar{x}}$
1. Продольный диаметр	202	183,3	5,6	0,4
8. Поперечный диаметр	202	147,5	5,3	0,4
8:1. Черепной указатель	202	80,6	3,2	0,2
17. Высотный диаметр	198	133,2	6,6	0,5
20. Высотный диаметр	200	116,1	3,5	0,2
5. Длина основания черепа	198	102,1	4,2	0,3
9. Наименьшая ширина лба	202	96,4	4,7	0,3
9:8. Лобно-поперечный указатель	202	65,4	3,2	0,2
32. Угол профиля лба (от па)	201	81,2	4,6	0,3
77. Назомалярный угол	201	141,8	5,8	0,4
└ z m Зигмаксиллярный угол	197	131,7	5,1	0,4
72. Общий лицевой угол	185	85,4	3,3	0,2
40. Длина основания лица	179	99,5	5,2	0,4
40:5. Указатель выступания лица	179	97,3	4,3	0,3
45. Скуловой диаметр	200	138,8	5,6	0,4
48. Верхняя высота лица	181	73,8	4,2	0,3
52. Высота орбиты	201	34,4	2,2	0,2
52:51a. Орбитный указатель (от ba)	198	84,6	6,1	0,4
55. Высота носа	201	54,7	3,3	0,2
54:55. Носовой указатель	200	48,0	4,4	0,3
75 (1). Угол выступания носа	181	25,3	5,2	0,4
ss Симотическая высота	199	3,87	1,2	0,1
ss:sc Симотический указатель	199	48,42	12,8	0,9
Глубина клыковой ямки	198	4,7	1,8	0,1

Таблица 3

Средние размеры и показатели краниологической серий из Иштуганово

Признаки	Мужчины				Женщины			
	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$
1. Продольный диаметр	42	185,6	5,5	0,8	35	174,1	6,7	1,1
3. Поперечный диаметр	42	147,3	4,4	0,7	35	142,5	5,4	0,9
8: 1. Черепной указатель	42	79,4	3,0	0,5	35	81,9	3,7	0,6
17. Высотный диаметр (ba—b)	42	135,0	5,2	0,8	35	127,7	5,8	1,0
20. Высотный диаметр (po—b)	42	116,2	3,6	0,5	35	111,5	5,0	0,8
9. Наименьшая ширина лба	42	97,5	4,2	0,7	35	94,2	5,7	1,8
6. Длина основания черепа	42	103,4	4,0	0,6	35	97,0	4,5	0,7
40. Длина основания лица	42	98,3	5,0	0,8	31	95,1	6,1	1,1
10:5. Указатель выпуклости лица	40	95,1	4,6	0,7	31	97,7	5,0	0,9
45. Скуловой диаметр	41	140,5	4,5	0,7	35	130,0	4,6	0,8
48. Верхняя высота лица	39	75,3	4,3	0,7	31	69,1	4,5	0,8
51. Ширина орбиты (om f)	42	45,3	2,1	0,3	35	43,0	1,9	0,3
52. Высота орбиты	42	35,7	1,9	0,3	35	33,8	2,3	0,4
52:51. Орбитный указатель	42	78,8	4,9	0,8	35	78,8	4,6	0,8
54. Ширина носа	42	26,2	1,5	0,2	35	25,1	1,8	0,3
55. Высота носа	42	55,5	3,1	0,5	34	49,7	3,8	0,7
54:55. Носовой указатель	42	47,5	3,2	0,5	34	49,7	3,8	0,7
SS. Симотическая высота	42	4,05	1,1	0,2	35	3,7	1,1	0,2
SC. Симотическая ширина	42	8,2	1,9	0,3	35	8,0	1,7	0,3
SS : SC. Симотический указатель	42	50,09	11,9	1,9	35	46,8	11,8	2,0
DS. Дакриальная высота	39	11,54	1,6	0,3	35	10,7	1,3	0,2
DC. Дакриальная ширина	41	21,9	2,4	0,4	35	20,5	2,1	0,4
DS : DC. Дакриальный указатель	39	52,82	8,6	1,4	35	49,3	6,8	1,2
32. Угол профиля лба	42	79,4	4,2	0,7	35	83,3	3,6	0,6
77. Назомалярный угол	42	141,9	5,1	0,8	35	143,5	4,8	0,8
z ^m Зигмаксиллярный угол	42	131,0	5,2	0,8	34	131,5	4,8	0,8
72. Общий лицевой угол	41	87,5	3,4	0,5	33	85,0	3,1	0,5
75 (1) Угол выпуклости носа	37	27,5	5,5	0,9	33	23,4	5,2	0,9
Глубина клыковой ямки	42	4,6	1,4	0,2	35	4,4	1,7	0,3

Средние размеры и показатели краниологической серии из Абдрашитово

Признаки	Мужчины				Женщины			
	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$
1. Продольный диаметр	32	182,7	4,4	0,8	35	172,9	6,2	1,0
8 Поперечный диаметр	32	148,9	6,5	1,2	35	139,4	5,2	0,9
8 : 1. Черепной указатель	32	81,6	3,5	0,6	35	80,5	3,1	0,5
17. Высотный диаметр (ba—b)	31	133,1	5,5	1,0	35	127,3	4,9	0,8
20. Высотный диаметр (po—b)	31	116,6	3,7	0,7	35	112,1	4,1	0,7
9. Наименьшая ширина лба	32	97,8	4,4	0,8	35	91,4	4,4	0,7
5. Длина основания черепа	31	102,5	4,2	0,8	35	95,6	4,2	0,7
40. Длина основания лица	28	101,0	5,0	1,0	35	93,0	4,1	0,7
40 : 5. Указатель выпуклости лица	28	99,0	3,4	0,7	35	97,3	3,6	0,6
45. Скуловой диаметр	31	140,1	5,5	1,0	35	125,6	4,6	0,8
48. Верхняя высота лица	28	74,2	4,1	0,8	31	65,8	4,2	0,8
51. Ширина орбиты (om mf)	31	44,5	1,8	0,3	35	41,4	1,6	0,3
52. Высота орбиты	31	35,0	2,0	0,4	35	32,9	0,3	3,6
52 : 51. Орбитный указатель	31	78,7	4,4	0,8	35	79,6	4,8	0,8
54. Ширина носа	31	25,9	1,9	0,4	35	24,1	1,6	0,3
55. Высота носа	31	55,5	3,5	0,6	35	49,5	2,6	0,4
54 : 55. Носовой указатель	31	46,8	3,5	0,6	35	48,8	3,6	0,6
SS. Симогическая высота	31	4,12	0,9	0,7	35	3,4	1,0	0,2
SC. Симогическая ширина	31	8,6	2,0	0,4	35	8,2	1,7	0,3
SS : SC. Симогический указатель	31	49,01	12,7	2,3	35	41,58	10,0	1,7
DS. Дакриальная высота	31	10,95	1,2	0,2	35	10,2	1,7	0,3
DC. Дакриальная ширина	31	21,9	2,9	0,5	35	19,4	2,3	0,4
DS : DC. Дакриальный указатель	31	50,82	9,2	1,7	35	53,71	11,3	1,9
32. Угол профиля лба	31	81,2	4,5	0,8	35	86,1	4,4	0,8
77. Назомалярный угол	31	140,4	5,3	0,9	35	143,7	4,7	0,8
$ \underline{zm}$ Зигомаксиллярный угол	28	129,9	5,3	1,0	34	131,5	5,2	0,9
72. Общий лицевой угол	28	84,0	2,6	0,5	32	85,0	2,5	0,4
75 (1). Угол выпуклости носа	28	26,3	4,7	0,9	32	2,25	5,6	1,0
Глубина клыковой ямки	30	5,5	1,6	0,3	35	4,6	1,5	0,3

Средние размеры и показатели краниологической серии из Старо-Халилово

Признаки	Мужчины				Женщины			
	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$
1. Продольный диаметр	41	183,0	6,1	0,9	40	174,7	6,0	0,9
3. Поперечный диаметр	41	147,8	5,2	0,8	40	142,0	5,5	0,9
3: 1. Черепной указатель	41	81,0	3,4	0,5	40	81,3	3,1	0,5
17. Высотный диаметр (ba—b)	41	133,6	5,0	0,8	39	127,1	4,4	0,7
20. Высотный диаметр (po — b)	41	116,5	3,7	0,6	40	112,9	4,0	0,6
9. Наименьшая ширина лба	41	95,5	5,8	0,9	40	94,1	4,1	0,6
5. Длина основания черепа	41	102,0	4,0	0,6	39	96,8	4,4	0,7
40. Длина основания лица	39	100,8	5,1	0,8	36	94,8	5,8	1,0
40 : 5. Указатель выпуклости лица	39	98,8	4,5	0,7	36	98,4	4,6	0,8
45. Скуловой диаметр	41	137,4	5,8	0,9	39	127,0	4,6	0,7
48. Верхняя высота лица	39	73,5	4,1	0,7	36	68,0	4,2	0,7
51. Ширина орбиты (от ml)	41	43,8	2,0	0,3	40	42,5	1,7	0,3
52. Высота орбиты	41	34,0	2,1	0,3	40	33,0	2,0	0,3
52 : 51. Орбитный указатель	41	77,9	5,0	0,8	40	77,7	5,1	0,8
54. Ширина носа	41	25,6	2,1	0,3	39	25,0	2,1	0,3
55. Высота носа	41	54,6	3,4	0,5	40	50,3	3,1	0,5
54 : 55. Носовой указатель	41	47,5	5,5	0,9	39	50,8	7,6	1,2
SS. Симотическая высота	41	3,69	1,2	0,2	40	3,4	1,0	0,2
SC. Симотическая ширина	41	8,0	2,0	0,3	40	8,6	2,4	0,4
SS : SC. Симотический указатель	41	46,61	11,9	1,9	40	40,5	8,8	1,4
DS. Дакриальная высота	41	10,92	1,6	0,3	38	10,0	1,3	0,2
DC. Дакриальная ширина	41	21,2	2,7	0,4	38	20,7	2,3	0,4
DS : DC. Дакриальный указатель	41	53,13	7,7	1,2	38	48,9	8,2	0,2
32. Угол профиля лба	41	82,2	5,1	0,8	40	83,9	5,3	0,8
77. Назомалярный угол	41	142,2	4,4	0,7	40	141,1	4,6	0,7
$\frac{z}{m}$ Зигмаксиллярный угол	41	132,5	4,7	0,7	38	131,4	4,8	0,8
72. Общий лицевой угол	39	84,8	2,9	0,5	34	85,9	3,6	0,6
75 (1). Угол выпуклости носа	39	24,2	4,3	0,7	33	19,7	5,1	0,9
Глубина клыковой ямки	41	5,0	1,9	0,3	40	4,2	1,5	0,2

Средние размеры и показатели краниологической серии из Ахуново

Признаки	Мужчины				Женщины			
	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$
1. Продольный диаметр	26	184,2	4,7	0,3	16	174,1	6,1	1,5
8. Поперечный диаметр	26	148,3	5,0	1,0	16	142,3	3,9	1,0
8: 1. Черепной указатель	26	80,5	2,7	0,5	16	81,9	4,0	1,0
17. Высотный диаметр (ba — b)	26	133,2	6,0	1,2	16	129,3	4,7	1,2
20. Высотный диаметр (po — b)	26	117,3	3,7	0,7	16	114,3	2,3	0,6
9. Наименьшая ширина лба	26	95,0	3,9	0,8	16	93,2	4,5	1,1
5. Длина основания черепа	26	102,0	3,9	0,8	16	95,9	4,0	1,0
40. Длина основания лица	25	99,3	4,2	0,8	15	93,1	2,9	0,7
40: 5. Указатель выпуклости лица	25	97,3	3,6	0,7	15	97,5	3,3	0,8
45. Скуловой диаметр	26	137,7	5,9	1,2	16	126,3	3,1	0,8
48. Верхняя высота лица	25	73,8	3,9	0,8	13	69,4	3,9	1,1
51. Ширина орбиты (от mf)	26	44,5	1,9	0,4	16	41,7	1,4	0,3
52. Высота орбиты	26	34,3	2,2	0,4	16	33,3	1,7	0,4
52: 51. Орбитный указатель	26	77,3	5,28	1,04	16	79,9	3,9	1,0
54. Ширина носа	26	26,8	2,8	0,6	16	24,2	1,7	0,4
55. Высота носа	26	54,3	3,9	0,8	16	50,3	2,7	0,7
54: 55. Носовой указатель	26	49,5	6,1	1,2	16	48,3	4,4	1,1
SS. Симотическая высота	26	3,60	1,5	0,3	16	3,4	1,1	0,3
SC. Симотическая ширина	26	7,4	2,1	0,4	16	8,7	2,3	0,6
SS: SC. Симотический указатель	26	49,60	9,7	1,9	16	38,99	8,4	2,1
DS. Дакриальная высота	26	11,05	1,6	0,3	16	9,9	0,8	0,2
DC. Дакриальная ширина	26	21,6	2,2	0,4	16	20,2	1,6	0,4
DS: DC. Дакриальный указатель	26	51,72	9,8	1,9	16	49,31	4,7	1,2
32. Угол профиля лба	26	82,9	3,8	0,8	16	88,5	2,7	0,7
77. Назомаллярный угол	26	143,1	5,4	1,1	16	143,8	3,9	1,0
$ \underline{zm}$ Зигмаксиллярный угол	26	134,8	4,5	0,9	16	132,6	6,9	1,7
72. Общий лицевой угол	25	86,6	4,3	0,8	14	85,7	2,9	0,8
75 (1). Угол выпуклости носа	25	24,0	5,2	1,0	14	23,1	4,7	1,3
Глубина клыковой ямки	26	3,8	1,7	0,3	16	3,7	1,2	0,3

Таблица 7

Средние размеры и показатели краниологической серии из Гадельшино
(объединенная с серией из Наурузово)

Признаки	М у ж ч и н ы				Ж е н щ и н ы			
	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$
1. Продольный диаметр	26	183,8	4,5	0,9	22	175,3	5,9	1,2
8. Поперечный диаметр	26	147,9	5,3	1,0	22	139,6	5,4	1,2
8: 1. Черепной указатель	26	80,5	2,6	0,5	22	79,7	3,4	0,7
17. Высотный диаметр (ba—b)	25	130,5	5,1	1,0	21	128,0	5,0	1,1
20. Высотный диаметр (po — b)	25	114,6	3,9	0,8	22	111,9	4,2	0,9
9. Наименьшая ширина лба	26	96,2	4,5	0,9	22	93,0	4,0	0,8
5. Длина основания черепа	25	100,8	5,3	1,1	21	96,5	3,6	0,8
40. Длина основания лица	16	101,8	5,2	1,3	12	92,9	3,8	1,1
40: 5. Указатель выпячивания лица	16	98,8	3,8	1,0	12	96,5	3,5	1,0
45. Скуловой диаметр	26	139,2	5,4	1,1	21	126,3	4,0	0,9
48. Верхняя высота лица	16	73,9	3,9	1,0	13	67,7	3,6	1,0
51. Ширина орбиты (от mf)	26	41,1	1,9	0,4	22	42,2	2,3	0,5
52. Высота орбиты	26	35,0	1,8	0,3	22	33,4	2,3	0,5
52: 51. Орбитный указатель	26	85,2	1,9	0,4	22	79,3	6,4	1,4
54. Ширина носа	25	26,6	2,0	0,4	22	25,6	1,9	0,4
55. Высота носа	26	54,8	3,0	0,6	22	49,9	3,2	0,7
54:55. Носовой указатель	25	48,6	4,2	0,8	22	51,4	4,2	0,9
SS. Симотическая высота	26	4,1	1,4	0,3	22	3,4	1,2	0,2
SC. Симотическая ширина	26	8,0	2,0	0,5	22	8,8	2,0	0,4
SS: SC. Симотический указатель	26	51,18	17,7	3,5	22	38,04	9,9	2,1
DS. Дакриальная высота	23	11,5	1,7	0,3	21	9,9	1,4	0,3
DC. Дакриальная ширина	18	20,7	2,3	0,6	21	20,9	1,7	0,4
DS: DC. Дакриальный указатель	23	55,16	10,1	2,1	21	47,62	8,2	1,8
32. Угол профиля лба	26	79,1	4,4	0,9	22	84,6	6,2	1,3
77. Назомалярный угол	26	141,6	6,0	1,2	21	141,8	3,4	0,7
z _m Зигмаксиллярный угол	25	131,8	4,5	0,9	20	132,1	5,6	1,3
72. Общий лицевой угол	20	84,1	3,1	0,7	18	85,9	3,5	0,8
75 (1). Угол выпячивания носа	20	24,9	6,0	1,3	15	21,5	6,3	1,6
Глубина клыковой ямки	25	4,5	1,7	0,3	22	4,0	1,1	0,2

Результаты дисперсионного анализа мужских и женских
краниологических серий башкир

Признаки	М у ж ч и н ы			Ж е н щ и н ы		
	N	K	F	N	K	F
1. Продольный диаметр	202	6	3,88**	177	6	0,47
8. Поперечный диаметр	202	6	2,17*	176	6	2,47*
5. Длина основания черепа	198	6	2,46*	174	6	0,08
32. Угол профиля лба от	201	6	4,808***	178	6	4,07**
77. Назомалярный угол	201	6	0,908	177	6	2,55*
zm Зигомаксиллярный угол	197	6	2,507*	172	6	0,514
72. Общий лицевой угол	185	6	5,12**	154	6	0,27 _a
40. Длина основания лица	179	6	3,77**	153	6	1,40
40: 5. Указатель выступающего лица	179	6	5,14**	153	6	1,59
45. Скуловой диаметр	200	6	4,178***	175	6	3,45**
48. Верхняя высота лица	181	6	3,55**	152	6	2,14
52. Высота орбиты	201	6	9,496***	178	6	1,56
52: 51a. Орбитный указатель (от da)	198	6	5,796***	176	6	2,79*
55. Высота носа	201	6	2,95**	177	6	1,84
75 (1). Угол выступления носа	181	6	2,407*	153	6	1,91
SS : SC. Симотический указатель	199	6	1.101	177	6	2,89*
Глубина клыковой ямки	198	6	3,34**	178	6	1,27

Примечание. Приведены только существенные различия. * — при $P < 0,05$; ** — при $P < 0,01$; *** — при $P < 0,001$.
N — количество черепов; K — число групп; F — отношение межгрупповой дисперсии к внутригрупповой.

Суммарные расстояния между башкирами (C_R^2)
и соседними народами

Г р у п п ы	Б а ш к и р ы	
	мужчины (Σ)	женщины (Σ)
Финноязычные народы Поволжья	0,430	0,295
Тюркоязычные народы Поволжья	0,317	0,284
Угры Западной Сибири	0,318	0,355
Тюркоязычные народы Алтая	0,263	0,330
Казахи, киргизы	0,301	0,444

Коэффициенты суммарных различий между мужскими финноугорских и

Группы	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
I Иштуганово	—							
II Мавлютово	0.1842							
III Старо-Халилово	0.114	0.0931						
IV Абдраши-тово	0.1133	0.1200	0.0609					
V Ахуново	0.1365	0.1618	0.0741	0.1931				
VI Гадель-шино	0.1605	0.2657	0.1238	0.1004	0.1954			
VII Сев. удмурты	0.3603	0.2339	0.2194	0.2994	0.4148	0.3369		
VIII Южн. удмурты	0.6167	0.2449	0.4152	0.4888	0.5461	0.6760	0.1263	
IX Горные мари	0.4253	0.1825	0.3014	0.3785	0.4235	0.5130	0.2936	0.2974
X Луговые мари	0.6680	0.2654	0.4754	0.5525	0.5640	0.7246	0.3660	0.1778
XI Манси	0.3260	0.3731	0.3038	0.3803	0.2542	0.2717	0.8077	0.8820
XII Чуваши	0.275	0.0950	0.3490	0.1658	0.3009	0.2769	0.1693	0.2176
XIII Татары	0.4790	0.1191	0.3758	0.329	0.5410	0.5032	0.2238	0.1532
XIV Казахи	0.2926	0.2306	0.1609	0.3152	0.207	0.3508	0.5598	0.6723
XV Киргизы	0.4197	0.3602	0.2908	0.3898	0.1885	0.4036	0.7098	0.7738
XVI Согайцы	0.1856	0.2908	0.1940	0.2557	0.1887	0.2618	0.3741	0.7019
XVII Качин-цы	0.2953	0.4336	0.2523	0.3725	0.1963	0.3786	0.6238	0.9094
XVIII Шор-цы	0.1991	0.2445	0.2421	0.1935	0.1548	0.4065	0.4331	0.4464

краниологическими сериями башкир,
тюркоязычных народов

IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII
0.2168								
0.5204	0.6413							
0.1480	0.2437	0.4172						
0.2467	0.1959	0.7758	0.1588					
0.7166	0.7239	0.3702	0.3760	0.6858				
0.7926	0.7108	0.3523	0.5535	0.6501	0.1215			
0.6357	0.9514	0.5928	0.4230	0.7508	0.1310	0.3675		
0.8017	0.9977	0.4754	0.5661	1.0149	0.2517	0.1776	0.1542	
0.5871	0.6522	0.4752	0.5767	0.7308	0.2107	0.1609	0.1867	0.1462

Коэффициенты суммарных различий между женскими финноугорских и

Группы	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
I Иштуганово								
II Мавлютово	0,0874							
III Старо-Халилово	0,1107	0,0949						
IV Абдрәшитово	0,0726	0,1914	0,0964					
V Ахуново	0,1820	0,1727	0,1708	0,0795				
VI Гадельшино	0,1169	0,1142	0,0717	0,0774	0,1569			
VII Сев. удмурты	0,3424	0,1869	0,3310	0,1454	0,2012	0,2707		
VIII Южн. удмурты	0,3092	0,2283	0,3313	0,1698	0,1799	0,3015	0,0604	
IX Горные мари	0,3523	0,1897	0,2601	0,2158	0,3146	0,2231	0,1476	0,1411
X Луговые мари	0,4000	0,2146	0,2391	0,2429	0,2734	0,2073	0,2381	0,2098
XI Манси	0,3701	0,3441	0,2424	0,4093	0,5019	0,2634	0,7401	0,7474
XII Чуваши	0,2421	0,1441	0,1523	0,1265	0,1191	0,1610	0,2112	0,2024
XIII Татары	0,4843	0,3262	0,4147	0,3445	0,4336	0,4639	0,3160	0,2533
XIV Казахи	0,3204	0,4205	0,2950	0,4299	0,4175	0,4320	0,6795	0,5719
XV Киргизы	0,4912	0,5073	0,4572	0,5765	0,4366	0,5429	0,8348	0,7910
XVI Согайцы	0,2447	0,3863	0,2841	0,3114	0,2846	0,3795	0,5933	0,5863
XVII Качинцы	0,3700	0,3959	0,4227	0,4928	0,3052	0,4653	0,6317	0,6712
XVIII Шорцы	0,2217	0,2935	0,2630	0,2977	0,2091	0,3100	0,5124	0,5556

краниологическими сериями башкир,
тюркоязычных народов

IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII
0,1353								
0,5668	0,4811							
0,1732	0,0965	0,3488						
0,2391	0,2536	0,9046	0,2811					
0,8050	0,6803	0,3963	0,4206	0,9823				
0,9893	0,8381	0,4253	0,5552	1,3726	0,1115			
0,7575	0,7403	0,3992	0,4263	1,0577	0,0596	0,1097		
0,7404	0,8644	0,4788	0,4832	1,1981	0,3396	0,2208	0,1294	
0,6501	0,6357	0,3843	0,3495	1,0500	0,2851	0,1737	0,1126	0,0591

¹ Руденко С. И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1955, с. 250—251; Авижанская С. А., Бикбулатов Н. В., Кузеев Р. Г. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964; Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974; он же. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978; Шитова С. Н. Народная одежда башкир.— АЭБ т. 3. Уфа, 1968.

² Малиев Н. Антропологический очерк башкир.— Труды общества естествоиспытателей при импер. Казанском ун-те, т. 5, вып. 5. Казань, 1876. Назаров П. К антропологии башкир.— Дневник антроп. отд. Моск. общ. любителей естествознания, антропологии и этнографии. Вып. 2,9. М., 1890; Никольский Д. П. Башкиры: Санитарно-этнографическое и антропологическое исследование. СПб., 1899, № 68; Абрамов А. Н. Башкиры.— Русский антропологический журнал. М., 1907.

³ Руденко С. И. Башкиры. Опыт этнологической монографии. Ч. 1. Физический тип башкир. Пгд., 1916; он же. Башкиры: Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1955.

⁴ Акимова М. С. Этногенез башкир по данным антропологии.— АЭБ, т. 4. Уфа, 1971, с. 38—43; она же. Значение данных дерматоглифики для изучения смешанных групп.— В кн.: Человек, эволюция и внутривидовая дифференциация. М., 1972, с. 167—179 (Труды Моск. общ-ва испыт. природы, т. 43); она же. Значение данных антропологии дерматоглифики и серологии для изучения смешанных групп (на башкирском материале).— Вопросы антропологии, 1973, вып. 44, с. 85—91; она же. Антропологические исследования в Башкирии.— В сб.: Антропология и геогеография. М., 1974.

⁵ Акимова М. С. Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968, с. 86—92.

⁶ Дебец Г. Ф. Проблема происхождения киргизского народа в свете антропологических данных.— ТКАЭЭ, т. 1. М., 1956, с. 14.

⁷ Акимова М. С. Антропологические материалы бахмутинской культуры.— АЭБ, т. 1. Уфа, 1962, с. 363; Алексеев В. П. Очерк происхождения тюркских народов Восточной Европы в свете данных краниологии.— В кн.: Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971, с. 255.

⁸ Алексеев В. П. Краниологические материалы по этногенезу башкирского народа.— В сб.: Научная сессия по этногенезу башкир: Доклады и сообщения. Уфа, 1969, с. 9; Бромлей Ю. В. Заключительное слово на научной сессии по этногенезу башкир.— АЭБ, т. 4. Уфа, 1971, с. 349, 352.

⁹ Кузеев Р. Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978, с. 144.

¹⁰ Кузеев Р. Г. Указ. соч., с. 148.

¹¹ Акимова М. С. Антропология древнего населения Приуралья, с. 86—92.

¹² Кузеев Р. Г. Указ. соч., с. 153.

¹³ Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Камчатской области.— Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. М., 1951, т. 17; Алексеев В. П. Хакасы енисейские кыргызы, киргизы.— ТКАЭЭ, т. 1, с. 110—111.

¹⁴ Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия. М., 1961.

¹⁵ Козинцев А. Г. Статистические данные к проблеме происхождения краниологического типа айнов.— В кн. Расогенетические процессы в этнической истории. М., 1974, с. 229—231.

¹⁶ Девис Дж. Статистика и анализ геологических данных. М., 1977, с. 486—503.

¹⁷ Акимова М. С. Антропология древнего населения Приуралья; она же. Этногенез башкир по данным антропологии.— АЭБ, т. 4, с. 43; Алексеев В. П. Очерк происхождения тюркских народов Восточной Европы, с. 251.

¹⁸ *Акимова М. С.* Антропология древнего населения Приуралья, с. 63—69.

¹⁹ *Бромлей Ю. В.* Указ. соч., с. 348; *Кузеев Р. Г.* Историческая этнография башкирского народа, с. 181.

²⁰ *Акимова М. С.* Антропология древнего населения Приуралья, с. 91—92; она же. Антропологические исследования в Башкирии.— В кн.: Антропология и геогеография. М., 1974, с. 92—93.

²¹ *Трофимова Т. А.* Антропологические материалы из аланского могильника возле Стерлитамака в Башкирии.— КСИЭ, 1952, вып. 17; *Акимова М. С.* Антропология древнего населения Приуралья, с. 37—39; *Алексеев В. П.* Краниологические материалы по этногенезу башкирского народа, с. 9.

²² *Акимова М. С.* Антропология древнего населения Приуралья, с. 87—88.

²³ *Алексеев В. П.* Очерк происхождения тюркских народов Восточной Европы..., с. 264—265.

²⁴ *Дебец Г. Ф.* Антропологические исследования в Камчатской области, с. 176—265.

²⁵ *Исмагулов О.* Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. Алма-Ата, 1970.

²⁶ *Миклашевская Н. Н.* Краниология киргизов.— ТКАЭЭ, 1959, т. 2, с. 267—279.

²⁷ *Алексеев В. П.* Краниология хакасов в связи с вопросами их происхождения.— ТКАЭЭ, 1960, т. 4, с. 289—306.

²⁸ *Рычков Ю. Г.* Система древних изолятов человека в Северной Азии в свете проблем стабильности и эволюции популяций.— Вопросы антропологии, 1973, № 44, с. 3—22.

ОБ ИЗУЧЕНИИ ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ БАШКИРСКОГО НАРОДА

Вопрос о происхождении башкир, о генетических истоках их культуры, языка и этнического состава всегда находился в центре внимания этнографических исследований о башкирах. В дореволюционной науке был накоплен значительный опыт в этом направлении: было выявлено большинство известных в наши дни средневековых письменных свидетельств о народе, проводились антропологические работы, изучались этнографические особенности культуры и быта. Достижения дореволюционной этнографии по данной проблеме были обобщены в двухтомной монографии С. И. Руденко¹, в которой была дана разносторонняя антропологическая и этнографическая характеристика башкирского народа и выдвинута развернутая концепция его происхождения. К главным результатам изысканий С. И. Руденко и в целом досоветской этнологии по рассматриваемой проблеме можно отнести установление многокомпонентности башкирского этноса, обоснование решающей роли в башкирском этногенезе кочевнических тюркских племен и преодоление (в основном) односторонности существовавших тогда угорской и тюркской гипотез происхождения башкир.

Некоторая работа по изучению происхождения и формирования башкирского народа проводилась и в 20—30-е годы, но качественно новый этап в истории разработки проблемы наступает в середине 50-х годов. В этот период выходит из печати повторное издание монографии С. И. Руденко, дополненное новыми сведениями и в значительной степени переработанное с учетом достижений археологии, этнографии и языкознания².

Концепция С. И. Руденко по башкирскому этногенезу получила в книге довольно стройное завершение. Во многих отношениях этногенез башкир был разработан гораздо лучше и разностороннее, чем у большинства народов нашей страны. В то же время книга С. И. Руденко страдала рядом недостатков, обусловленных состоянием развития историко-этнографической науки. В частности, истоки башкирского этноса и его культуры, этногенетические связи с другими народами и этническими общностями древности и средневековья были намечены лишь в общем плане. Позиции автора в вопросах о времени и месте сложения

башкирского народа и башкирского языка были присущи противоречия, вытекающие из господствовавших в 40 — начале 50-х годов автохтонистских воззрений. Во всем этом сказалась так же трудность изучения одним исследователем широкого комплекса вопросов, связанных с историей народа, со сложным антропологическим и этническим составом, обладающего чрезвычайно многослойной культурой.

Почти вслед за книгой С. И. Руденко была опубликована монография Р. Г. Кузеева, посвященная изучению этнической истории башкир³. В истории башкирской этнографии она ознаменовала своеобразную эстафету: формирование научных кадров и зарождение этнографической науки в самой Башкирии, начало дифференцированного изучения проблем этногенеза и этнической истории народа, его культурных традиций в области материального производства и духовного творчества, социальной организации и быта. Реализации перечисленных задач способствовало создание в составе ИИЯЛ БФАН СССР в 1958 г. сектора археологии, этнографии и народного искусства, а в 1978 г. — отдельного сектора этнографии.

За прошедшие два с лишним десятилетия группой, а затем и сектором этнографии проделана большая работа по этнографическому изучению башкир и других населяющих республику народов. Создан научный архив полевых материалов, репрезентативно характеризующий жизнедеятельность и культуру башкирского народа, проведены исследования по различным вопросам башкирской этнографии⁴. Значительные успехи достигнуты и в изучении башкирского этногенеза.

Изучение происхождения и формирования башкирского народа в 50—70-х годах стало основным содержанием научной деятельности Р. Г. Кузеева. К разработке проблемы он привлек обширный круг источников. Впервые широко были использованы генеалогические записи племен, родов и деревень — шежере, народные предания и легенды⁵, родо-племенные названия, тамги, тщательно изучались свидетельства средневековых письменных памятников⁶. Данные преданий, письменных источников сверялись с результатами сопоставления родо-племенного состава башкир с другими народами, сличения родовых знаков и других атрибутов родо-племенной организации. При установлении времени прихода и реконструкции путей миграции отдельных башкирских племен и родов, воссоздании исторической картины заселения ими современной территории автор учел традиционные маршруты сезонных кочевков, данные топонимики, природно-климатические условия различных районов края. В конечных выводах учитывались также результаты сравнительного изучения материальной культуры, декоративного творчества, языка и фольклора народа.

Изучение этногенеза башкир было поставлено на конкретную основу. В своих исследованиях Р. Г. Кузеев стремился

восстановить исторический путь, пройденный каждым племенем или группой племен и родов. Дифференцированное изучение родо-племенных групп привело к необходимости вновь вернуться к начатому С. И. Руденко этнографическому районированию Башкирии, выделению этнографических (или локально-этнических) групп⁷. В отличие от своих предшественников, Р. Г. Кузеев не ограничился рашими этапами башкирского этногенеза, а большое внимание уделил вопросам этнической консолидации и этно-культурных взаимосвязей башкир в средневековье, новое и новейшее время. Это было обусловлено, во-первых, тем, что изменения в этническом составе и культурном облике народа не прекращались в отмеченные периоды: имели место как значительные включения, так и оттоки. С другой стороны, детальная разработка поздних этапов этнической истории позволяла строить проекцию на более отдаленные периоды, делать ретроспективные наблюдения. Немалое значение имело в этом плане исследование хозяйственной эволюции башкир в X—XIX вв. и исторической динамики численности народа в тесной связи с этническими процессами в разрезе XVI—XX вв.⁸ Автору удалось в этих работах установить определенную взаимосвязь между хозяйственным освоением и историей заселения башкирскими племенами районов Южного Урала и Приуралья, проследить изменение в численности и составе населения в процессе контактов с ногайцами, калмыками, выходцами из Средней Азии и особенно с тептяро-мишарско-татарским населением.

В результате своих изысканий Р. Г. Кузеев пришел к выводу, что древнетюркские и отчасти монгольские племена центральноазиатского (и южносибирского) происхождения, составившие основу башкирского этноса, пришли на Южный Урал не сразу и не прямым путем, а значительное время (VIII—IX вв.) кочевали в степях Приаралья и Казахстана. История расселения их на современной территории, начавшаяся в IX в., также была длительным процессом. Решающую роль в формировании современного этнокультурного облика и языковой специфики народа, по мнению автора, сыграл массовый приток племен из кыпчакского объединения, имевший место в XII—XIII вв. Период нашествия монголов и господства Золотой Орды был сопряжен с некоторым усилением монгольского компонента, но не изменил основного кыпчакско-башкирского направления этнического процесса⁹.

В работах Р. Г. Кузеева и других исследователей не раз ставился вопрос о роли аборигенного населения края в башкирском этногенезе, об этнических контактах тюркоязычных древнебашкирских племен с угорскими, болгарскими племенами и т. д.¹⁰

Значительной вехой в истории изучения происхождения и сложения башкирского народа явилась специальная научная сессия по этногенезу башкир, проведенная Отделением истории АН СССР и Башкирским филиалом АН СССР в мае 1969 г. в

Уфе. В ней приняли участие ученые из многих научных центров страны, представляющие все те отрасли науки, которые исследуют различные аспекты сложного комплекса проблем этногенеза и этнической истории — археологию, этнографию, антропологию, историю, языкознание, фольклористику, искусствоведение.

Проведение такой сессии было подготовлено, как отмечалось на сессии, накоплением значительного материала, отражающего те или иные стороны или этапы башкирского этногенеза. Были достигнуты заметные успехи в археологическом изучении Южного Урала и прилегающих областей, собирании, публикации и теоретическом осмыслении фольклора, исследовании башкирского языка и его диалектов, изучении антропологического типа древнего и современного населения. Все это обусловило разнообразие поставленных докладов по тематике, дало возможность представителям различных научных направлений и учреждений обменяться результатами своих исследований, сопоставить их, коррелировать, а там где возможно — свести воедино.

В ходе сессии, на которой было заслушано около 50 докладов, был введен в научный оборот обширный материал, охватывающий древнейшие периоды этнических и миграционных процессов в крае, язык, физический тип, материальную культуру, декоративно-прикладное искусство и музыкально-поэтическое творчество, социальную организацию и бытовую обрядность башкир и других народов страны. В выступлениях и докладах Ю. В. Бромлея, Р. Г. Кузеева, А. Х. Халикова, В. Ф. Генинга, М. С. Акимовой, Н. Х. Ишбулатова были затронуты узловые вопросы этногенеза башкир на материалах этнографии, археологии, антропологии, языкознания и т. д. Основные результаты этнографического изучения башкир получили подтверждение на фактах смежных наук, этнографии других народов страны, особенно Средней Азии и Поволжья. Сессия еще раз продемонстрировала сложность и длительность процесса этногенеза башкир, плодотворность комплексного его исследования и обсуждения.

В процессе дискуссий были определены не только положительные результаты, выявились также спорные и нерешенные вопросы, пробелы науки. Обнаружилось, что существует разницей в датировке и особенно в этнической интерпретации археологических культур и памятников раннего средневековья, что все еще сохраняется большой разрыв между археологическим и историко-этнографическим материалом, остаются дискуссионными вопросы о времени тюркизации населения Южного Урала, об удельном весе тех или иных этнических предков башкир и т. д.¹¹

Сессия получила положительную оценку на страницах печати. Она дала импульс новым изысканиям в области этногенеза башкир и других народов.

Конец 60-х—70-е годы характеризуются дальнейшим развертыванием исследований по всему комплексу наук, занимающихся проблемами этноса, его культуры и языка. Археологическими изысканиями были выявлены и обследованы многочисленные новые памятники, особенно I—начала II тыс. н.э., составлен и опубликован систематический свод памятников Башкирии¹². Начата разработка диалектологического атласа башкирского языка, в ходе работы над которыми лингвогеографическим методом обследована подавляющая часть территории обитания башкир. В эти годы изданы монографические исследования по диалектам башкирского языка¹³.

Продолжалось также специальное изучение проблемы этногенеза башкир. Научное осмысление накопленных фактов, корреляция данных смежных наук позволили Р. Г. Кузееву предпринять попытку воссоздать полную картину истории складывания башкирского народа, охватывающей период с VIII—IX по XVI в.¹⁴ Отдельные аспекты этнической истории народа были доведены им до конца XIX в.; автор стремился также проследить историю всех основных башкирских племен и крупных родов с древнейших времен до вхождения в состав складывающейся башкирской народности.

Одним из важнейших аспектов проблемы этногенеза является изучение антропологического состава этноса. В 50—60-е годы довольно интенсивные исследования в этой области по широкой программе проводились сотрудником Музея антропологии МГУ М. С. Акимовой¹⁵. Приостановленное в связи с безвременной кончиной М. С. Акимовой антропологическое изучение башкир возобновилось в 70-е годы на новой основе. В тесном сотрудничестве с этнографами развернулись исследования по популяционной генетике башкир в Отделе биохимии и цитохимии БФАН СССР. Уже первые результаты работ, охвативших большую часть бывших башкирских племен, в значительной степени сошлись с выводами Р. Г. Кузеева о генетических связях отдельных родо-племенных групп, и сравнительно поздней консолидации их в составе народа (IX—XVI вв.)¹⁶. В конце 70-х годов начались работы по изучению краниологии башкир на материале захоронений XVIII — начала XX вв.¹⁷

Многие аспекты этнической истории башкир, их историко-культурные связи с другими народами и этническими образованиями древности к эпохи средневековья были освещены в работах, посвященных специальному изучению отдельных областей материальной культуры, духовного творчества, хозяйственной деятельности, социальной организации и быта.

В народном декоративном искусстве башкир путем типологического и сравнительно-исторического анализа было выделено пять орнаментальных комплексов, сложившихся в различные исторические эпохи — в ново-каменную и палеометаллическую эпоху, скифо-сарматское и древнетюркское время, в средневе-

ковье и в последние столетия, — и отражающих этно-культурные связи башкир и их предков с населением Центральной Азии и Саяно-Алтая, Средней Азии и Казахстана, Поволжья и Кавказа. В частности, были обнаружены типы орнамента и декоративные приемы, свидетельствующие о тесных культурно-этнических контактах с башкирами, а возможно и об участии в башкирском этногенезе огузо-кыпчакских племен, предков чувашей, обских угров¹⁸.

Аналогичные результаты дало исследование традиционной одежды башкир, национальной кухни, хозяйственных навыков, транспортных средств¹⁹. Оказалось, что во всех перечисленных областях материальной культуры древние традиции не вытесняются с появлением новых форм и элементов, а продолжают существовать наряду с ними, часто приспособляясь к новым условиям и видоизменяясь. Это обуславливает многослойность культуры, что дает возможность при тщательном сопоставительно-типологическом разборе установить стратиграфию культурных наслоений, определить их относительную, а в иных случаях, правда в рамках продолжительных отрезков времени, и абсолютную их хронологию. Таким путем были выявлены древнейшие формы одежды, типы украшений, кушанья и напитки, приемы охоты и рыбной ловли, средства передвижения и перевозки грузов, принесенные тюркоязычными и отчасти монголоязычными предками башкир из районов Южной Сибири и Центральной Азии, или выработанные в сотрудничестве с родственными народами в степях Казахстана и Приаралья, низовьях Волги и т.д.

В значительной степени выявились возможности в качестве источника для разработки проблемы этногенеза и этнических связей башкир и у такого специфического исторического феномена, как система родства. В структурообразующих принципах системы, в терминах и их географическом распространении нашли отражение связи предков башкир с древнейшим урал-алтайским миром, древние и позднейшие контакты с татарами Поволжья, народами Средней Азии, Сибири и Кавказа²⁰.

Заметное оживление интереса к проблеме башкирского этногенеза вызвала Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1978—1979 гг., состоявшаяся в мае 1980 г. Проведение сессии в Уфе наложило определенный отпечаток на ее проблематику. Более половины докладов (из 27) на секции этногенеза и этнической истории было непосредственно посвящено проблеме происхождения и этнических связей башкир. В них рассматривались лингвистические (А. А. Камалов, С. Ф. Миржанова, У. Ф. Надергулов, Р. Х. Халикова, Ф. Г. Хисаметдинова, С. Г. Гильманова) и антропологические (Х. С. Рафиков, Н. Х. Юмагужина, Р. Г. Кузеев, Р. М. Юсупов) аспекты этнической истории башкир, участие древнебашкирских племен в сложении чувашского народа (В. Ф. Каховский), формировании тюркского населения Запад-

ной Сибири (Н. А. Томилов), башкиро-узбекские (К. Ш. Шаниязов), самодийско-башкирские (В. И. Васильев) и татаро-башкирские (Д. М. Исхаков) этнические связи ²¹.

Как видно, к началу 80-х годов значительно возросли и масштабы, и уровень этногенетических исследований в Башкирии. Заметно расширился круг источников, стала богаче, разнообразнее и совершеннее методика исследований. Примечательны в этом плане взаимосвязь и взаимопроникновение этнографии и естественных наук. Снят покров неизвестности со многих коренных вопросов башкирского этногенеза. Теперь уже мало у кого вызывают сомнения древнетюркские истоки этноса, этногенетические связи башкир с населением Саяно-Алтая, Казахстана, Центральной и Средней Азии, Северного Кавказа и Поволжья. Можно считать установленными общие хронологические рамки формирования народа с современным этнокультурным обликом, подробно изучены родо-племенной состав и история расселения башкир на современной территории. Заметные сдвиги достигнуты в изучении антропологического состава народа.

В то же время изыскания последних десятилетий показали чрезвычайную сложность процесса происхождения и формирования башкирского народа, выявили множество нерешенных вопросов. Несмотря на попытки археологов увязать ранние этапы башкирской истории с определенными археологическими культурами или типами памятников, существующий разрыв между археологическим и этнографическим материалом все еще не преодолен. Большой интерес в плане башкирского этногенеза представляют памятники второй половины I тыс.— начала II тыс. н.э., представленные главным образом курганными захоронениями. За последние 20 лет раскопано значительное их количество и добыт богатый материал, характеризующий материальную культуру, направление и структуру хозяйства, погребальный обряд населения Южного Урала в эпоху средневековья. Однако в датировке и определении этнической принадлежности этих памятников в археологических исследованиях имеются существенные расхождения. Особенно показательны в этой связи работы автора большинства раскопок Н. А. Мажитова, взгляды которого на хронологию и этно-культурную интерпретацию памятников меняются с каждой новой публикацией, притом амплитуды доходят порою до 5-ти веков ²². Все это говорит о необходимости выработки наиболее четких критериев в датировке памятников и особенно в установлении этнической принадлежности носителей археологических культур. Предстоит большая работа по выявлению и обследованию новых памятников, накоплению материалов и научному их осмыслению.

Остается загадкой история возникновения этнонима башкорт. Вопрос намного сложнее, чем общеприемлемая этимологизация этого слова. Само название народа является выражением этнического самосознания ²³, его фиксацией на определенной ста-

дии консолидации этноса, чего не учитывают часто исследователи. Не вдаваясь в детали рассмотрения вопроса, что не входит в задачи данной статьи, отметим лишь одно обстоятельство: и Ибн-Фадлан, и Ибн-Русте пишут о башкирах не как о каком-либо племени, а как об этнической общности таксономически более высокого порядка. С другой стороны, родо-племенное деление башкир, закрепленное позднее административно-волостным и общинным делением, сохранилось до XIX в., а местами до рубежа XIX—XX вв. Соответственно сохранялось и родо-племенное самосознание. В связи с этим обретает научную актуальность вопрос: когда и на какой территории, в силу каких исторических обстоятельств, преодолевая родо-племенной сепаратизм, утвердился этнионим башкорт? Каковы были те факторы, которые понудили людей родов и племен перешагнуть разделявшие их трайбалистские барьеры и назваться общим именем — башкиры? Не является ли все это отражением существования до IX — X вв. какого-то военно-политического объединения, притом не эпизодического, а настолько прочного и долговременного, что могло привести к объединению и консолидации целого ряда этнически родственных племен и родов. Эти и другие обстоятельства еще и еще раз требуют вести поиски новых исторических, в первую очередь письменных, источников.

В плане сказанного вновь встает вопрос о своеобразии башкирского языка, в первую очередь его фонетической системы. К настоящему времени сделано очень немало для доказательства кыпчакской принадлежности башкирского языка²⁴. Однако особенности фонетико-морфологической структуры языка и отчасти лексический состав не укладываются в рамки кыпчакских языков. Особое внимание специалистов, занимающихся историей языка, привлекают специфические звуки һ, җ, ҙ, которые едва ли могли возникнуть на кыпчакской основе или в кыпчакской среде. И не смотря на причастность к этому вопросу ряда громких имен (Н. К. Дмитриев, Б. А. Серебренников и др.), лингвисты пока не нашли однозначного его решения.

Не получил еще удовлетворительного освещения также вопрос о роли ираноязычного компонента в башкирском этногенезе. Археологами выделены культуры, ираноязычность населения которых у большинства исследователей не вызывает сомнений. Но история этих культур практически прослеживается лишь до эпохи Великих переселений. Этнографический материал по данному вопросу остается безмолвным. Лингвистами выделяется в башкирской лексике значительный иранский пласт, но без всякой хронологической стратификации, без расчленения древних отложений от позднейших заимствований мусульманской эпохи. Не сказали еще своего слова антропологи.

Несколько лучше изучены взаимосвязи тюрков Урало-Поволжья, в том числе и башкир, с финно-угорскими народами. В последнее время наметился интерес к проблеме башкиро-са

модийских этнических связей²⁵. Многогранные историко-культурные и этнические связи тюркских народов региона между собой и с финно-угро-самодийскими народами, по-видимому, получают более полную и детальную разработку в историко-этнографическом атласе Поволжья и Урала. Теоретической предпосылкой такого атласа являются исследования, посвященные истории формирования и функционированию Волго-Уральской историко-этнографической области²⁶. Необходимость фундаментальных обобщающих работ вызвана тем, что многие моменты этногенеза и этнической истории народов Урала и Поволжья тесно взаимосвязаны, и решение тех или иных вопросов по истории одного народа зависит от уровня разработки истории ряда других. Необходим массовый сопоставимый материал, собранный по унифицированной программе, единой методике. Все это выдвигает в число головных задач разработку этнографического атласа Волго-Уральской области.

¹ Руденко С. И. Башкиры. Опыт этнографической монографии. Ч. 1. Физический тип башкир. Пгд., 1916; Быт башкир. Л., 1925. Подробнее об исследованиях С. И. Руденко см.: Бикбулатов Н. В. Руденко и башкирская этнография.— АЭБ, т. 5. Уфа, 1973.

² Руденко С. И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.: Л., 1955.

³ Кузеев Р. Г. Очерки исторической этнографии башкир. Ч. 1. Родо-племенной состав башкир XVII — XVIII вв. Уфа, 1957.

⁴ Результаты этих исследований опубликованы в книгах: АЭБ. Уфа., т. 1, 1962; т. 2, 1964; т. 3, 1968; т. 4, 1971; т. 5, 1973; Этнография Башкирии. Уфа 1976; Хозяйство и культура башкир в XIX — начале XX века. М., 1979; Культура и быт башкир. Уфа, 1978; и др.

⁵ Кузеев Р. Г. Башкирские шежере. Уфа, 1960; он же. Шежере — письменные источники по средневековой истории башкирского народа.— Археологический ежегодник за 1971 г. М., 1972; он же. К этнической истории башкир в конце I—начале II тысячелетия н.э. (опыт сравнительно-исторического анализа шежере, исторических преданий и легенд).— АЭБ, т. 3, 1968; он же. Задачи исторической этнографии в изучении древней и средневековой истории башкир.— В кн.: Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971.

⁶ Кузеев Р. Г., Гарипов Т. М. Башкирские родо-племенные названия и их алтайские параллели.— В кн.: Проблемы общности алтайских языков. Л., 1971; Кузеев Р. Г. Опыт исторической стратификации родо-племенных названий в изучении этногенеза тюркских народов Восточной Европы, Казахстана и Средней Азии: Доклад на IX МКАЭН. М., 1973; Кузеев Р. Г. Historical stratification of generic and tribal names and their role in the ethnogenetic study of turkic Peoples of Eastern Europe, Kazakhstan and Central Asia.— In: The Nomadia Alternative. Mouton, USA, 1978; и др.

⁷ Кузеев Р. Г., Бикбулатов Н. В., Шитова С. Н. Зауральские башкиры (этнографический очерк быта и культуры конца XIX — начала XX вв.).— АЭБ, т. 1; Кузеев Р. Г. Об этнографических группах и принципах их выделения.— В кн.: Итоговая научная сессия ИИЯЛ БФАН СССР за 1967 г. Уфа, 1968; он же. Этнографические группы башкир в XIX в. и история их формирования.— АЭБ, т. 3.

⁸ Кузеев Р. Г. Развитие хозяйства башкир в X—XIX вв.— АЭБ, т. 3; он же. Численность башкир и некоторые этнические процессы в Башкирии в XVI—XX вв.— Там же.

⁹ Кузеев Р. Г. К этнической истории башкир в конце I— начале II тыс. н.э.; *он же*. Урало-аральские этнические связи в конце I тыс. н.э. и история формирования башкирской народности.— АЭБ, т. 4.

¹⁰ Гарипов Т. М., Кузеев Р. Г. Башкиро-мадьярская проблема: Краткий обзор основных источников.— АЭБ, т. 1; Кузеев Р. Г. Об историческом соотношении территории «Великой Венгрии» и Дренией Башкирии.— В кн.: Этнография Башкирии. Уфа, 1976; *он же*. «Magna Hungaria» и Древняя Башкирия.— В кн.: Finno-Ugristarum. Budapest, 1978.

¹¹ Научная сессия по этногенезу башкир. Уфа, 1969; Археология и этнография Башкирии. Т. 4: Материалы научной сессии по этногенезу башкир. Уфа, 1971. Подробный отчет о сессии опубликован в ж. «Советская этнография», 1970, № 3.

¹² Археологическая карта Башкирии. М., 1976.

¹³ Максютова Н. Х. Восточный диалект башкирского языка. М., 1976; Миржанова С. Ф. Южный диалект башкирского языка. М., 1979.

¹⁴ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. М., 1974; *он же*. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978.

¹⁵ Акимова М. С. Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968; *она же*. Этногенез башкир по данным антропологии.— АЭБ, т. 4; *она же*. Значение данных антропологии, дерматоглифики серологии для изучения смешанных групп (на башкирском материале).— ВА, 1973, вып. 44; *она же*. Антропология башкир.— В кн.: Антропология и геогеография. М., 1974.

¹⁶ Кузеев Р. Г., Рафиков Х. С. Материалы к генетической структуре коренного населения Башкирии.— В кн.: Третий съезд Всесоюзного общества генетиков и селекционеров им. Н. И. Вавилова: Тезисы докладов. Л., 1977; Кузеев Р. Г., Рафиков Х. С., Рычков Ю. Г. и др. Популяционно-генетические исследования в Башкирии.— В кн.: XIV Международный генетический конгресс: Тезисы докладов, ч. 2. М., 1978; Кузеев Р. Г., Рафиков Х. С., Юмагужина Н. Х. К популяционной генетике башкир (в связи с вопросами этногенеза народов Урала и Поволжья).— В кн.: Культура и быт башкир. Уфа, 1978.

¹⁷ Юсупов Р. М. К краниологии современного населения Башкирии.— В кн.: Вопросы финноугроведения: Тезисы докладов на XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов. Сыктывкар, 1979; *он же*. Антропологическая характеристика башкир по данным краниологии.— В кн.: Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1978—1979 гг. Уфа, 1980.

¹⁸ Авижанская С. А., Бикбулатов Н. В., Кузеев Р. Г. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964; Кузеев Р. Г., Бикбулатов Н. В., Шитова С. Н. Декоративное творчество башкирского народа. Уфа, 1979.

¹⁹ Шитова С. Н. Народная одежда башкир.— АЭБ, т. 3; *она же*. Этнокультурные связи башкир по данным материальной культуры и декоративно-прикладного искусства.— АЭБ, т. 4; *она же*. Сибирские таежные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир.— В кн.: Этнография Башкирии. Уфа, 1976; Шитова С. Н., Гаделгареева Р. Г. Злаки в праздничной, обрядовой и повседневной пище башкир.— В кн.: Хозяйство и культура башкир в XIX — начале XX вв. М., 1979; Муллагулов М. Г. Башкирские лыжи.— В кн.: Этнография Башкирии; *он же*. Выючно-верховой транспорт башкир.— В кн.: Хозяйство и культура башкир в XIX — начале XX вв.; и др.

²⁰ Бикбулатов Н. В. Башкирская терминология и система родства как этногенетический источник.— АЭБ, т. 4; *он же*. Особенности системы родства башкир и татар Среднего Поволжья и Приуралья.— В кн.: Поволжско-Уральское археолого-этнографическое совещание: Тезисы докладов. Казань, 1974; *он же*. Башкирская система родства. М., 1981.

²¹ Тезисы докладов опубликованы в кн.: Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1978—

1979 гг. Уфа, 1980. Подробную информацию о сессии см.: Советская этнография, 1980, № 6.

²² *Мажитов Н. А.* Происхождение башкир (историко-археологический анализ).— АЭБ, т. 4; *он же.* Южный Урал в VII—XIV вв. М., 1977; *он же.* Курганы Южного Урала VIII—XII вв. М., 1981.

²³ *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии. М., 1981, с. 14—15.

²⁴ Этому вопросу были посвящены в последнее время многолетние исследования Т. М. Гарипова; см. его: Кыпчакские языки Урало-Поволжья. Опыт синхронической и диахронической характеристики. М., 1979.

²⁵ *Васильев В. И.* К вопросу об участии самодийского этнического компонента в этногенезе башкир.— В кн.: Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1978—1979 гг.; *Халикова Р. Х., Хисамитдинова Ф. Г.* О некоторых консонантных сочетаниях в тюркских и самодийских языках (на материале башкирского и ненецкого языков).— Сов. тюркология, 1980, № 3. В настоящем сборнике этому вопросу посвящена статья Васильева В. И., Шитовой С. Н. Башкиро-самодийские взаимосвязи (к проблеме башкирского этногенеза).

²⁶ *Пименов В. В.* Урало-Поволжская историко-этнографическая область. В кн.: Проблемы типологии в этнографии. М., 1979; *Кузеев Р. Г., Гарипов Т. М., Иванов В. А., Моисеева Н. Н.* Волго-Уральская историко-этнографическая область.— В кн.: Всесоюзная сессия по итогам полевых ... исследований 1978—1979 гг.; *Кузеев Р. Г., Гарипов Т. М.* К истории этнокультурных связей тюркоязычных и финно-угорских народов в Волго-Уральском регионе.— В кн.: III Всесоюзная тюркологическая конференция. Литературоведение и история: Тезисы докладов и сообщений. Ташкент, 1980.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЭБ — Археология и этнография Башкирии.
БНТ — Башкирское народное творчество.
ВА — Вопросы антропологии.
ВАУ — Вопросы археологии Урала.
ВДТЯ — Вопросы диалектологии тюркских языков.
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
ИЭАС — Историко-этнографический атлас Сибири.
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии.
КТ — Памятник в честь Кюль-Тегина;
б — большая надпись, м — малая надпись.
МИА — Материалы исследований по археологии.
МКАЭН — Международный конгресс антропологических и этнографических наук.
НА — Научный архив.
РГО — Русское Географическое общество.
СЭ — Советская этнография.
ТКАЭЭ — Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции.
Тон — Памятник Тоньюкука.
ЦГА — Центральный государственный архив.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.
ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив.
ЧНИИЯЛИЭ — Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР.

СОДЕРЖАНИЕ

Р. Г. Кузеев, Т. М. Гарипов, В. А. Иванов, Н. И. Моисеева. Об истории этнокультурных контактов индоевропейских, уральских и алтайских народов в Урало-Поволжье	3
В. И. Васильев, С. Н. Шитова. Башкиро-самодийские взаимосвязи (к проблеме этногенеза башкир)	18
В. Ф. Каховский. О чувашско-башкирских этнокультурных связях	41
М. В. Мурзабулатов. Численность и расселение зауральских башкир в XIX— начале XX в.	58
Ф. Г. Хисамитдинова. Об этноисторической обусловленности аномальных консонантных сочетаний башкирского языка	68
И. Б. Молдобаев. Башкирско-киргизские параллели в этнонимике эпоса «Манас»	83
Ф. А. Надршина. Башкирско-казахские этнокультурные связи по материалам башкирских народных легенд и преданий	93
Р. М. Юсупов. Краниологическая характеристика башкир в сопоставлении с финно-угорскими и тюркскими народами	101
Н. В. Бикбулатов. Об изучении проблемы происхождения и этнической истории башкирского народа	132
Список сокращений	143

Академия наук СССР

Башкирский филиал

Институт истории, языка и литературы

ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

ЮЖНОГО УРАЛА

Редактор Н. В. Хрулева
Тех. редактор Ф. Г. Гайфуллин
Корректор Р. М. Габдуллина

Сдано в набор 02. 02. 82. Подписано к печати 17. 11. 82. П11522. Формат 60×90^{1/16}. Уч.-изд. л. 9,5. Физ. печ. л. 9,0. Заказ № 517. Бумага тип. № 1. Тираж 500 экз. Цена 1 р. 40 к.

Уфимский полиграфкомбинат Госкомиздата БАССР.
г. Уфа-1, проспект Октября, 2